

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ОТРАЖЕНИЯ

Первые опыты художественного перевода

Выпуск 6/7

Ответственный редактор и составитель О. В. Матвиенко

Ростов-на-Дону
Издательство Южного федерального университета
2016

УДК 82-822=03
ББК 84(0)
О-862

Ответственная за выпуск О.И. Чуванова

С предложениями и пожеланиями обращаться по адресу:
Донецк, 83001, ул. Университетская, 24. Донецкий национальный университет, кафедра зарубежной литературы. Матвиенко О.В.

Тексты для публикации можно также направлять по электронной почте kmlkf@list.ru или на адрес редактора сборника matvizar@gmail.com.
Присланные материалы не возвращаются и не рецензируются.

О-862   **Отражения. Первые опыты художественного перевода.** Вып. 6/7
/ отв. ред. и сост. О. В. Матвиенко ; [отв. за выпуск О. И. Чуванова]. –
Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета,
2016. – 191 с.
ISBN 978-5-9275-2260-6

В двойном выпуске сборника «Отражения» представлены переводы мировой литературной классики и современной литературы, выполненные школьниками Донбасса, студентами и преподавателями факультета иностранных языков и филологического факультета Донецкого национального университета, а также работы студентов вузов Донбасса, России, Украины и дальнего зарубежья, поданные на одноименный конкурс художественного перевода.

УДК 82-822=03
ББК 84(0)

ISBN 978-5-9275-2260-6

© Донецкий национальный университет, 2016
© Матвиенко О. В., составление, 2016
© Оформление. Макет. Издательство
Южного федерального университета, 2016

От составителя

Дорогой читатель!

После вынужденного перерыва мы возобновляем выпуск сборника художественных переводов „Отражения». Материал на этот раз оказался настолько объемным, что было принято решение объединить два номера «Отражений» под одной обложкой. В традиционных рубриках представлено лучшее из стихотворных и прозаических переводов, созданных студентами Донецкого национального университета и вузов Донбасса. Кроме того, в альманахе собраны итоги нескольких конкурсов художественного перевода, проводившихся среди донбасских старшеклассников, – переводы за несколько лет, которые мы «задолжали» читателям в силу военных обстоятельств. Значительную часть публикаций составили работы студенток ФИЯ и филфака ДонНУ, участниц «Переводческой мастерской», – эти работы обсуждались на совместном скайп-семинаре с проф. И.А. Шишковой и В.О.Бабковым, а также студентами Литературного института им. А.М. Горького г. Москвы (12.04.2016 г.). И, конечно, мы предоставили страницы нашего альманаха участникам международного конкурса художественных переводов «Отражения», который, несмотря на свою долгую историю, впервые проводился в таком формате. Хотя количество украинских участников уменьшилось, однако география мероприятия в целом расширилась, дополнившись представителями Белоруссии (Гомель), России (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Воронеж, Волгоград, Владимир, Ульяновск, Пятигорск, Барнаул) и дальнего зарубежья (Германия).

Надеемся, читатели оценят по достоинству и перевод стихотворения А. Силлитоу, посвященного родному городу Воронежу, выполненный профессором ВГУ С.Н. Филюшкиной, и стихи В. Ипатовой, переведенные с белорусского донецкой школьницей, на чью жизнь, как и на жизнь самой поэтессы, наложила отпечаток война, и озорной вольный перевод (переспів) знаменитой поэмы Г. Гейне «Германия. Зимняя сказка», сделанный нашим гостем из Западной Украины. И многое, многое другое.

Желаю Вам приятного чтения!

Ольга Матвиенко

Від укладача

Любий читачу!

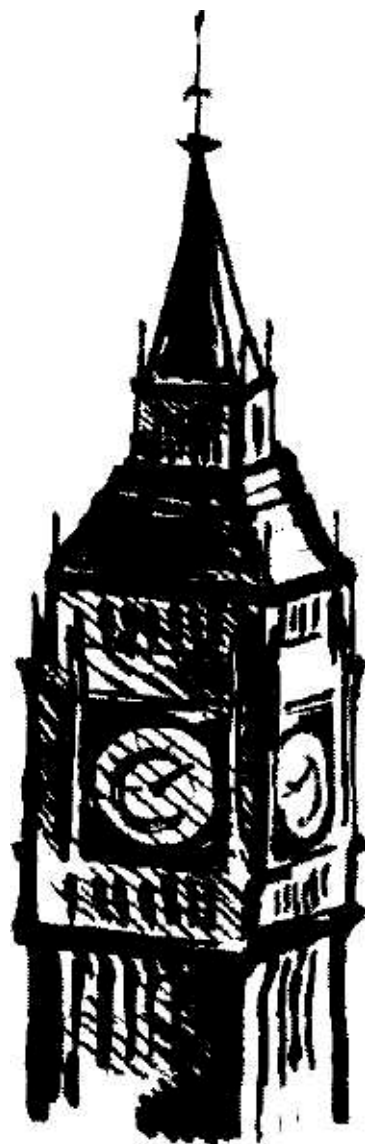
Після вимушеної перерви ми поновлюємо випуск збірки художніх перекладів «Віддзеркалення». Цього разу обсяг матеріалу виявився настільки великим, що було прийнято рішення об'єднати два числа «Віддзеркалень» під однією обкладинкою. У традиційних рубриках представлено найкраще з вішованих та прозаїчних перекладів, створених студентами Донецького національного університету і вишів Донбасу. Крім того, в альманасі підсумовано низку конкурсів художнього перекладу, які проводились серед донбаських старшокласників, – переклади за кілька років, що ми їх «заборгували» читачам через воєнні обставини. Значну частину публікацій склали роботи студенток ФІМ та філфаку ДонНУ, учасниць «Перекладацької майстерні», – ці роботи обговорювались на спільному скайп-семінарі з проф. І.О. Шишковою та В.О.Бабковим, а також студентами Літературного інституту ім. О.М. Горького м. Москви (12.04.2016 р.). І, звичайно, ми надали сторінки нашого альманаху учасникам міжнародного конкурсу художніх перекладів «Віддзеркалення», який, незважаючи на свою тривалу історію, вперше проводився в такому форматі. Хоча кількість українських учасників скоротилась, проте географія заходу в цілому розширилась, поповнившись представниками Білорусі (Гомель), Росії (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Воронеж, Волгоград, Владимир, Ульяновськ, П'ятигорськ, Барнаул) та далекого зарубіжжя (Німеччина).

Сподіваємось, читачі належно оцінять і переклад поезії А. Сілітоу, присвяченої рідному місту Воронежу, виконаний професором ВДУ С.М. Філюшкіною, і вірші В. Іпатової, перекладені з білоруської донецькою школяркою, на чиему житті, як і на житті самої поетеси, залишила відбиток війна, і дошкульний, бешкетний переспів славнозвісної поеми Г. Гайне «Німеччина. Зимова казка», зроблений нашим гостем із Західної України. І багато, багато іншого.

Бажаю Вам приємного читання!

Ольга Матвієнко

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

G.G.N. Byron. She walks in beauty

She walks in beauty, like the night
Of cloudless climes and starry skies;
And all that 's best of dark and bright
Meet in her aspect and her eyes:
Thus mellow'd to that tender light
Which heaven to gaudy day denies.
One shade the more, one ray the less,
Had half impair'd the nameless grace
Which waves in every raven tress,
Or softly lightens o'er her face;
Where thoughts serenely sweet
express
How pure, how dear their dwelling-
place.

And on that cheek, and o'er that brow,
So soft, so calm, yet eloquent,
The smiles that win, the tints that
glow,
But tell of days in goodness spent,
A mind at peace with all below,
A heart whose love is innocent!

John Keats. On The Sea

It keeps eternal whisperings around
Desolate shores, and with its mighty swell
Gluts twice ten thousand caverns, till the spell
Of Hecate leaves them their old shadowy sound.
Often 'tis in such gentle temper found,
That scarcely will the very smallest shell
Be moved for days from whence it sometime fell,
When last the winds of heaven were unbound.
Oh ye! who have your eye-balls vexed and tired,
Feast them upon the wideness of the Sea;
Oh ye! whose ears are dinned with uproar rude,
Or fed too much with cloying melody, –
Sit ye near some old cavern's mouth, and brood
Until ye start, as if the sea-nymphs choired!

Джон Китс. Море

Обманчив моря лик... То шепотом невнятным

**Дж.Г.Н. Байрон. Она идет как ночь
прекрасна...**

Она идет, как ночь прекрасна,
Как в небе россыпь звездных зорь.
Ее глаза полны богатства:
В них тьмы и света есть узор.
И в них игра теней чудесна,
Но днем уходит сей огонь –
Ее краса в сиянье света
Не привлекает нежный взор.
Красы волшебное мерцанье
Уйдет со смоляных кудрей,
А на лице в ночном сиянье
Появится игра теней.

Ее улыбки безмятежность
И легкость розовых ланит,
В глазах спокойствие и нежность –
Всем этим лик ее манит,
А в сердце чистая безгрешность
Невинную любовь хранит.

*Перевод Маргариты Златиной, студентки
4 курса специальности «перевод
(английский, немецкий язык)» ФИЯ ДонНУ*

Пустынным берегам покой оно приносит,
То вдруг поднимется одним огромным валом
И тысячи пещер затопит в один миг!
Ревёт и буйствует, пока Гекаты чары
Вечерним сумраком его не успокоят.
Порой заснет оно, нас радуя смиреньем,
И всё замрёт, как будто так и было,
Ракушка мелкая, скиталица морская,
На время отдохнет, пока ветра с небес
Своё не поменяют направление.
О те, чей взор устал от впечатлений
Безбрежность моря пусть им в радость будет!
А если шум вокруг вас раздражает,
Не в радость песен громкие мотивы,
Найдите место у пещеры старой
И мудрость мира столько постигайте,
Пока сирены вас не потревожат!

*Перевод Кирилла Козлитина, учащегося 11 класса общеобразовательной школы № 2
г. Авдеевка, Донецкая обл.*

W.H. Davies. Leisure

What is this life if, full of care,
We have no time to stand and stare.
No time to stand beneath the boughs
And stare as long as sheep or cows.
No time to see, when woods we pass,
Where squirrels hide their nuts in grass.
No time to see, in broad daylight,
Screams full of stars, like skies at night.
No time to turn at Beauty's glance,
And watch her feet, how they dance.
No time to wait till her mouth can
Enrich that smile her eyes began.
A poor life this if, full of care,
We have no time to stand and stare.

У.Г. Дейвис. Досуг

Что наша жизнь, коль мы полны
забот.
Нет времени остановиться,
И постоять под ветвями дубов,
И мыслями о вечном поделиться.

Нет времени увидеть, как леса растут,
Заметить белок, что в ветвях снуют,
Насобирать цветов и встретить свой
рассвет,
Мечтать о звёздах – времени-то нет!

Когда начнём ценить мы красоту,
Пока одна Вселенная на свете.
Весь мир принадлежит её перу,
И неспроста живем мы на планете.

Раскрасим бедность жизни мы
заботой,
Пойми: есть время, чтоб дружить с
природой!

Перевод Полины Батрак (17 лет)

E.A.Poe. Eldorado

Gaily bedight,
A gallant knight,
In sunshine and in shadow,
Had journeyed long,
Singing a song,
In search of Eldorado.

But he grew old –
This knight so bold –
And o'er his heart a shadow
Fell as he found
No spot of ground
That looked like Eldorado.

And, as his strength
Failed him at length,
He met a pilgrim shadow –
"Shadow," said he,
"Where can it be –
This land of Eldorado?"

"Over the Mountains
Of the Moon,
Down the Valley of the Shadow,
Ride, boldly ride,"
The shade replied –
"If you seek for Eldorado!"

Rudyard Kipling. The Oldest Song. For before Eve was Lilith. Old Tale.

"These were never your true love's
eyes.
Why do you feign that you love them?
You that broke from their constancies,
And the wide calm brows above them!

This was never your true love's
speech.
Why do you thrill when you hear it?
You that have ridden out of its reach
The width of the world or near it!

Э.А. По. Эльдorado

По долине пустой,
Средь чащи густой
Едет рыцарь храбрый.
Он песню поет,
Он скачет вперед –
В поисках Эльдорадо.

Но рыцарь старел
И быстро седел,
Кружилось теней торнадо.
Он все обошел,
Но не нашел
Страны золотой Эльдорадо.

Когда был он без сил,
Рок его наградил:
Призрак ему стал отрадой.
«Милость мне окажи,
Призрак, хоть покажи,
Где же искать Эльдорадо?» –

«Через горный хребет
На Лунный рассвет,
Сквозь Долины Теней преграду
Галопом скачи,
Навстречу мчи
Той стране, что зовут Эльдорадо».
*Перевод Алины Бессмертной, студентки 4
курса специальности «перевод (английский,
немецкий язык)» ФИЯ ДонНУ*

This was never your true love's hair, –
You that chafed when it bound you
Screened from knowledge or shame or
care,
In the night that it made around you!"

"All these things I know, I know.
And that's why my heart is breaking!"
"Then what do you gain by pretending
so?"
"The joy of an old wound waking."

Р. Киплинг. Старая песня.
Ибо прежде Евы была Лилит.

«Это не взоры твоей возлюбленной,
Зачем притворяются, что любишь
их?
Не спас ты души загубленной,
Что скрыта в глазах чужих.

Это не речи твоей возлюбленной.
Отчего же трепещешь, заслышав
их?
Отрекся от неба. Озлобленный
Сбегаешь от слов моих.

Это не кудри твоей возлюбленной,
Но их ты гладил так нежно.
Себя обвенчал с порочной мечтой,
Когда правила ночь безмятежно!»

«Мне было ведомо это всегда.
И от знания сердце разбито.»
«Что выиграл ты от притворства
тогда?»
«Вновь старая рана открыта». *Вольный перевод Полины Липановой, студентки 4 курса специальности «перевод (английский, немецкий язык)» ФИЯ ДонНУ*

**Mary Elizabeth Frye. "Do Not
Stand at My Grave and Weep"
(1932)**

Do not stand at my grave and weep.
I am not there; I do not sleep.
I am a thousand winds that blow.
I am the diamond glints on snow.
I am the sunlight on ripened grain.
I am the gentle autumn rain.

When you awaken in the morning's
hush
I am the swift uplifting rush
Of quiet birds in circled flight.

Р. Кіплінг. Прадавня пісня
Адже перед Євою була Ліліт.
Стара легенда

«Цей погляд не любив ти, ні.
Невже тепер кохаєш справді?
Облиш. Ти очі ці ясні
І це чоло погідне зрадив.

Цей голос не любив ти, ні.
Чому ж тремтиш, його зачувши?
Хіба у дальній стороні
Його назавжди не забув ще?

Ти й коси ції не любив,
Адже під їх нічним покровом
Ти сором з розумом губив
І все ж на волю рвався знову».

– «Це знаю, знаю я». – «А втім,
Пощо ж тобі любов-омана?» –
«У серці скрушенім моїм
Щемить солодко давня рана...»
*Переклад О.В. Матвієнко, доцента
кафедри зарубіжної літератури ДонНУ*

**Мэри Элизабет Фрай. «Не стой над
могилой моей и не плачь...»**

Не стой над могилой моей и не плачь,
Я ведь не там, свои слезы ты спрячь.
Я в нежном порыве сотни ветров,
В мерцанье алмазов среди белых
снегов.
В созревших колосьях я солнечный
луч,
Осенним дождем мягко льюсь из-за
туч.

Когда ты проснешься в рассветной
тиши,

I am the soft stars that shine at night.
Do not stand at my grave and cry;
I am not there; I did not die.

Robert Frost (1874 – 1963).

The Road Not Taken

Two roads diverged in a yellow wood,
And sorry I could not travel both
And be one traveler, long I stood
And look down one as far as I could
To where it bent in the undergrowth;

Then took the other, as just as fair,
And having perhaps the better claim,
Because it was grassy and wanted
wear;
Though as for that the passing there
Had worn them really about the same,

And both that morning equally lay
In leaves no step had trodden black.
Oh, I kept the first for another day!
Yet knowing how way leads on to
way,
I doubted if I should ever come back.

I shall be telling this with a sigh
Somewhere ages and ages hence:
Two roads diverged in a wood, and I –
I took the one less traveled by,
And that has made all the difference.

Буду вихрем я птичьим безмолвно
кружить.

Вместе с ними стремительно в небо
взметнусь,

Ярким светом звезд над землею
прольюсь.

Не стой у могилы и слезы не лей,

Ведь я не схорóнен и нет меня в ней.

*Перевод Ирины Образцовой, студентки 4
курса специальности «перевод (английский,
нмецкий язык)» ФИЯ ДонНУ*

Роберт Фрост (1874 – 1963).

Нехоженный путь

Я стою и смотрю, сожаленье тая,

Две тропинки бегут в желтый лес от
меня.

Выбрать я не могу – обе сердцу
сродни!

Жадным взглядом гляжу, как исчезли
они.

По какой мне пойти, не обидев себя?

Где трава высока, не примята пока,

Первым путь проложить, не жалея
сапог,

И оставить следы, как раздумий итог?

Ранним утром нашел две тропинки я в
лес.

По шуршащей листве не ходил никто
здесь.

Выбрал первую я, хоть не знаю пути,

Ведь дороги нужны, чтоб куда-то
идти!

Пожалею ли я, когда годы пройдут,

Что из двух предпочел я нехоженный
путь?

Пусть от цели далёк и тернистее был,

Но он многое в жизни моей изменил!

*Перевод Кирилла Козлитина, учащегося 11
класса общеобразовательной школы № 2
г.Авдеевка, Донецкая обл.*

Sylvia Plath. WINTER LANDSCAPE, WITH ROOKS (1956)

Water in the millrace, through a sluice of stone,
plunges headlong into that black pond
where, absurd and out-of-season, a single swan
floats chaste as snow, taunting the clouded mind
which hungers to haul the white reflection down.

The austere sun descends above the fen,
an orange cyclops-eye, scorning to look
longer on this landscape of chagrin;
feathered dark in thought, I stalk like a rook,
brooding as the winter night comes on.

Last summer's reeds are all engraved in ice
as is your image in my eye; dry frost
glazes the window of my hurt; what solace
can be struck from rock to make heart's waste
grow green again? Who'd walk in this bleak place?

Сильвия Плат. Зимний пейзаж с грачами

Поток воды по мельничному стоку
Врывается в глубокий черный пруд,
Где неуместный лебедь одинокий
Тревожит снежной белизной рассудок,
Виденье жаждущий увлечь на дно.

На топь нисходит солнца лик суровый –
Горящий глаз циклопа, что с презреньем
Взирает на шагреневый пейзаж;
Как грач, я в оперенье темных мыслей
Мрачнею с наступленьем зимней ночи.

Сухой тростник запечатлен во льду,
Как образ твой в глазах. Мороз узором
Окно душевной раны расцветил.
Какое утешенье можно высечь
Из глыбы каменной, чтобы пустыня сердца
Зазеленела? Кто в тот мрак зайдет?

Перевод Ольги Чувановой, аспиранта кафедры зарубежной литературы ФИЯ ДонНУ

Сильвия Плат. Зимний этюд с грачами

Вода, стремясь от мельницы сквозь камни,
Вторгается стремглав во мрачный пруд,
Где белый лебедь – в зимней стуже странник –

Плывет один, мой нежеланный друг,
Дразня своим сияньем ум туманный.

Суровость солнца нависает над болотом,
И желтый глаз циклопа - хмуро так
Шагреновый пейзаж окинет взором;
Как грач, я, облачившись в мысли мрак,
Ступаю, стылой ночи тяготясь приходом.

В лед гравировкой врезались тростинки –
Так образ твой застыл в моих глазах;
Окно тоски мороз застелет зыбкий;
И что посеет зелень на сухих камнях?
Кто забредет в пустырь промозгло-дикий?

Перевод Викторией Долгополовой, студентки 4 курса специальности «английская филология» ФИЯ ДонНУ

Сильвия Плат. Зимний пейзаж с грачами

В большую каменную дамбу по жёлобу бежит,
Срываясь вниз, поток воды; уносит мысли в пруд,
Где среди чёрной пустоты белеющий дрожит
Невинный гордый лебедь. Помыслы мои не ждут
И чистого, как снег, на дно пруда его влекут.

Великая янтарная звезда в болото
Спускается вдруг ниже. Как презлой палач,
Она всё смотрит глазом страшного циклопа
На то, как скорбно и печально замер грач:
Приходом зимней ночи мученик измотан.

Сухой стебель – память лета – нынче скован льдом,
И, как гравюра, чётко образ твой в моих глазах.
Мороз украсил рану окно, покрыл стеклом...
Как сделать из скалы живое сердце? Лишь во снах
Здесь всё цветёт. Кто будет в этом мраке вековым?

Перевод Владилены Чоботовой, студентки 3 курса специальности «украинская филология» филологического факультета ДонНУ

Сильвия Плат. Зимний пейзаж с грачами

По шлюзам каменным, через лоток
Вода потоком хлещет в пруд кромешный,
Где лебедь, чист как снег и одинок,
Ум неуместностью смущает снежной:
Смириться с белизною он не смог.

Восходит солнце рыжее над топью,
Презрительно шагреневый пейзаж
Суровым оком обводя циклопым.
Как грач, я бесприютный ночи страж,
Грач в чёрном оперенье дум недобрых.

Гравюрою тростник впечатан в лёд,
Как облик твой в зрачок мой, и мороз
Узор поверх сердечной раны вьёт.
Как твердь иссечь, чтоб зеленью пророс
Пустырь души? Кто в тьму его войдёт?

*Перевод О.В. Матвиенко, доцента кафедры зарубежной литературы
Донецкого национального университета*

Alan Sillitoe. Love in the environs of Voronezh

Love in the environs of Voronezh.
It's far away, a handsome town
But what has it to do with love?
Guns and bombers smashed it down.

Yet love rebuilt it street by street.
The dead would hardly know it now
And those who live forget retreat.

There's no returning to the heart:
The dead to the environs go
Away from resurrected stone.

Reducible to soil and snow
They hem the town in hard as bone:
Beyond the outer zones of Voronezh.

Информация об авторе:

Алан Силлитоу (1928-2010)

Английский писатель, принадлежавший к так называемым «рабочим романистам», – демократическому движению в английской прозе 1950-х – 1960-х годов (Д. Стори, Ст. Барстоу, С. Чаплин, Р. Уильямс). Считается, что роман А. Силлитоу «В субботу вечером, в воскресенье утром» (1958), с редкой достоверностью повествующий о трудовых и житейских буднях рабочего-токаря Артура Ситона, стоит у истоков этого литературного явления. Жизненная достоверность – характерная черта произведений «рабочих романистов» – объясняется тем, что все они (А. Силлитоу не составляет исключения) – выходцы из рабочей среды, нравы которой столь правдиво и воспроизводят в своих книгах. Постоянный мотив этих произведений – стремление главного героя вырваться из беспросветного, отупляющего существования к более осмысленной жизни – как правило, обратившись к писательскому ремеслу. Именно таков жизненный путь Брайена Ситона, брата Артура, центрального персонажа романов А. Силлитоу «Ключ от двери» (1961) и

«Дверь открыта» (1989), вместе с первой книгой составляющих трилогию. Перу А. Силлитоу принадлежат также сб. рассказов «Одиночество бегуна на длинную дистанцию» (1959), «Дочь старьевщика» (1963), «Закоулок» (1988), полудокументальные, автобиографические книги «Начало пути» (1971), «Сырье» (1973), а также книги для детей. Хотя в творчестве Силлитоу конца 1970-х – начала 1980-х гг. отчасти сохраняется характерная для него тематика и интонация (роман «Ее победа», 1982 – о преодолении героиней одиночества, поисках любви, победе над грустными жизненными обстоятельствами; «Жизнь продолжается», 1985 – вторая часть пикарескного романа «Начало пути»), в нем все больше заметно пессимистическое мироощущение, даже по отношению к писательству, которое он теперь определяет не как профессию, но как «образ жизни», «подмену жизни» (роман «Рассказчик», 1979). Такая точка зрения значительно усиливается в произведениях 1990-х гг., в том числе автобиографических «Война Леонарда» (1991), «Незащищенная жизнь» (1995), спасение видится Силлитоу лишь в непоколебимом стоицизме («Площадка для игры аллигаторов», 1998; «Сломанная колесница», 1998; «Человек своего времени», 2004). В последнее десятилетие Силлитоу нередко обращается к жанру триллера (что характерно для многих «серьезных» прозаиков) – чтобы выразить свое отношение к сегодняшнему миру в адекватной художественной форме, предполагающей пародийное остранение («В снежной ловушке», 1993; «Немка по позывным», 1999).

Любовь в окрестностях Воронежа

Любовь в окрестностях Воронежа.
Прекрасный город – где он ныне?
И что теперь ему любовь –
От пуль и бомб он стал пустыней.

Но лишь любовью возрожден,
Он вновь поднялся – дом за домом.
И тем, кто умер за него,
Он показался б незнакомым.

Врачуя память у живых,
Любовь и камни воскресила,
Но дальше вдаль и прочь от них
Уходят спящие в могилах.

Все уменьшаясь, все дробясь,
Став снегом, пылью став земною,
Они легли кольцом застав,
Как бы в объятьях город сжав,
За той, незримою, чертою,
Храня любовь свою к Воронежу.

Перевод С.Н. Филюшкиной, литературоведа, литературного критика, публициста, д. филол. н., профессора Воронежского государственного университета

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТУРНИР

W.E. Hawkins.

Ask me, why I love you

Ask me, why I love you, dear,

And I will ask the rose

Why it loves the dews of Spring

At the Winter's close;

Why the blossoms' nectared sweets

Loved by questing bee, —

I will gladly answer you,

If they answer me.

Спроси меня, почему я люблю тебя

Спроси меня, за что люблю тебя,

Как розу – ветер, нежно теребя,

Как роза любит росы у весны,

Как вьюга вьет снежинки у зимы;

И почему же сладостный нектар

Пчела упорно ищет и во сне?

Я с радостью ответил бы тебе,

Если они ответят мне.

*Перевод Таисии Чуприны (14 лет),
ученицы ДСОШ I-III ступеней № 117 г.
Макеевка*

Спроси меня, почему я люблю тебя

Так почему ж люблю я, дорогая?

Отвечу я, спросив у розы той,

Зачем она так любит росы мая,

Когда уходят холода весной.

Зачем нектар прекрасного цветенья

Любим в полях пчелою золотой, —

Тогда я дам ответ тебе, родная,

Когда они поговорят со мной...

*Перевод Екатерины Рындюк (16 лет),
ученицы 11-а класса ДСОШ I-III
ступеней № 71, сейчас студентки
специальности «перевод» ФИЯ ДонНУ*

**У. Э. Хокинс. Спроси, за что люблю
тебя**

Спроси, за что люблю тебя,

И я спрошу у розы,

За что в конце зимы она

Весенние ждет росы.

Скажите мне, за что пчела

Так любит сладкий цвет,

Когда ответят мне – тогда

Я дам тебе ответ.

*Перевод Елены Якушевой, ученицы 11
класса Донецкого технического лицея,
сейчас студентки специальности
«перевод» ФИЯ ДонНУ*

Спроси меня, за что люблю я

Спроси меня, за что люблю я,

Я на вопрос отвечу твой,

Когда цветок благоуханный

В росе омоется весной.

Когда хмельным нектаром пьяным

Пчела насытится вполне, —

Я с удовольствием отвечу,

Если они ответят мне.

*Перевод Дарины Володиной (16 лет),
ученицы Макеевской ОШ № 50*

За что люблю тебя, ты спросишь

За что люблю тебя, ты спросишь, —

Я бы сперва узнал у розы,

За что любить весной росы,

Их свежесть в поздние морозы.

Или за что нектар цветочный,

Чья сладость пчелами искома,

Любви достоин. Знаю точно,

Ответ мой будет им знакомый.

*Перевод Анны Айдыновой (16 лет),
ученицы Макеевской ОШ I-III ступеней
№ 8, сейчас студентки специальности
«перевод» ФИЯ ДонНУ*

Почему я люблю

Ты не спрашивай, почему я люблю.
Не отвечу, мой милый, тебе я.
Как и роза в саду в весеннем цвету,
После зимней стужи краснея,

Иль пчела полевая на цветочном
лугу,
Ароматы цветов собирая,
Не ответят тебе, почему я люблю,
В душе от любви замирая.

*Перевод Ксении Зоговой (15 лет), ученицы
Горловского УВК «ОШ I-III ст. № 14 –
многопроф. лицей «Лидер»*

Спросишь, почему люблю тебя...

Спросишь, почему люблю тебя,
родная, –
Я вопросом на вопрос отвечу,
Почему же роза молодая, после
зимней спячки оживая,
Солнцу юному весны встает
навстречу.
Почему же маленькая пчелка
На нектар цветочный прилетает?
Я бы с радостью тебе ответил, только
На Земле никто того не знает.

*Перевод Максима Иванова (17 лет),
ученика Донецкой ОШ №21*

Спроси меня...

Спроси меня, за что в тебя
влюбилась,
А я ответа попрошу у роз,
Чего ж весны роса им часто снилась,
Когда за окнами трещал мороз;

Чего же так по нраву пчелам сладость
Нектара, что собрал цветов букет? –
Я бы ответила тебе на радость,
Если б они смогли мне дать ответ.

*Перевод Алисы Селезнёвой (16 лет),
ученицы ДОШ I-III ступеней № 124
г. Донецк, сейчас студентки
специальности «перевод» ФИЯ ДонНУ*

Спроси меня, почему я люблю тебя

Ты спроси, почему
Я люблю, дорогая.
А я розу спрошу
О росинках весны.

Пчёлы любят нектар,
На цветы прилетая.
Я скажу о причинах любви,
Коль ответят они.

*Перевод Юлии Маркевич (17 лет),
ученицы Торезской гимназии
общественно-гуманитарного профиля*

Спроси, за что люблю тебя

Спроси, за что люблю тебя –
И я спрошу у роз,
Чем полюбилась им весна,
Когда кругом мороз,

И почему для пчел милей
Цветов нектара нет.
Я дам тебе ответ, когда
Они ответят мне.

*Перевод Александра Генералова (15 лет),
ученика Донецкой профильной гимназии
№ 122*

***

Если спросишь ты, о любовь моя:
"Что же есть любовь?" –

Не отвечу я.

У весенних роз про любовь спрошу:

"Почему, цветок, любишь ты росу?"

Почему для пчёл сладок твой нектар?
Что же есть любовь – может, Божий
дар?"

Но молчит цветок, и молчит пчела,
И река молчит, и ночная мгла.

"Что же есть любовь?" – не найти
ответ,

И в любви никто вам не даст совет.
*Вольный перевод Елизаветы Федоровой
(16 лет), ученицы ОШ I-III ст. № 5
г. Снежное*

L.Kuster. A Wintry Night

The sky is dark and
the ground is white
The world is peaceful on
this wintry night.
No one around, not a
sound to be heard.
Not a laugh, not a car,
not even a bird.
For a moment, it's just
The snow and me.
I smile inside.
I feel so free.

Зимняя ночь

Небо черно,
Земля белоснежна,
Тихо давно,
Ночь безмятежна.

Авто не гудит,
Ни единого звука,
Птица сидит,
Не тревожа слуха.

Единство с природой
Никто не нарушит,
И чувство свободы
Греет мне душу.

*Перевод Софии Кропивы, ученицы 9 класса
Лицея № 47 «Старт» г. Горловки*

Зимняя ночь

Земля белоснежна,
Темны небеса,
В ночь зимнюю эту
Не слышны голоса.

Мир весь спокоен,
Вокруг ни души:
Ни смеха, ни птиц,
ни звука машин.

Л. Кастер. Зимний вечер

Нависло небо тёмное
Над белой землей.
Все – умиротворённое
Холодной зимой.

А вечером ни звука,
Ни смеха, ни машин,
Ни пенья птиц, ни стука,
Лишь снег и я один.

Я счастлив, улыбаюсь,
Свободой наслаждаюсь.

*Перевод Виктории Кривченко, ученицы 11
класса Торезской гимназии общественно-
гуманитарного профиля*

Ночная тишина

В темном небе тишина.
Путь заснеженный под ним.
Ночь сегодня холодна,
Мир здесь кажется другим.

Ни души живой вокруг.
Смех не слышен, шум машин.
Словно замер каждый звук
В зимней сказочной тиши.

На мгновение окажусь
Я со снегом в синей мгле.
Он развеет мою грусть,
Станет на душе теплей.

*Перевод Екатерины Карпуниной, ученицы
10-Б класса Горловского лицея № 85
«Гармония»*

Зимняя ночь

Под темным небом
Земля бела,
В эту тихую ночь
Зима пришла.

Пустынно повсюду,
Ни звука вокруг,
Ни смеха, ни птиц
Не услышать вдруг.

В мгновение это
Есть я и есть снег.
В душе моей радость
И вольности смех.
*Перевод Анны Чебановой, ученицы 9-А
класса Донецкой гимназии № 92*

Зимняя ночь
В небе черно,
На земле белоснежность.
В эту зимнюю ночь
Царит безмятежность.

И звуков не слышно,
Вокруг ни души:
Ни смеха, ни птиц,
Ни гула машин.

Мы остались вдвоем
В этот миг: снег и я.
Свобода и радость
Наполняют меня.
*Перевод Владиславы Шавишиной, ученицы
11 класса гимназии г. Енакиево*

Зимняя ночь
Небо темно,
А земля бела.
Тиха и спокойна
Зимняя мгла.

Вокруг никого,
Здесь царит тишина.
Ни единого звука,
Песня птиц не слышна.

Во всем мире теперь
Только снег лишь и я.
Во мне радость растёт –
Нет свободней меня.
*Перевод Александра Генералова, ученика
Донецкой профильной гимназии № 122*

На миг ощущаю:
Только снег и я.
И я улыбаюсь,
Свободу ценя.
*Перевод Елизаветы Ходюш, ученицы 10-Б
класса ОШ I-III ступеней № 47
г. Макеевка*

Холодный зимний вечер
Земля покрыта снегом белым,
А небо тёмное такое.
Природа будто онемела.
О, как прекрасен час покоя!

Не слышен шум машин привычный,
Не слышен даже птичий крик.
Сегодня вечер необычный, –
Я буду помнить этот миг.

В ночной тиши лишь я один,
И снег, скрипучий и холодный.
Я в этом мире – властелин,
Я понимаю: я – свободный!
*Перевод Дарьи Шастовой, ученицы
Раздольненской ОШ I-III ступеней
администрации Старобешевского
района*

Зимняя ночь
Тёмное небо, белеет земля,
Мир и покой воцарились.
Пусто вокруг, в этом мире лишь я...
Звуки во тьме растворились.

Все затихает: не слышен мне смех,
Пение птиц, гул машин...
В этот момент отстранен я от всех
Вместе со снегом... Один.

Тихую миру улыбку дарю,
Свет изнутри источая.
Как никогда я свободу свою
В этот момент ощущаю.
*Перевод Валерии Колоно, ученицы 9-А
класса школы № 2 г. Ясиноватая*

Зимняя ночь

Небо мирное над головой, мрачное,
И земля прозрачная.

Это зимняя ночь,
А вокруг ни души.
Не слышно ни звука
в той тихой глуши.
Нет смеха, нет птиц
и гула машин.

Здесь только я,
на мгновение, и снег.
Внутри улыбаюсь,
Свободнее всех.

*Перевод Валерии Зрожевской, ученицы 11
класса ОШ № 73 г. Горловка*

Зимняя ночь

Земля бела
И небеса темны.
Мир мирно спит
Под сенью зимней ночи.

Нет никого вокруг.
Ни звука не слышать.
Ни смеха, ни машин,
Ни птицы рядом нет.

И, на какой-то миг,
Есть только снег и я.
В душе я улыбнусь.
Почувствую свободу.

*Перевод Лилии Горловой, ученицы 10-А
класса ОШ № 72 г. Донецк*

Зимняя ночь

Земля уныла,
И небо тёмно.
Ночь всё укрыла
Спокойно, скромно.

И не нарушит
Покой ничто вокруг –
Ни чей-то смех,

Зимняя ночь

Темны небеса,
И белы поля.
В эту зимнюю ночь
Прекрасна Земля.

Вокруг – никого,
Ни единого стука,
Ни голосов, ни машин,
Ни птичьего звука.

В этот момент
Лишь снег со мной,
Чувство свободы,
Я улыбаюсь душой.

*Перевод Игоря Иванченко, ученика 10
класса ОШ № 12 г. Макеевка*

Зимняя ночь

Земля вся бела,
Высота темна.
Эта зимняя ночь
Миром полна.

Никого нет вокруг,
Не слышен и звук
Ни шума машин,
Ни птичек вокруг.

Сейчас здесь есть я
И только лишь снег.
Улыбаюсь внутри:
Я свободен навек.

*Перевод Карины Кулешовой, ученицы 11-А
класса ДОШ № 118 г. Донецк*

Зимний вечер

Этим вечером мир прекрасен:
Тёмное небо, белая земля.
Звук любой будет напрасен:
Здесь только природа и я.

Не слышен смех, шум автомобилей.
И птицы даже не поют.
Нет для меня погоды любимей,

Ни пришлый звук.

Лишь снег и я,
И спит природа.
Я улыбаюсь про себя
И чувствую свободу.

*Перевод Влады Прысь, ученицы 11 класса
Шахтерской ОШ I-III ст. с. Степановка*

Зимняя ночь

Тёмное небо
над белой землёй.
Зимняя ночь,
Тишина и покой.

Ни звука вокруг,
ни рёва машин,
ни гомона птиц, –
Тишина. Я один.

И я улыбаюсь в душе.
В миг покоя
Я на свободе,
Объятый зимою.

*Перевод Каролины Голубенко, ученицы 10
класса ОШ № 124 г. Донецк*

Зимняя ночь

В тёмном небе у белой земли
Стихло всё в этом мире ночном.
Меркнут звуки вблизи и вдали,
Все исчезло из вида кругом.

Нет машин, нет людей, нет и птиц
В этом мире вдвоём я и снег.
Радость жизни не знает границ.
Я свободен, ведь я – человек!

*Перевод Кристины Романенко, ученицы 10
класса Амвросиевской ОШ № 6
Амвросиевского района*

Зимняя ночь

И вечером этим темны небеса,
Земля белым снегом сияет,
И мир стал спокойней, и ждут чудеса,
И в эти часы оживают.

И вот один я здесь стою.

Свобода здесь, она во мне –
Стою и улыбаюсь.

С природой я наедине –
Я в ней одной нуждаюсь.

*Перевод Михаила Олейника, ученика 9-А
класса ОШ № 10 г. Торез*

***

Небо тёмное, бела земля,
Мир спокоен в этот зимний вечер.
А вокруг одна лишь тишина.
И совсем не слышно звуков речи.

Не автомобиль, ни птица,
И никто: ни ты, ни я
Не способен нас услышать,
А вокруг одна лишь тишина.

На мгновение это просто,
Я и белый-белый снег.
Внутри все расплылось в улыбке:
Ведь я свободный человек!

*Перевод Дарьи Губановой, ученицы 11-Б
класса ОШ № 34 г. Макеевка № 34*

Зимняя ночь

Ночь темна, земля бела,
Ни звука, ни души.
Мирно спит вселенная
В ночной тиши.

Нет машин, и нет людей,
И не слышен смех.
Только двое нас с тобой –
Я и белый снег.

*Перевод Анны Логвиновой, ученицы 11
класса Донецкой ОШ № 21*

Зимняя ночь

Небо сегодня темно,
Снегом укрыта земля,
Войн в мире быть не должно
В вечер седой февраля.

И нет никого в этот вечер вокруг,
Ничто тишину не нарушит,
Ни смех, ни мотора машинного звук,
Ни птица. . . . И некого слушать.

Все замерло. Кажется мне лишь на миг,
Что мир – это я, снег и ветер,
Для счастья вполне хватает их:
Сейчас я свободен и светел.
Перевод Екатерины Еременко, ученицы 9-А класса ОШ № 35 г. Донецк

Зимняя ночь

Тёмное небо
Над белой землей,
В мире ночном
Бесконечный покой.

В мире ночном
Так пустынно, бело.
И ни звуков, ни красок –
Снегом все замело.

Ни смеха, ни плача,
Ни шелеста шин.
Этой зимней ночью
Брожу я один.

Только снег, только ночь,
Я свободен, как птица.
И улыбка твоя
Мне сегодня приснится.
Вольный перевод Владиславы Осташевской, ученицы Раздольненской ОШ I-III ступеней администрации Старобешевского района

Зимняя ночь

Небесная высь темнеет,
Земля под ногами белеет.
В эту зимнюю ночь
Мир вас покоем согреет.

Вокруг никого не видно,
Ни единого звука не слышно:

Нет ни людей, ни машин,
Нет вообще никого,
Смех не звучит. Я один,
Птиц нет, не слышно шагов.

Кажется, будто весь мир –
Я и сверкающий снег.
Я улыбаюсь внутри:
Счастлив, свободен навек.
Перевод Ольги Власовой, ученицы 9-А класса ОШ № 35 г. Донецк

Зимняя ночь

Этой зимней ночью
Мир вокруг спокоен.
В тёмном небе звёзды,
И земля снежна.

Я не слышу звуков,
Я не слышу смеха,
Для меня прекрасна
Эта тишина.

Не летают птицы,
Не режут машины.
Этой зимней ночью
Снег лишь – и я сам.

Улыбаюсь ночи,
Улыбаюсь миру.
Чувствую свободу,
Глядя в небеса.
Перевод Анастасии Кадькаленко, ученицы 9-Б класса ОШ № 11 г. Макеевка

Зимняя ночь

Небо темно,
А земля бела,
Мир спокоен –
Зимняя ночь пришла.

Никого вокруг,
Смех затих, нет машин

Ни смеха, машинного стука,
Ни птичьего пения звука.

И радостно мне, я ликую,
Свободу свою торжествую.
*Перевод Анастасии Писачук, ученицы
Ждановской ОШ № 2 г. Ждановка*

Зимняя ночь

Ночь наступила,
Землю снегом укрыло,
Мир и покой
В эту зимнюю ночь.

Не слышно ни звука,
Ни смеха, ни стука,
Словно все замерло,
Сказка – точь-в-точь.

И на мгновение мне показалось,
Что я в этой сказке главный герой...
Снег падал белый,
пушистый и смелый,
Легкий, свободный, звал за собой.
*Вольный перевод Екатерины Верзиловой,
ученицы 11-А класса школы № 6
г. Ясиноватая*

Зимняя ночь

Тёмное небо
Слилось с землей
Мир погрузился
В зимний покой.

Нет ничего –
Ни машин, ни людей.
Зимняя ночь –
Ничего нет милей.

Есть только я,
Есть зима и метель...
Я улыбаюсь,
Ведь на сердце апрель.
*Вольный перевод Александры Коваль,
ученицы 9-Б класса ОШ № 6
г. Амросиевка*

И сейчас в снегу
Я стою один.

Улыбнусь в тишине,
так свободно мне.
*Перевод Богдана Семенчука, ученика 9
класса ОШ I-II ступеней № 26 г. Торез*

Зимняя ночь

Померк уж небосвод,
в округе тишина –
Над миром царствует зима.
Темно, и тихо, и мороз.
Ни птичьих голосов,
ни шума от колёс.

Нет никого вокруг –
Здесь только снег и я.
Молчание... вздох – и снова
тишина... Одна...

Вдохну свободу полной грудью
И миру улыбнусь.
Пусть поскорее от меня
Уходит скука – грусть!
*Перевод Елизаветы Яковлевой, ученицы
9-А класса ОШ № 22 г. Торез*

Зимняя ночь

Спустилась ночь на землю
мирно спящую,
От снега белую,
парчой блестящую.

Ах, ночь волшебная,
зима хрустальная,
Лишь сказка снежная
да тишь печальная.

Ни звука здесь,
ни смеха, ни машины,
Свободы в ней полет
непостижимый...
*Вольный перевод Анастасии Ефименко,
ученицы 9 класса Шахтерской ОШ I-III
ст. п. Садовое*

Зимней Ночью

Вокруг белым-бело,
Всю землю снегом замело,
И небо зимней ночи
Темно и хмуро очень.

Никто нигде не говорит,
и даже птица не парит,
на всей Земле лишь снег да я,
моя свобода, грусть моя.

*Вольный перевод Валерия Хоменко,
ученика 8-А класса МОУ Школа № 3
г. Докучаевск*

Зимняя Ночь

Тёмное небо над белой землёй,
Тихо вокруг в эту зимнюю ночь.

Нет никого, только мы с тишиной,
Ни смеха, ни гула, и птицы пропали
прочь.

Есть только я, и есть только снег,
Как никогда, я свободен от всех.

*Перевод Викторией Ктитаровой, ученицы
9 класса ДОШ I-III ступеней № 3,
г. Донецк*

Роджер МакГаф. Первый день в школе.

Тут, в миллибиллионе миль от дома
Я жду звонка, чтобы скорей пойти. (Куда?)
Здесь почему-то все вокруг большие,
И все кругом до жути незнакомо,
И все будто родились в школьной форме
И будто бы всю жизнь прожили здесь,
Играя в свои игры на площадке,
Но не зовет меня никто играть – и ладно,
Уж слишком грубые они.

А еще заборы.

Везде вокруг заборы.

Они нас защитят от монстров и волков?

Тех, что детьми закусывают завтрак?

И у которых взять нельзя конфет?

Они нам не дадут сбежать с рукока. Рурок.

Звучит как что-то мелкое, худое.

Руроки запирают в кабанетах,

А кабанеты хрюкают. Представьте.

Надеюсь я, что вспомню свое имя,

Мне мама говорила – это нужно,

Как сапоги резиновые. В осень.

Такие... желтые. И где же моя мама?

Надеюсь, имя где-то записали,

Чтобы мучитель смог его прочесть.

Мучитель. Надеюсь, он не хочет меня съесть.

*Перевод Юлии Граценковой, ученицы 11 класса лицея № 47 «Старт», г. Горловка,
16 лет*

Роджер Мак-Гаф. Первый день в школе

От дома в миллитриллимилях,
Я в ожидании звонка
(Куда везут звонкомобили,
Не знаю сам наверняка).

Скажите, люди, отчего же
Другие дети, как слоны?
Они ведут себя негоже,
Смелы, как дома, и шумны.

Они как будто не в сорочке,
А сразу в форме родились
И на площадке с век уж точно
Играть, наверно, собрались.

Меня играть не приглашают:
Для избранных сей тесный круг.
Они лишь только страх внушают.
Ну что же, гусь свинье не друг.

Здесь клетка всюду из забора.
Она, чтоб не давать сбежать
От злого вора-людоежора,
Который будет нам мешать

Конфеты брать из тайников
Или с уруков скрыться вдруг,
От страшных чудищ и волков?
Как может выглядеть урук,

Орудующий на террасах?
Наверное, как таракан.
Известно, что их держат в квасах:
Вся комната – сплошной стакан.

Хотелось бы припомнить имя:
Мне говорили не забыть.
Еще мне мама после ливня
(Эх, если б с мамой рядом быть!)

Всегда велела мокасины
Носить. Но я их не люблю.
Они из кожи, магазины.
Ну ладно, имя посмотрю –

Его могли пришить к портфелю.
Учителья читают пусть,
Ведь я пока что не умею.
У-чай-те ль? Что ж, не откажусь.

*Перевод Александры Ковалевой, ученицы 10-Б класса Донецкого многопрофильного
лицея № 1, г. Донецк*

Роджер МакГаф. Первый день в школе

Ну вот дождался!
Брошен в неизвестность!
Как оценить отчаянья порог?
В мильон? В трильон? А может, в биллион?
Я жду звонка... Куда потом мне деться?
Пойти играть? Затопчут – не заметят!
Они большие, и кричат так громко!
Быть может, снять пиджак? Вдруг засмеют?
Им форма, очевидно, не мешает,
Как будто это шорты и футболка!
Во что они играют? Я не знаю!
Не примут, точно, или затолкают,
Я – маленький, ответить не смогу!

А, впрочем, оглядеться не мешает...
Сбежать отсюда будет трудновато!
Везде забор... Зачем такой высокий?
Здесь волки водятся? А может динозавры?
Страшилки прячутся, зажав в руке конфету?
И глазом не моргнешь, как пропадешь!
Нет, хватит! Всё не так ужасно:
Забор стоит, чтоб мы не убежали,
Когда начнутся эти..э-э.. «упрёки»
Или «уроки»? Как в них разобраться?
Сейчас рассадят нас по «кубинетам»,
Представить страшно, где сидеть придется!

О чем-то мама утром толковала?
О чем-то важном – без него нельзя,
Как без галош по лужам пробежаться!
Конечно, ИМЯ! Я его забыл!!!
Мамуля, мамочка, тебя так не хватает!
Кто я теперь? Какой-то Чебурашка!
А может, мама где-то написала,
Мучитель сможет имя прочитать,
А мне останется лишь головой кивнуть?

МУ- учитель... Вот еще загадка!
К чему здесь «му», ведь он же человек!
Звонок звенит... СЕЙЧАС Я ВСЁ УЗНАЮ!

Перевод Кирилла Козлитина, учащегося 11 класса общеобразовательной школы № 2 г.Авдеевка, Донецкая обл.

Роджер МакГау. Первый день в школе

За сотни тысяч миллионов миль от дома
Жду звонка, чтоб уйти. (Куда?)
Чего все вокруг такие большие?
Чего так шумят? Прямо как дома галдят!
Они будто форму носили с пеленок,

Росли на игровой площадке,
Придумали игры и в салки и в прятки.
А меня не берут.
Да еще игры такие, где сплошная морока
Да еще игры такие, что ни в какие ворота.

А еще заборы!
Вокруг сплошные заборы!
Они что, защищают от волков и монстров?
Чудищ, что едят детей?
Тех, чьи конфеты нельзя брать ребенку?
Или они просто держат нас здесь.

Не дадут сбежать с мороков.
А что еще за мороки?
Звучит как «скоморохи»,
Которых держат в квасных комнатах
Представьте! Комнаты из кваса.

Главное – имя свое не забыть
Мама сказала, что могут спросить.
Что это так важно, как зонтик носить
Во время дождя.
Ну где же она?
Кто подскажет, как меня зовут?
Может в школе с листика прочтут?
Прочтет учитель
Тот, кто учит ель.

Перевод Анастасии Шигирт, студентки 4 курса специальности «международные отношения» ДонНУ

Роджер Мак-Гаф. Первый день в школе

За тридевять земель от дома,
Звонка дожидаться и бежать. (Куда?)
И почему другие дети – великаны?
И так шумят. Они тут как хозяева.
Они, должно быть, в форме родились
И провели все дни играя,
Выдумывая тысячи забав,
В которых не сыскать мне места,
В их играх странных, очень интересных.

Еще заборы,
Всюду здесь заборы.
За ними, видно, чудища и волки,
Что похищают и съедают деток?
Их сладости нельзя нам тронуть.
Наверно, их задача не позволить
Детишкам убежать с урёков.
Да что это вообще такое?
Урёк – зверёк худой и недорослый,
И в гласных комнатах он обитает.
Представьте, комнаты из гласа.

Ох, мне бы вспомнить свое имя,
Ведь мама говорила, пригодится,
Как сапоги резиновые в лужи,
Жаль, «лужные» и мама далеко,
Но имя, кажется, нашито где-то,
Его учитель сможет мне прочесть.
У-чи-тель. То же, что мучитель?

*Перевод Викторией Долгополовой, студентки 4 курса специальности
«английская филология» ФИЯ ДонНУ*

РоджерМак-Го. Первый день в школе

За сотню тысяч миль от дома
Я жду звонка, чтоб поскорей сбежать.
И как же вы так быстро повзрослели?
Так шумно здесь!
Все чувствуют себя как дома,
Как будто сразу в форме родились.
Всю жизнь они играли и резвились
И кучу игр придумать умудрились.
Но вот меня они совсем не приглашали,
Хотя хотелось очень поиграть.

Да и заборы –
Здесь они повсюду.
Зачем они? Чтоб от чудовищ нам спастись?
От тех, которые считают, что мы блюдо?
От тех, которые на сладости нам предлагают повестись?
А может, здесь они, чтоб мы вдруг не сбежали
Подальше от уроков? Ведь урок...
А что, по сути, из себя он представляет?
Звучит, как юркий, маленький «сурок».
Здесь, в кабинетах, он обычно обитает.
Хотя кабин тут нет. Чудно!

Хотел бы вспомнить имя я своё,
Ведь мама говорит, что это очень нужно.
Как сапоги, когда повсюду лужи.
Такие, жёлтые. Как жаль, что рядом нет её.
Я думаю, что имя где-нибудь нашито.
Возможно, что мучитель мне его прочтет.
Мучитель. Будет мучить целый год?

Перевод Данилы Кошелева, студента 2 курса специальности «Электроэнергетика и электротехника» Ульяновского государственного технического университета

Роджер Мак-Гаф. Первый день в школе.

Миллионы миллиардов миллионов миль от дома,
На другом конце планеты жду заветного звонка.
Этот звук, мне незнакомый, дал понять, что должен скоро
Я идти туда куда-то, сам не знаю я, куда.

Здесь такие же мальчишки, только раза в два огромней.
Шумно, весело и громко, столько смеха, оглянись!
Словно дома – на площадке, даже, может быть, комфортней...
Кажется порой, ребята сразу в форме родились.

Они так любили время проводить за странным делом:
Каждый раз изобретали все опаснее игру!
Для меня жестоки игры, говорил им: «Я же смелый! –
Но меня играть не брали, – что ж, на лавке посижу».

Ну а тут везде ограда, здесь ограда, там ограда.
Я задумался серьезно: «Для чего она нужна?
Может волки или монстры, будут очень сильно рады
Нас украсть, и есть, смакуя, уже с самого утра?

Может, чтоб не убежали, мы от сказочных Уркоков?
Кто такой Уркок? Не знаю, но смогу вообразить:

Кто-то маленький и скользкий, и живут они не дома,
В квасной комнате их держат, что бы квас могли попить».

Я забыл, слегка волнуясь, и хотел бы вспомнить имя.
Мама часто говорила: «Свою память напряги!
Оно будет столь полезно, как полезны в сильный ливень
Эти новые, с прилавка, из резины сапоги».

Я хотел бы видеть маму, мама все на свете знает.
Говорила: «На одежде свое имя узнавай».
Вот придет сейчас Учичай, он-то имя прочитает,
Перед этим заваривший самый крепкий в мире чай!

*Перевод Ольги Алмазовой, студентки 2 курса специальности «управление
качеством» Ульяновского государственного технического университета*

Роджер МакГоу. Первый день в школе

Кому это боль знакома?
Миллионы миль до дома,
Сижу, ужасом объятый,
Жду и жду конца занятий.

Посмотрю по сторонам –
Окружают шум и гам.
Эти дети растут ввысь,
В школьной форме родились.

И всю жизнь они играли,
Меня в игры не пускали.
Грубые, дурные игры,
Поглощают тебя, как тигры.

И куда ни глянь – забор,
Не пускает он во двор
Волка, монстра и зверей,
Что съедят тут всех детей?

А, быть может, та ограда
Закрывает дверь от сада,
В сердце вешает замок
Ненавидящим урок.

Мы сидим в стеклянном кубе
И ругаем свои судьбы,
Изучаем письмена,
Забывая имена.

Мама мне сказала – нужно,
Как сапоги, вдруг если лужи.
Жду учителя намек,
Когда мне нужен сей урок.

Перевод Александры Звягинцевой, студентки 2 курса специальности «Прикладная информатика в экономике» Ульяновского государственного технического университета

Роджер МакГаф. Первый день в школе

Сейчас я очень далеко от дома,
Вокруг меня большие в форме ходят дети,
И эта местность мне ни капли не знакома
Я жду звонка сильнее всего на свете.
Похоже, что один я тут такой –
Ведь остальные веселятся и играют.
Ну ничего, быть может, в день другой
Им стыдно станет, что меня не приглашают.
Повсюду странные ограды и перила
Я думаю, что это для защиты.
Их цель – не пропускать волков и чудищ?
Тех, что крадут и кушают детей?
Тех, у кого нельзя брать угощенья?
А может здесь они, чтоб дети не сбегали
Подальше от уроков? Ведь урок...
Что, если он зверек –
Такой же маленький и скользкий.
Их держат взаперти в стеклянных помещеньях.
Где сплошь все из стекла. Вот это да!

Жаль, я не помню, как меня зовут.
Ведь мама говорила, может пригодиться.
Как сапоги, когда повсюду лужи.
Такие желтые. Жаль, что ее тут нет.
Но вроде мое имя где-то вышивали.
Учительница, может, мне его прочтет.
Учитель-ница. Наверное, из Ниццы.

Перевод Софии Галак, студентки 1 курса специальности «Филология. Английский язык и литература. Язык и литература (Иврит)» Луганского государственного университета им. Тараса Шевченко

Роджер Макгаф. Первый день в школе

За миллион километров от дома
Ждём, когда раздастся звонок. (А может, раздаст чего-нибудь?)
Они. Почему они все такие... большие?
Шумят. Как будто им здесь уютно,

Словно родились в школьной форме,
Все вместе вечно жили на площадке,
Изобретая игры, в которых я
Чужой. Игры, которые
Так жестоки, будто засасывают.

А ещё заборы.
Они повсюду.
Это от волков и всяких чудищ?
От монстров, пожирающих маленьких детей?
От тех, с кем нельзя заговаривать на улице?
А может, это чтоб мы не сбежали?
Не смогли уйти от урков. Урки...
А кто это вообще?
Кажется, кто-то мелкий. И склизкий.
Их держат в классных комнатах.
Они что, правда такие классные?
Никак не вспомню своё имя.
Оно мне точно пригодится, так мама сказала.
Будет полезно, как резиновые сапожки в грязь.
Жёлтые сапожки-сухие ножки. Пусть мама придёт.
Надеюсь, моё имя есть где-нибудь, может, нашито.
Может, профессор прочитает его мне.
Профе-ссор. С ним явно лучше не ссориться.

*Перевод Александры Дворецковой, студентки 3 курса специальности
«лингвистика» Санкт-Петербургского государственного экономического университета*

Роджер Мак-Гаф. Первый день в школе

За миллибиллион миль от дома
Я – в ожидании звонка, чтобы пойти. (Куда?)
И почему другие дети такие шумные, большие?
Аааа, в школьной форме все они, наверно, родились!
На игровой площадке прожили сто лет,
выдумывая игры, где мне места нет.
А как жестоки игры те!
Затянут вмиг – и не заметишь!

Еще там есть заборы. Они везде, повсюду!
А вдруг они нужны, чтоб волки не зашли?
Или какой-нибудь мохнатый монстр не влез,
который тащит ребятишек в лес и ест?
Или чтоб не пробрались те, кто предлагает нам конфеты,
Которые ни в коем случае нам брать нельзя?

А может штуки эти – трюки,
Чтоб не сбегали мы с урюков?
Урюк. На что похож он?
На слух он маленький и липкий,
И в «красной» комнате его, бедняжку, держат одного.
Лишь представьте: все двери, окна,
Потолок и стены в красном цвете! Ужас!

Еще и имя! Как назло, никак не вспомню я его!
А мама мне твердила: «Пригодится».
Как те калоши, что от луж спасают нас – «калюжи».
Надеюсь, мое имя где-то написали
и если наш Мучитель будет добр,
То обязательно его прочтет.
Мучитель – тот, кто мучает детей.

*Перевод Натальи Сидоровой, студентки 5 курса специальности «лингвистика,
теория перевода, межкультурная коммуникация» ФИЯ ДонНУ*

Jenny Joseph.***

When I am an old woman I shall wear purple
With a red hat which doesn't go, and doesn't suit me.
And I shall spend my pension on brandy and summer gloves
And satin sandals, and say we've no money for butter.

I shall sit down on the pavement when I'm tired
And gobble up samples in shops and press alarm bells
And run my stick along the public railings
And make up for the sobriety of my youth.

I shall go out in my slippers in the rain
And pick flowers in other people's gardens
And learn to spit.

You can wear terrible shirts and grow more fat
And eat three pounds of sausages at a go
Or only bread and pickle for a week
And hoard pens and pencils and beer mats and things in boxes.

But now we must have clothes that keep us dry
And pay our rent and not swear in the street
And set a good example for the children.
We must have friends to dinner and read the papers.
But maybe I ought to practice a little now?
So people who know me are not too shocked and surprised

и делать мелкие пакости,
как в детстве бывало —
без гадости.

Сейчас я еще не старенькая,
У В Ы, и уже не маленькая —
Должна быть всегда я правильная,
а кое-где презентабельная, Н О...
К У П Л Ю королевское платье:
М Е Ч Т Е чтоб не дать изгладиться.

Слово переводчика:

При переводе стихотворения я руководствовалась колоронимом “purple”, который в английском языке среди прочих коннотаций имеет значение “королевский”.

Перевод Анны Коваль, студентки 4 курса Института гуманитарного образования Глуховского национального университета им. А. Довженко

John Galsworthy. THE BROKEN BOOT (1923)

The actor, Gilbert Caister, who had been "out" for six months, emerged from his east-coast seaside lodging about noon in the day, after the opening of "Shooting the Rapids", on tour, in which he was playing Dr Dominick in the last act. A salary of four pounds a week would not, he was conscious, remake his fortunes, but a certain jauntiness had returned to the gait and manner of one employed again at last.

Fixing his monocle, he stopped before a fishmonger's and, with a faint smile on his face, regarded a lobster. Ages since he had eaten a lobster! One could long for a lobster without paying, but the pleasure was not so lid enough to detain him. He moved upstreet and stopped again, before a tailor's window. Together with the actual tweeds, in which he could so easily fancy himself refitted, he could see a reflection of himself, in the faded brown suit wangled out of the production of "Marmaduke Mandeville" the year before the war. The sunlight in this damned town was very strong, very hard on seams and buttonholes, on knees and elbows! Yet he received the ghost of aesthetic pleasure from the reflected elegance of a man long fed only twice a day, of an eyeglass well rimmed out from a soft brown eye, of a velour hat salvaged from the production of "Educating Simon" in 1912; and in front of the window he removed that hat, for under it was his new phenomenon, not yet quite evaluated, his *mèche b lanche*. Was it a n a sset, or the b eginning of the e nd? I t r eclined backwards on the right side, conspicuous in his dark hair, above that shadowy face always in teresting t o G ilbert C aister. T hey sa id it came from atrophy of the — something nerve, an effect of the war, undernourished tissue. Rather distinguished, perhaps, but—!

He walked on, and became conscious that he had passed a face he knew. Turning, he saw it also turn on a short and dapper figure — a face rosy, bright, round, with an air of cherubic knowledge, as of a getter-up of amateur theatricals. Bryce-Green, by George!

"Caister? It is! Haven't seen you since you left the old camp. Remember what sport we had over 'Gotta-Grampus'? By Jove! I am glad to see you. Doing anything with yourself? Come and have lunch with me."

Bryce-Green, the wealthy patron, the moving spirit of entertainment in that south-coast convalescent camp⁷. And drawling slightly, Caister answered:

"I shall be delighted." But within him something did not drawl: "By God, you're going to have a feed, my boy!"

And — elegantly threadbare, roundabout and dapper — the two walked side by side.

"Know this place? Let's go in here! Phyllis, cocktails for my friend Mr Caister and myself, and caviare on biscuits. Mr Caister is playing here; you must go and see him."

The girl who served the cocktails and the caviare looked up at Caister with interested blue eyes. Precious! — he had been "out" for six months!

"Nothing of a part," he drawled, "took it to fill a gap." And below his waistcoat the gap echoed: "Yes, and it'll take some filling."

"Bring your cocktail along, Caister, we'll go into the little further room, there'll be nobody there. What shall we have—a lobstah?"

and Caister murmured: "I love lobstahs."

"Very fine and large here. And how are you, Caister? So awfully glad to see you — only real actor we had."

"Thanks," said Caister, "I'm all right." And he thought: "He's a damned amateur, but a nice little man."

"Sit here. Waiter, bring us a good big lobstah and a salad; and then—er—a small fillet of beef with potatoes fried crisp, and a bottle of my special hock! Ah! and a rum omelette—plenty of rum and sugar. Twig?"

And Caister thought: "Thank God, I do."

They had sat down opposite each other at one of two small tables in the little recessed room.

"Luck!" said Bryce-Green.

"Luck!" replied Caister; and the cocktail trickling down him echoed: "Luck!"

"And what do you think of the state of the drama?" Oh! ho! A question after his own heart. Balancing his monocle by a sweetish smile on the opposite side of his mouth, Caister drawled his answer: "Quite too bally awful!"

"H'm! Yes," said Bryce-Green; "nobody with any genius, is there?"

And Caister thought: "Nobody with any money."

"Have you been playing anything great? You were so awfully good in 'Gotta-Grampus!'"

"Nothing particular, I've been—er—rather slack." And with their feel around his waist his trousers seemed to echo: "Slack!"

"Ah!" said Bryce-Green. "Here we are! Do you like claws?"

"Tha-a-nks. A nything!" To eat—until warned by the pressure of his waist against his trousers! What a feast! And what a flow of his own tongue suddenly released— on drama, music, art; mellow and critical, stimulated by the round eyes and interjections of his little provincial host.

"By Jove, Caister! You've got a meche blanche. Never noticed. I'm awfully interested in meches blanches. Don't think me too frightfully rude — but did it come suddenly?"

"No, gradually."

"And how do you account for it?"

Try starvation,' trembled on Caister's lips.

"I don't," he said.

"I think it's ripping. Have some more omelette? I often wish I'd gone on the regular stage myself. Must be a topping life, if one has talent, like you."

Topping?

"Have a cigar. Waiter! Coffee, and cigars. I shall come and see you tonight. Suppose you'll be here a week?"

Topping! The laughter and applause — "Mr. Caister's rendering left nothing to be desired; its—and its—are in the true spirit of—!"

Silence recalled him from his rings of smoke. Bryce-Green was sitting, with cigar held out and mouth a little open, and bright eyes round as pebbles, fixed— fixed on some object near the floor, past the corner of the tablecloth. Had he burnt his mouth? The eyelids fluttered; he looked at Caister, licked his lips like a dog, nervously and said:

"I say, old chap, don't think me a beast, but are you at all—er—er—rocky? I mean—if I can be of any service, don't hesitate! Old acquaintance, don't you know, and all that—"

His eyes rolled out again towards the object, and Caister followed them. Out there above the carpet he saw it—his own boot. It dangled slightly, six inches off the ground—split-right across, twice, between lace and toecap. Quite! He knew it. A boot left him from the role of Bertie Carstairs, in "The Dupe," just before the war. Good boots. His only pair, except the boots of Dr. Dominick, which he was nursing. And from the boot he looked back at Bryce-Green, sleek and concerned. A drop, black when it left his heart, suffused his eye behind the monocle; his smile curled bitterly; he said:

"Not at all, thanks! Why?"

"Oh, n -n-nothing. It just occurred to me." His eyes— but Caister had withdrawn the boot. Bryce-Green paid the bill and rose.

"Old chap, if you'll excuse me; engagement at half past two. So awfully glad to have seen you. Good-bye!"

"Good-bye!" said Caister. "Thanks." He was alone. And, chin on hand, he stared through his monocle into an empty coffee cup. Alone with his heart, his boot, his life to come... "And what have you been in lately, Mr Caister?" "Nothing very much lately. Of course I've played almost everything." "Quite so. Perhaps you'll leave your address; can't say anything definite, I'm afraid." "I—I should—er—be willing to rehearse on approval; or—if I could the part?" "Thank you, afraid we haven't got as far as that." "No? Quite! Well, I shall hear from you, perhaps." And Caister could see his own eyes looking at the manager. God! What a look!... A topping life! Cadging—cadging—cadging for work! A life of draughty waiting, of concealed beggary, of terrible depressions, of want of food!

The waiter came skating round as if he desired to clear. Must go! Two young women had come in and were sitting at the other table between him and the door. He saw them look at him, and his sharpened senses caught the whisper;

"Sure—int he last act. Don't you see his meche blanche?"

"Oh! yes—of course! Isn't it—wasn't he—!"

Caister straightened his back; his smile crept out, he fixed his monocle. They had spotted his Dr. Dominick!

"If you've quite finished, sir, may I clear?"

"Certainly. I'm going." He gathered himself and rose. The young women were gazing up, Elegant, with a faint smile, he passed them close, so that they could not see, managing—his broken boot.

Джон Голсуорси. Рванный башмак (1923)

Актер Гилберт Кейстер, который был не у дел уже 6 месяцев, но в последнем акте пьесы «Проскочили пороги» играл Доктора Доминика, в полдень вышел на прогулку из пансионата, в котором на время остановился. Возможно, оклад 4 фунта в неделю и не сделает его богатым, но все же в его походке проявлялась некоторая беспечность и манеры человека, который наконец-то нашел работу.

Остановившись у рыбной лавки и вставив свой монокль, он стал с улыбкой на лице внимательно разглядывать лобстера на прилавке. Мечтать ведь о лобстерах можно и без денег! Но этого удовольствия ему было недостаточно, и он направился вверх по улице. Пройдя немного дальше, Кейстер остановился и в отражении витрины портного увидел себя в модном твидовом костюме, и одновременно рассмотрел свое отражение в выцветшем коричневом, который остался у него после пьесы "Мармедьюк Мандевиль", поставленной за год до войны. Солнечный свет в этом проклятом городе сильно палил, обнажая стертые петли, колени и локти его костюма! Но все-таки каждый раз он испытывал эстетическое удовольствие, рассматривая в отражении элегантного мужчину, который ел только дважды в день, с моноклем, вставленным в приятно карий глаз, и шляпе из велюра, доставшейся ему от спектакля "Воспитание Саймона". Стоя у витрины, он снял шляпу, поскольку под ней было нечто новое, к чему он еще не знал, как отнестись — *meche b lanche** — это начало чего-то нового или конец? Седая прядь была зачесана назад и выделялась среди темных волос над смуглым лицом, которое Гилберт Кейстер всегда с интересом изучал. Говорят, что седина является следствием атрофии чего-то в нервной системе или побочным эффектом после войны. Но седина ведь придает благородства, не так ли?

Отправившись дальше по улице, Кейстер заметил промелькнувшее знакомое лицо. И, обернувшись, увидел, что на него смотрит щеголевато одетый человек с круглым розовым лицом — такие бывают у постановщиков любительских спектаклей.

---

* Meche blanche — (франц.) седая прядь.

Брайс-Грин, из Джорджии!

- Кейстер? Это вы! Не видел вас с тех пор, как вы нас покинули. Помните, какой балаган мы устроили, когда ставили "Старого-Ворчуна"? Как же я рад вас видеть. Вы чем-то заняты? Пойдемте вместе позавтракаем.

Брайс-Грин – богатый покровитель и душа компании на южном побережье.

– С удовольствием, – ответил Кейстер, а внутренний голос ликовал: "Боже, мой мальчик, тебя наконец-то покормят!"

Они шагали рядом, один был элегантный, но потрепанный, другой – круглый, но щеголеватый.

– Знаете это место? Войдем внутрь? Эй, Филлис. Коктейль для моего друга мистера Кейстера и для меня, а также бутерброды с икрой. Сегодня он будет играть здесь, а значит, вы просто обязаны на это посмотреть.

Девушка, которая подавала коктейли и икру, с любопытством подняла на Кейстера голубые глаза. «Прекрасно!» – ведь он уже полгода не играл!

- Ну и что это за роль? – нарочито медленно протянул он, – я согласился лишь из вежливости, и чтобы заполнить брешь. – А ниже жилета эхом пронеслось: «Да и меня нужно заполнить!»

– Возьмите свой коктейль, Кейстер, и пройдемте в соседнюю комнатку, где нам никто не помешает. Что будем есть... Может, лобстера?

– Я люблю лобстеров, – пробормотал Кейстер.

– Очень хорошо, здесь они замечательные. Расскажите, как же вы поживаете, Кейстер. Я очень рад вас видеть, ведь вы были лучшим актером из всех, кто у нас играл.

– Благодарю, – ответил Кейстер, – у меня все хорошо. – А сам подумал: «Неисправимый дилетант, хоть и добрый малый»

– Давай присядем здесь. Официант, подайте нам хорошего большого лобстера, салат, и... эм... небольшое филе с хрустящим жареным картофелем и бутылку моего любимого! Ах! и омлет с ромом, побольше рома и сахара. Не возражаете?

«Спасибо, Господи! Конечно нет!» – подумал Кейстер.

Они сели друг напротив друга за небольшой стол маленькой комнатки.

– За успех! – сказал Брайс-Грин.

– За успех! – повторил Кейстер, и коктейль в его горле, казалось, отозвался так же «За Успех».

– Кейстер, скажите мне, что вы думаете о нынешнем состоянии драмы?

О! Этот вопрос ему очень близок. Улыбаясь только уголком рта, чтобы удержать монокль, Кейстер не спеша ответил: «Никуда не годится!»

– Хм... Да, – сказал Брайс-Грин, – нет у нас больше гениев своего дела!

«Да денег просто ни у кого нет!» – подумал Кейстер.

– Исполняли в последнее время что-то интересное? В «Старом Ворчуне» вы были хороши!

– Ничего особенного. Я немного... ослаб. – «Ослаб» – подтвердили брюки, ставшие слишком широкими в поясе.

– О, вот и лобстер! Вы любите клешни? – спросил Брайс-Грин.

– Благодарю, я люблю все. – «Ну а теперь буду есть, пока брюки снова не станут мне впору!»

Как прекрасно, как легко льется его речь: о драме, музыке, искусстве; то критикует, то поощряет с круглыми от восхищения глазами «маленького провинциала».

– О Боже, Кейстер! У вас седая прядь! Как я не заметил её раньше? Мне они всегда нравились. Простите мое любопытство, но как она появилась – неожиданно?

– Нет, постепенно.

– И как вы это объясните?

«А ты попробуй поголодать!» – вертелось у него на языке.

– Не знаю, – промолвил Кейстер.

– Это же потрясающе. Хотите еще омета? Я часто жалею, что сам не пошел на сцену. Должно быть, жизнь великолепна, когда есть такой талант, как у вас.

Что? Великолепна?

– Хотите сигару? Официант! Кофе и сигару. Я обязательно приду посмотреть на вас сегодня. Надеюсь, вы пробудете здесь еще неделю?

Великолепно! Смех, аплодисменты! – «Мистер Кейстер, ваша игра выше всяких похвал. Это истинное искусство!»

Молчание собеседника отвлекло его от созерцания колец дыма. Брайс-Грин сидел неподвижно и немного приоткрыв рот. Его взгляд был устремлен вниз на что-то ниже края скатерти. «Он что, обжег себе рот?» Его ресницы дрогнули; подняв взгляд на Кейстера и нервно облизнув губы, он спросил:

– Мой друг, не обижайтесь, но вы... совсем на мели? Я имею в виду, э... если я могу вам чем-то помочь, не стесняйтесь. Ведь мы же давно друг друга знаем и все такое...

И он, выпучив глаза, снова посмотрел на пол. Проследив за его взглядом, Кейстер увидел над ковром свой башмак, который ритмично покачивался в шести дюймах от пола. На нем были трещины. Две трещины между носком и шнуровкой. Конечно, он знал о них, ведь эти башмаки достались ему после роли в «Простаке», где он играл Берти Карстера, еще до войны. «Хорошие башмаки...» Это его единственная пара, за исключением башмаков доктора Доминика, которые он бережет. Кейстер перевел взгляд на озадаченное лицо Брайса-Грина, его улыбка стала больше напоминать усмешку, и он сказал:

– С чего Вы вообще взяли, что я на мели?

– О, нет! Мне просто показалось... – его глаза снова опустились, но Кейстер уже убрал ногу. Брайс-Грин встал и начал торопливо собираться; заплатив по счету, он сказал: «Дружище, вы меня простите, но у меня встреча в полвторого. Что ж, был рад повидаться. До свидания!»

– До свидания, – сказал Кейстер. – Спасибо.

Оставшись один, Кейстер оперся подбородком на свои руки и долго смотрел на пустую чашку сквозь монокль. Он остался наедине со своим сердцем, башмаком и своим будущим... «Где ты был раньше, Мистер Кейстер?» «Да ничего особенного. Конечно, я сыграл много разных ролей».

«Понятно, возможно, вы оставите мне свой адрес, поскольку сейчас я не могу предложить вам чего-то стоящего». «Я, эм, я мог бы прочитать Вам что-нибудь». – «Спасибо Вам, но это преждевременно». «Нет? Понятно! Что ж, возможно, я понадоблюсь вам позже». Кейстер уже представил себе, как разговаривает с менеджером. «Боже! Какая жизнь! Собачья жизнь! Все ищешь, ищешь работу. Живешь в ожидании чего-то, скрываешь свою нищету, будоражащую депрессию и голод!»

К столу подошел официант, видимо, желая убраться. «Пора идти!» Две молодые женщины вошли и сели с двух сторон от стола, между ним и дверью. Он заметил, как они посмотрели на него и начали перешептываться:

– Конечно... в последнем акте... Разве ты не видишь его седой пряди?

– О, да... конечно! Это был он...!

Кейстер выпрямился и, слегка улыбаясь, поправил монокль. Похоже, они узнали в нем доктора Доминика!

– Если Вы закончили, сэр, могу я убраться?

– Конечно. Я уже ухожу, – встав, он направился к выходу, а молодые женщины все провожали взглядом этого элегантного мужчину. Слегка улыбаясь, он постарался пройти к ним как можно ближе, чтобы они не увидели его рваный башмак.

Перевод Алины Ковывчак, студентки 2 курса специальности «Украинская филология» филологического факультета ДонНУ

COMPTON MACKENZIE. The PASSIONATE ELOPEMENT

Chapter the First. THE TOILET

THE meagre sun that for thirteen pallid February days had shone with no more brilliance than a rushlight stuck amid the cobwebs of a garret, poured down at last his profuse glories, and Curtain Wells woke up to a fine morning and the burden of conscious existence, with an effort all the more completely unanimous on account of its reputation as an inland Spa. Residence there implied an almost monastick ideal of regularity. Other shrines of Æsculapius, falling from the primitive purity of worship, might set up for a doration a hooped Venus or bag-wigged Cupid, but Curtain Wells would never admit so naked and misleading a pair of Immortals. Her fountains ministered to bodily ailments—Vapours, Winds, Gouts, Quinsies, Consumptions, Fevers quartan and tertian—without pretending to the power of love-philtres or the sparkle of the Castalian Spring. 'Tis true, romantick dusk or sunset candlelight might consecrate the vows of many a shepherd and shepherdess, but those stretched hours of dalliance were always understood to be the sensuous reward of a strict matutinal discipline.

Consequently Curtain Wells woke up as to a bugle-call. Casement-hangings were flung back, shutters unbarred and, wonderful to relate, an occasional window-sash creaked and subsided. A simultaneous toilet would be followed by a simultaneous visit to the cleansing springs. Drums, routs, auctions, riddotts, and masquerades did not avail to keep their votaries abed. Perchance a velvet patch would hide the wearer's secret blemish less artfully; beneath young Miss Kitcat's eyes there

might be a deeper violet than the state of her health warranted; my lady Bunbutter newly arrived from scurrilous Bath might see her nose sharpen to a richer carmine point; but half-past eight o'clock would behold them all bound for the Pump Room, somewhat reticent perhaps, a little fretful even, yet completely subjugated by their self-imposed renunciation.

Комптон Макензи. Бегство с возлюбленным

Глава 1. Утренний туалет

Слабый солнечный свет, осветивший тринадцать бледных февральских деньков не ярче тусклой свечи, запутался в паутине чердака и разлился, наконец, в своем лучезарном сиянии. Чудесным утром ото сна пробудился Кёртен Веллс, ощущая бремя своего существования и все более единодушно осознавая свою репутацию водного курорта. Проживание же здесь представляло собой практически монашеский идеал порядка. Иные святыни Эскулапа, лишившись первобытной чистоты поклонения, могли бы воздвигнуть для почитания изогнутый стан Венеры или же облаченного в кудрявый парик Купидона, но Кёртен Веллс никогда бы не признал столь обнаженную и развратную пару римских богов. Его источники помогали излечить телесные недуги – Меланхолию, Метеоризм, Подагру, Ангину, Туберкулез, Лихорадку трех- и четырехдневную – не претендуя на силу любовного напитка или живость Кастальского ключа. Это правда, романтический сумрак или вечерняя заря могли бы освятить клятвы многих пастухов и пастушек, но эти долгие часы праздного времяпровождения всегда считались сладострастной наградой за строгую утреннюю дисциплину.

И поэтому Кёртен Веллс пробудился ото сна, словно по сигналу рожка. На окнах распахнулись портьеры, открылись ставни, плотно прилегающие к оконной раме, которая изредка поскрипывала и вновь утихала. За одновременным утренним туалетом последует совместное посещение лечебных источников. Барабанный бой, публичные торги, вечера музыки и танцев и маскарады – как тут их почитателей можно было удержать в постели? Быть может, бархатная заплатка скроет менее искусно тайный изъян владельца; под глазами юной Мисс Киткет могли быть круги темней, чем предполагает ее состояние здоровья; у прибывшей вновь из непристойной купальни миледи Банбаттер нос мог бы покраснеться до пунцового цвета; но лишь часы пробьют половину девятого – все устремятся в Питьевую Галерею, молчаливо, пожалуй, даже слегка нетерпеливо, и все же полностью подчиняясь своему добровольному самоотречению.

Перевод Алины Андреевой, студентки 4 курса специальности «перевод (английский, немецкий язык)» ФИЯ ДонНУ

Комптон Макензи. Бегство влюбленных.

Глава 1. Утренний туалет

Чухлое солнце, едва пробивавшееся в течение четырнадцати безрадостных февральских дней, светило не ярче свечи в паутине чердаков, озаряясь прощальной радостью. Кёртен Вэлс проснулся для замечательного утра

с бременем осознанного бытия и с перечнем забот, благодаря которому за городом закрепилась слава национального курорта с минеральными водами.

Дома здесь воплощали почти монастырский идеал размеренности. Храмы Эскулапа, терявшие вид из-за старомодной безукоризненности обрядов, могли бы учредить культ обожания соблазнительной Венеры или кучерявого Купидона, но Кёртн Вэлс никогда бы не принял столь обнаженную и развращающую пару богов. Местные источники оказывали помощь страдающим от телесных заболеваний: проблем с пищеварением, подагры, абсцессов, туберкулеза, трех- и четырехдневной лихорадки, – не выдавая себя за чары любовных зелий или влагу Кастальского живительного ключа. Вернее, романтические сумерки или сумрак закатного часа и могли бы освящать обеты многих пастухов и пастушек, но эти тянущиеся часы праздного времяпровождения всегда воспринимаются как сладострастная награда за строгую монашескую дисциплину.

Итак, Кёртн Вэлс проснулся, словно по сигналу рога. Ставни были раскрыты, жалюзи подняты, и лишь редкие оконные створки распахивались со скрипом. Одевание сопровождалось одновременным визитом к очищающим ключам. Барабаны, рауты, аукционы, вечера с музыкой и танцами и просто маскарады не позволяли своим почитателям оставаться в постели. Возможно, кусочек бархата и скроет скрывать пятно на том, кто его наденет, менее искусно; быть может, глаза юной мисс Киткэт таят в себе еще большую застенчивость, чем та, что была вызвана ее состоянием здоровья; моя же леди Бёрнбатэ не так давно прибыла из отвратительной водолечебницы с заметно покрасневшим носом; но в половине девятого все они соберутся в зале для питья минеральных вод, вероятно, несколько немногословные, немного раздраженные, еще не вполне покорившиеся добровольно принятому отречению.

Перевод Екатерины Коваленко, студентки 3 курса специальности «перевод (английский, немецкий язык)» ФИЯ ДонНУ

Bruce Holland Rogers. Estranged

After the divorce, my wife said she didn't know who or what she wanted to be. When I heard that she had become a toaster, I felt vindicated. A toaster! Was that all she could be without me? And she wasn't even good at it. She could only do two slices at a time, and they came out charred on one side and white on the other. Obviously, *she* was the one with inadequacies.

True, I was unemployed myself. But a toaster! I would never fall as low as that. *I* would take a job as a human being, or I'd stay on the dole.

Later, she worked as a hotel washing machine, then as a high-capacity dryer until she was demoted. She became one of those laundry hampers with four wheels and a canvas hopper. Finally, she lost even that job.

Soon, however, I felt less and less like gloating. I still couldn't find any work at all, no matter how I tried.

I next saw her while on my way to an interview for janitorial work at a hospital. She was in the parking lot, backed in to a reserved space. And she was stunning.

There was no mistaking her, even with all the changes. She had white sidewalls. Her body was lustrous teal everywhere but on the inward curving white panels that streaked back from her front wheels. Her chrome sparkled in the sun. I just stood there in front of her, searching for something to say until a man came out of the hospital and walked up to her.

"Beautiful, isn't she?" he said, fitting a key into her door. "I restored her," he said, "built her up a little from her original 283 small block, gave her some juice. Dual-Carter-carbed. You know cars? Want to see under the hood?"

His generosity made me uncomfortable. "No." I hadn't noticed the plates until now. They said "MD." He was a doctor. "She's the finest 1960 Corvette on the road," he said, patting her roof affectionately.

She was older than that. But damn if she didn't look 1960. "She used to be mine."

"What?"

"I said she used to be mine."

"I know something about her history," he said, trying to keep a smile in place.

"She was mine. She once belonged to me."

All the friendliness went out of his face. "I don't think so." He opened her door.

"Sure, just because she's gleaming now, you don't think she could ever have been attached to someone like me!"

"I said nothing of the sort." He got in and closed the door. He started her. The way her engine hummed, I could tell she was getting only the best of everything.

He revved her, but he couldn't drive off. I was in the way. I glared. He glared.

I looked from his face to the checkered flags of her hood ornament. Those little flags did something to me. This was a side of her I had never imagined.

He rolled down the window. "Get out of the way," he said. Oh, the sun on her satiny finish. The gleam of her front grille. . . .

He raced her engine again, menacingly now, then started to pull forward. He might have run me over, but she stalled out. She still cared. But it was too late for reconciliations.

He started her again. I felt all the regret that I had concealed with my gloating. Too late. Too late to change anything.

I stepped out of their way and let them drive off together. I went in for my interview, and I got the job.

I am . . . a mop.

Брюс Холланд Роджерс. Чужие

После развода жена сказала, что ещё не знает, кем или чем ей хочется быть. Но когда до меня докатились слухи о том, что она стала тостером, я понял, что сделал правильный выбор. И это всё, на что она способна без меня? Тостер! Причём посредственный. Могла приготовить всего два кусочка хлеба

за раз и то – полусгоревших, полусырых. Ну конечно, неадекват у нас по её части.

Признаю, я и сам был тогда в состоянии непрекращающегося поиска работы. Но чтобы тостер! Я бы никогда до такого не опустился. Я бы согласился только на человеческую работу или и дальше оставался на пособии.

После этого она работала стиральной машинкой в каком-то отеле, потом сверхмощной сушкой. Так и металась, пока не понизили. До корзины для белья. Знаете, такие матерчатые, на колёсиках. В конце концов, она осталась совсем без работы.

Время шло, и мне становилось не до злорадства. Как ни старался, я всё ещё не мог найти себе хоть какую-нибудь работу.

Я снова увидел её, по пути на собеседование на какую-то хозяйственную должность в больнице. Она была припаркована на местной стоянке. И была просто великолепна.

Обознаться я не мог, даже несмотря на все произошедшие в ней перемены. У неё были белые флипперы. Корпус безукоризненно сиял бирюзой за исключением белоснежных панелей, тянувшихся от воздухозаборника, изящно огибая передние колёса. Хромированная отделка игриво переливалась в лучах солнца.

Я так и стоял, уставившись, пытаюсь найти нужные слова, пока со стороны больницы к ней не подошёл какой-то мужчина.

«Красавица, скажите, – бросил он, вставляя ключ, – я её подправил малость, перебрал немного родной движок, цилиндры смазал. Двухкамерный карбюратор. Разбираетесь? Не хотите заглянуть под капот?»

Меня передёрнуло от его любезности: «Нет».

Только тогда я заметил её номера, специальный значок. Значит он медик.

«Моя ласточка – прекраснейший Corvette 1960», – сказал он, любовно водя рукой по крыше.

О, она куда старше. Но, чёрт меня дери, если она выглядела на свои годы.

«Когда-то она была моей».

«М?»

«Я сказал, что она была моей».

«Мне немного известно о её прошлом», – ответил он, старательно изображая улыбку.

«Она была моей. Принадлежала мне».

От его былой дружелюбности не осталось и следа. «Я так не думаю», – он открыл дверь.

«Ну конечно, сейчас, когда она сияет, никто не поверит, что когда-то она могла быть с таким, как я!»

«Я этого не говорил». Закрыв дверь, он сел за руль. Завёл её. По звуку, издаваемому двигателем, я мог сказать, что она больше ни в чём не нуждается.

Он ударил по газам, но отъехать не мог. Я преграждал ему путь. Я не сводил с него глаз – он с меня.

Я перевёл взгляд с его лица чуть ниже и заметил изображение гоночных флагов у неё на капоте. В тот момент во мне что-то перемкнуло. Я никогда не думал, что она может быть *такой*.

Он опустил стекло, бросил: «С дороги».

О, как солнце отражалось в её полировке. Эти блики на радиаторной решётке...

Он вдавил в пол педаль газа, на этот раз угрожающе, и стал надвигаться. Он вполне мог меня сбить, если бы она не заглохла. Ей было не всё равно. Но на мировую идти было уже поздно.

Он снова завёл двигатель. На меня накатила волна разочарования, которое я так старательно прятал за злорадством. Слишком поздно. Слишком поздно что-либо менять.

Я сделал шаг в сторону и дал им уехать. Им двоим. Я успел на собеседование и получил работу.

Я... тряпка.

Перевод Александры Дворецковой, студентки 3 курса специальности «лингвистика» Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Брюс Холленд Роджерс. Слишком поздно

Когда мы с женой развелись, она не имела ни малейшего представления, кем ей быть. Или же чем. Узнав, что она стала тостером, я принял эту новость не без удовольствия. Тостер?! И это все, на что она способна без меня? Но из нее даже тостер хороший не вышел. За раз она делала только два тоста, причем обугленные с одной стороны, а с другой – совсем белые. Без сомнения, проблема была в ней.

По правде говоря, я и сам был безработным. Но тостер! Я никогда не опущусь так низко. Я возьмусь только за такую работу, которая достойна Человека, в противном случае – буду жить на пособие.

После тостера она стала стиральной машинкой в отеле, затем работала высококачественным вместительным сушильным аппаратом, пока ее не понизили в должности. Она стала одной из тех корзин для белья с отдельными полотняными отсеками на четырёх колесиках. Но, в конце концов она потеряла даже эту работу.

Но вскоре я стал все меньше и меньше злорадствовать над ее положением, ведь сам никак не мог найти хоть какое-нибудь место, как ни пытался.

Однажды, когда я шел устраиваться в больницу техническим персоналом, я увидел ее, стоящую на парковке. Она была великолепна.

Без всяких сомнений, это была она. Я узнал ее, несмотря на совершенно новый облик. Ее тело отливало глубоким иссиня-зеленым цветом, и только белые крылья по бокам, словно пронесшаяся от передних до задних колёс молния, резко контрастировали с основным цветом. Хромированная, она сверкала на солнце.

Я стоял рядом с ней, пытаюсь найти, что сказать, пока не подошел к нам незнакомец, который только что вышел из больницы.

"Красивая, да?" – сказал он, доставая ключи от нее. – "Я вернул ее в отличное состояние: заменил оригинальный 283-й двигатель, дал ей возможность показать все, на что она способна. Теперь у нее двойная турбина компании Картер. Вы разбираетесь в автомобилях? Хотите заглянуть под капот?"

От такой щедрости мне стало не по себе: "Нет".

Я не сразу заметил номерной знак. На нем было написано "MD". Значит, он был врачом. "Эта девочка – лучшая машина Шевроле 1960 года на дороге", – сказал он, поглаживая ласково крышу.

Я-то знал, что она была старше. Но чёрта с два она выглядела на свои годы!

– Раньше она была моей.

– Что?

– Я сказал, что она была моей.

– Э-э, я знаю о ее истории, – сказал он, стараясь удержать улыбку, все еще не веря мне.

– Она была моей. Она принадлежала мне.

Дружелюбная улыбка сошла с его лица. "Нет, я так не думаю", – он открыл дверь.

"Ну, конечно, когда она теперь вся сверкает, даже в голову не может прийти, что когда-то она была увлечена таким, как я".

"Я не говорил ничего подобного", – он сел за руль и закрыл за собой дверь. Завел мотор. И, судя по тому, какой звук издавал ее двигатель, я понял, что она старалась для него, старалась показать самое лучшее.

Они были готовы поехать, но не могли двинуться с места. Я стоял у них на пути, не двигаясь. Стоял и смотрел, пристально смотрел. Он ответил таким же жгучим взглядом.

И тут я обратился глазами к ней, увидев, что вместо фигурки на капоте развевались гоночные флажки, показывающие готовность умчаться прочь. Смотря на эти флажки, я понял, что она хочет уехать. Я все понял. Это была ее другая сторона, которую я так и не смог разглядеть.

Он опустил окно. "Уйди с дороги", – сказал он.

Как переливается на солнце ее полировка! А как блестит решетка радиатора!

Теперь он резко и злобно нажал на газ и начал ехать вперед. Скорее всего, он бы меня задавил, но она остановилась. Ей не все равно. Она еще помнит. Но теперь уже слишком поздно начать все заново.

Снова звук мотора. Как я жалею, что скрывал под своим сарказмом все, что испытывал. Слишком поздно. Слишком поздно что-то менять.

Я уступил им путь, я позволил ей уйти с ним. Я удачно прошел интервью и получил работу.

Теперь я швабра.

Перевод Натальи Дятловой, студентки 2 курса специальности «лингвистика» Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Брюс Холланд Роджерс. Бывшие

После развода жена сказала, что не знает, кем или чем хочет быть. Когда же я услышал, что она устроилась на должность девушки, готовящей тосты, то почувствовал себя так, будто с меня сняли все обвинения. Боже мой! Неужели это всё, на что она была способна, оставшись одна? Моя бывшая и с этой-то работой не могла справиться как следует: за раз жарила не больше пары ломтиков, да и те выходили обуглившимися с одной стороны и совсем белыми с другой. Очевидно, что виновата в этом была только она: не соответствовала требованиям.

Правда, в то время я сам был безработным. Но жарить тосты! Никогда бы не опустил столь низко! По мне, так или занимайся человеческим делом, или выживай на пособие.

Чуть позже она работала прачкой в отеле, затем – сушильщицей высокой мощности, пока её не понизили. Сначала она превратилась в одну из тех обшитых парусиной корзин для белья на четырех колёсиках, а вскоре вовсе потеряла это место.

Только вот желания злорадствовать во мне становилось всё меньше и меньше. Я так и не мог найти хоть какую-нибудь работу, сколько бы усилий ни прилагал.

Другой раз я увидел её, когда спешил на собеседование в надежде устроиться уборщиком в госпиталь. Она стояла передом на парковочном зарезервированном месте и, надо сказать, смотрелась сногшибательно. Нет, перепутать я не мог. Даже после всех изменений, произошедших с ней. Её линии были безупречны, хромовое покрытие сверкало на солнце; всё тело отливало тёмным цианом, не считая белых изгибов приборной панели, словно волнуемых ветром от хода её передних колёс.

Я замер напротив, тщетно пытаюсь подобрать слова. А тем временем какой-то мужчина вышел из здания госпиталя и направился прямо к ней.

– Согласитесь, она красотка! – сказал он, поднося ключ к её двери. – Правда, пришлось повозиться, дабы навести блеск, привести в порядок её 283-й двигатель... Что за сердце в ней бьётся теперь! Только представьте: двойной картеровский карбюратор. Вы разбираетесь в машинах? Может, хотите заглянуть под капот?

Я замялся от такой щедрости:

– Н-нет.

До сих пор номерной знак оставался мною незамеченным. На нём стояли буквы «МД». Выходит, новый владелец был доктором.

– Это – лучший «корвет» 1960-го, который только можно встретить на дороге, – продолжал он, бережно похлопывая её по крыше.

Но я-то знал, что она куда старше. И, вместе с тем, провалиться мне на месте, если эта машина не выглядела так, будто её собрали в 1960-м.

– Она была моей...

– Что вы сказали?

– Я сказал: «Она когда-то была моей».

– О, мне кое-что известно о её прошлом... – ответил незнакомец, пытаюсь удержать улыбку на лице.

– Да-да, моей... Однажды она принадлежала мне!

Тут всё его дружелюбие словно испарилось:

– Я так не думаю.

Он открыл дверь.

– Ну, конечно! Она так светится сейчас. Вы даже мысли не допустите, что когда-то ею владел человек вроде меня!

– Я ничего подобного не говорил.

Доктор быстро сел в машину, захлопнул дверь и стал поворачивать ключ зажигания. Двигатель завёлся, его гул явно указывал на то, что теперь она получала от жизни только лучшее.

Этот человек прибавил оборотов, но выехать всё ещё не мог: я стоял не его пути. Наши гневные взгляды встретились. Я перевел глаза на флаги с шашечкам, изображенные на капоте. Каким-то образом они подействовали на меня, в них я увидел её черту, о которой прежде не догадывался...

Он опустил стекло и почти крикнул: «Уйди с дороги!»

О, блики солнца на её шелковой полировке. Мерцание решетки её радиатора...

Мотор вновь взревел, на сей раз угрожающе, и машина медленно покатила вперед. Её водитель мог бы запросто переехать меня, но она срывалась, останавливалась. То прежние чувства говорили в ней. Увы, но вернуть «нас» было уже невозможно.

Он снова тронулся. Во мне с силой прорывалось сожаление, которое я скрывал всё это время под маской злорадной улыбки. Поздно. Слишком поздно. Ничего уже не изменить. Я отступил в сторону, давая им уехать... вместе.

Что до собеседования, оно прошло как нельзя лучше! Теперь я... мою полы.

Перевод Викторией Будяковой, студентки 1 курса специальности «лингвистика» Южного Федерального Университета (Ростов-на-Дону)

Брюс Холланд Роджерс. Чужие

После развода моя жена не знала, кто она и кем хочет быть. Когда я услышал, что она стала тостером, мои подозрения подтвердились. Тостер! Неужели, это всё, на что она способна без меня? К тому же у нее это скверно получалось. Она жарила только два тоста одновременно, одна сторона которых получалась подгоревшей, а вторая абсолютно белая. Очевидно то, что именно она была ущербной.

Правда, я тоже был безработный. Но жарить тосты! Я бы никогда не пал так низко. Я бы нашел настоящую работу или остался бы на пособии по безработице.

Позже она была посудомоечной машиной в отеле, потом мощной сушилкой, пока ее не понизили в должности. Она превратилась в тележку для белья на четырех колесах. В итоге она потеряла и эту работу.

Вскоре, однако, я начал всё меньше и меньше злорадствовать. Я так и не мог найти работу и неважно как сильно я старался.

В следующий раз я увидел ее по пути на собеседование, чтобы устроится на работу уборщиком в больнице. Она была на автостоянке, припаркованная на зарезервированном месте. Она была великолепна.

Вне всякого сомнения, это была она, даже со всеми изменениями. У нее были белые боковые стенки, сам корпус был зеленовато-голубого цвета с внутренними белыми панелями, идущими от передних колес. Она сверкала на солнце.

Я просто стоял напротив нее, пытаюсь придумать, что сказать, пока не вышел какой-то мужчина из больницы и не подошел к ней.

«Красивая, не так ли? – спросил он, вставляя ключ в дверцу. – Я отреставрировал ее, заменил 283-й цилиндр на более сильный. Двойной карбюратор. Разбираешься в машинах? Хочешь увидеть, что под капотом?».

Его великодушие поставило меня в неловкое положение: «Нет».

Я не сразу заметил табличку на его одежде. Он был доктором.

«Она лучшая машина марки Шевроле Корветт 1960 года», – сказал он, любовно похлопывая ее крышу.

Она была старше. Но, проклятье, она выглядела как машина 1960 года выпуска.

«Она раньше принадлежала мне».

«Что?»

«Я сказал, что раньше она была моей».

«Я знаю кое-что из ее прошлого», – сказал он, пытаюсь сохранить улыбку.

«Она была моей. Когда-то она принадлежала мне».

Дружелюбность полностью покинула его. «Я так не думаю», – он открыл дверцу.

«Конечно, только потому, что она сейчас блестит, ты не хочешь думать, что она когда-то принадлежала кому-то вроде меня!»

«Ничего подобного я не говорил» – он сел в машину и закрыл дверь. Он завел ее. Судя по тому, как ее мотор загудел, могу заверить, что у нее было всё самое лучшее.

Он развернул автомобиль, но не мог выехать. Я стоял у него на пути. Мы пристально посмотрели друг на друга.

Мой взгляд переметнулся с его лица на пестрые флаги её капота. Те флажки что-то сделали со мной. С этой стороны я ее никогда не видел. Он опустил окно. «Проваливай с дороги!», – закричал он.

Отполированная, она сверкала на солнце. Вспышка радиатора...

Он снова надавил на газ, угрожающе в этот раз, потом сделал рывок. Он мог меня задавить, но автомобиль заглох. Ей всё ещё не было всё равно. Но было слишком поздно для примирений.

Он завел ее опять. Я сожалел о своем недовольстве. Слишком поздно. Слишком поздно что-либо изменять.

Я отошел с дороги и позволил им уехать. Я пошел на собеседование и получил работу.

Я...тряпка.

Перевод Дарьи Сухаревской, студентки 3 курса специальности «Филология. Английский язык и литература. Арабский язык и литература» Луганского государственного университета им. Тараса Шевченко

Брюс Холланд Роджерс. Разведенные

После развода моя жена сказала, что понятия не имеет, кем или чем хочет быть. Когда я услышал, что она стала тостером, я почувствовал себя оправданным. Тостером! Это все, на что она способна без меня? А ведь она даже не была в этом хороша. Она могла поджарить только два куска за раз, и то, с одной стороны они получались обгоревшими, а с другой – недожаренными. Очевидно же, что из нас двоих это она ненормальная.

Честно говоря, я и сам сидел без работы. Но тостером! Я бы никогда не пал так низко. Уж я бы нашел человеческую работу, или лучше бы остался на пособии.

Позже она работала в отеле в качестве стиральной машинки, затем в качестве вместительной сушилки, пока ее не понизили. Она стала одной из корзин для белья на четырех колесах с брезентовым верхом. В конце концов она потеряла и эту работу.

Однако вскоре злорадствовать мне хотелось все меньше. Несмотря на все мои старания, я все никак не мог найти хоть какую-то работу.

В следующий раз я увидел ее по дороге на собеседование на должность уборщика в больнице. Она стояла на парковке, на забронированном месте. И она была сногшибательна.

Несмотря на все произошедшие с ней изменения, это точно была она. Покрышки у нее были белые. Кузов ее был блестящий, полностью зеленовато-голубого оттенка, кроме внутренней изогнутой белой панели, которая проходила полосами от передних колес к задним.

Я просто стоял перед ней, подбирая слова, когда из больницы вышел мужчина и подошел к ней.

«Красавица, правда?» – сказал он, вставляя ключ в дверцу. «Я ее отреставрировал, – добавил он, – немного наварил тормозные колодки, добавил ей перцу. Двойной карбюратор Картера. Разбираетесь в машинах? Хотите заглянуть под капот?»

От его щедрости мне стало не по себе.

«Нет».

До этого момента я не замечал номера. На них была надпись «Д-р». Он был доктором.

«На дорогах это самая изящная Корветт 1960-го года», – говорил он, нежно похлопывая ее по крыше.

Она была старше. Но черт меня побери, если она не выглядела так, словно была выпущена в 1960-м.

«Когда-то она была моей».

«Что?»

«Я сказал, что она когда-то была моей».

«Я кое-что знаю об ее истории», – говорил он, пытаясь удержать улыбку.
«Она была моей. Однажды она принадлежала мне».

Доброжелательность полностью исчезла с его лица. «Я так не думаю», – он открыл дверцу.

«Конечно, раз уж теперь она сверкает, Вы не можете и подумать, что хоть когда-либо она могла быть привязана к кому-то вроде меня!»

«Я ничего такого не говорил», – он сел и закрыл дверь. Он завел ее. По тому, как загудел мотор, я понял, что у нее теперь все только самое лучшее.

Он жал на газ, но не мог отъехать. Я стоял у него на пути. Я свирепо уставился на него. Он ответил мне не менее свирепым взглядом.

Я перевел взгляд с его лица на клетчатые флажки, часть орнамента на ее капоте. Из-за этих маленьких флажков во мне что-то переменялось. Это была та ее сторона, о которой я никогда и не задумывался.

Он опустил стекло. «Убирайся с дороги», – сказал он.

Ох, это солнце на ее атласной отделке. Сверкание решеток на радиаторе...

Он снова завел ее мотор, уже угрожающе, затем начал двигаться вперед. Он мог бы меня переехать, но она заглохла. Ей до сих пор не все равно. Но уже слишком поздно дня примирения.

Он снова завел ее. Я почувствовал все то сожаление, которое прятал за своим злорадством. Слишком поздно. Слишком поздно что-то менять.

Я ушел с их пути и позволил им уехать вместе. Я пошел на свое собеседование, получил работу.

Теперь я ... швабра.

Перевод Елены Слюсаренко, студентки 4 курса специальности «английский (немецкий) язык» Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины

Брюс Холланд Роджерс. В разрыве

После разрыва моя жена сказала, что она не знает, кем или чем она хочет быть. Когда я услышал, что она стала тостером, я почувствовал себя виноватым. Тостером! И это все, чем она может быть без меня? И... У нее же это плохо получалось. Она могла испечь только два кусочка хлеба за раз, и с одной стороны они были обуглены, тогда как с другой оставались белыми. Определенно, у нее были какие-то странности.

По правде сказать, я сам был без работы. Но тостер! Я бы никогда не пал так низко. Я нашел бы работу, подобающую человеческому существу, либо жил бы на пособие.

Потом она работала в отеле стиральной машиной, затем мощной сушилкой, до тех пор, пока ее не понизили в должности. Она стала одной из тех корзинок в прачечной, с четырьмя колесами и брезентовым мешком. Потом она потеряла и эту работу.

Однако вскоре я стал смотреть со все меньшим злорадством. Я сам до сих пор не мог найти работу, сколько бы я ни пытался.

Затем я увидел ее по дороге на собеседование на должность уборщика в больницу. Она была на автомобильной стоянке, припаркованной на зарезервированное место. И она была ослепительна.

Это была точно она, несмотря на все изменения. У нее были белые боковые панели. Ее тело было ослепительно зеленого цвета, за исключением внутренних закругленных белых панелей, которые прикрывали ее передние колеса. Ее хромированная сталь сияла на солнце.

Я стоял напротив неё, пытаюсь найти подходящие слова, когда из здания больницы вышел человек и направился к ней.

«Она прекрасна, не так ли? – сказал он, открывая ее дверь. – Я ее отреставрировал. Немного изменил блок цилиндров 283-й модели, добавил изюминку, двойной картер. Вы разбираетесь в машинах? Хотите, я открою капот и покажу Вам?»

Его щедрость меня смутила: «Нет».

До этого момента я не обращал внимания на номерные знаки. На них было написано «MD». Он был врачом.

«Это великолепный Корвет модели 1960 года, и он на ходу», – сказал собеседник, с любовью похлопывая его по крыше.

Она была старше. Но она, черт возьми, выглядела так, как будто бы она была выпущена в 1960 году.

«Она была моей».

«Что?»

«Я сказал, что она была моей».

«Я немного знаю о ее прошлом», – ответил он, стараясь сохранить улыбку на лице.

«Она была моей. Раньше она принадлежала мне».

Вся дружелюбность исчезла с его лица. «Я так не думаю», – он открыл дверь.

«Уверен, что сейчас, видя, как она сияет, Вы даже не думаете, что она когда-нибудь могла быть привязана к кому-то вроде меня!»

«Я ничего такого не говорил», – он сел в машину и закрыл дверь. Завел двигатель. Звук, с которым работал ее двигатель, говорил о том, что она получала лучшее из всего, что только могло быть.

Он прибавил оборотов, но не мог отъехать. Я стоял на пути. Я пристально смотрел на него. Он тоже.

Я перевел взгляд с его лица на клетчатые флаги у нее на носу. Эти небольшие флаги навели меня на некоторые мысли. Я никогда не представлял ее с подобной стороны.

Он опустил стекло. «Уйди с дороги», – сказал он.

О, эти отблески на ее матовой поверхности... Сияющая в лучах солнца решетка радиатора...

Он снова прибавил газу, на этот раз, с угрозой, затем начал потихоньку сдавать вперед. Он мог бы переехать меня, но ... она заглохла. Она все еще помнила обо мне. Но было уже слишком поздно для примирения.

Он снова завел ее. Я почувствовал, насколько же я сожалею, что радовался ее неудачам. Слишком поздно. Уже слишком поздно что-либо менять...

Я отошел с пути и позволил им отправиться в путь вместе. Я пошел на собеседование, и меня взяли на работу.

Я... Я просто тряпка.

Перевод Евгении Петрушовой, магистра 2 курса филологического факультета специальности «зарубежная литература в контексте культуры» Московского педагогического государственного университета им. Ленина

Брюс Холланд Роджерс. Отчужденные

После развода моя жена объявила мне, что не знает, кем или чем она хочет стать. Когда мне стало известно, что ее выбор пал на тостер, я почувствовал: свершилось то, что я и доказывал. Тостер! Неужели это все, что ей под силу без меня? Учитывая то, что ее способности оставляли желать лучшего. Пределом ее возможностей можно было считать 2 ломтика, поджаренных одновременно и представавших взору обугленными с одной и совершенно бледными с другой стороны. Определенно, не меня стоило попрекать за неполноценность.

Признаться, я сам был безработным. Но все же тостер! Я бы никогда не пал так низко. Я бы нашел человеческую работу или предпочел бы продолжать жить на пособие.

Впоследствии она выполняла обязанности стиральной машины в отеле, затем продвинулась до сушильной машины высокой производительности, пока ее не понизили в чине. Она превратилась в одну из тех корзин для белья на четырех колесах и с брезентовой емкостью. В итоге она потеряла даже эту работу.

Вскоре у меня, однако, поубавилось злорадства. Я все еще не мог найти никакую работу, как бы отчаянно ни старался.

Затем я повстречал ее, когда направлялся на собеседование на должность уборщика в больнице. Она стояла на парковке, укрытая от посторонних глаз, и выглядела ошеломляюще.

Безусловно, это была она, несмотря на все изменения, произошедшие с ней. Она щеголяла белыми боковыми шинами. Ее кузов был весь блестящего темно-бирюзового цвета, кроме внутреннего участка изгибающихся белых панелей, которые простирались полосой от передних колес. Ее хромированное покрытие переливалось на солнце.

Я просто стоял рядом, разинув рот, когда из больницы вышел мужчина и приблизился к ней.

«Красотка, да?», – промолвил он, вставляя ключи в дверь. – «Я ее отреставрировал, – продолжил он. – Собрал ее из оригинального 283-кубового двигателя, добавил перчика. Двухкамерный карбюратор Картера. Разбираетесь в автомобилях? Хотите посмотреть под капотом?».

Я почувствовал себя неловко от его великодушия: «Нет».

До этого я не обратил внимания на указатель с его именем – там значилось «Доктор медицины». Так он был доктором.

«Этот Корвет 1960 года прекрасно проявляет себя на дороге», – сказал он, нежно похлопывая по крыше.

Она была старше, но черт его дери, если она и взаправду не выглядела, как новенькая.

«Когда-то она была моей».

«Что вы сказали?»

«Я говорю, когда-то она была моей».

«Я немного в курсе о ее прошлом», – ответил он, сиюсь удержат улыбку на лице.

«Она была моей. Она когда-то принадлежала мне».

Все его дружелюбие вмиг сошло с лица. «Я так не думаю», – он открыл дверь.

«Конечно, сейчас, когда она так сияет, вам и представить трудно, что она могла принадлежать такому, как я!»

«Я ничего такого не говорил» - он вскочил в машину, закрыл дверь и завел ее. По тому, как заурчал двигатель, я догадался, что ей ни в чем не отказывали. Он нажал на газ, но не смог выехать, так как я стоял на их пути, злобно уставившись. Он уставился в ответ.

Я переместил взгляд с его лица на изображение флагов в клетку на капоте машины. Эти флажки странным образом подействовали на меня. Моему взору явилась ее доселе неизвестная мне сторона.

Он опустил стекло и процедил: «Прочь с дороги». Бог мой, отражение солнца на ее атласной полировке. Сияние ее передней решетки...

Он снова дал газу, в этот раз угрожающе, затем начал продвигаться вперед. Он мог задавить меня, но она заглохла. Я ей все еще был безразличен. Но уже было слишком поздно для примирения.

Он завел ее снова. Все сожаление, которое я таил под маской злорадства, нахлынуло на меня. Слишком поздно. Слишком поздно что-либо менять.

Я отошел и позволил им уехать вместе. Проследовал на назначенное собеседование и получил работу.

Я стал ... шваброй.

Перевод Тахмины Эсенбек-кызы, студентки 2 курса специальности «лингвистика» Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Брюс Холланд Роджерс. Ставшая чужой

После развода жена сказала, что не знает, кем или чем она хочет быть. Когда я узнал, что она готовит тосты, я почувствовал себя оправданным. Готовить тосты! Это всё, на что она способна без меня? И даже в этом она не была хороша. Она могла поджаривать только два ломтика хлеба за раз, и они получались подгоревшими с одной стороны и вовсе не прожаренными с другой. Очевидно, она была некомпетентна в этом.

Правда, я сам был безработным. Но готовить тосты! Я бы никогда не пал так низко. Я бы согласился на человеческую работу или продолжил бы влачить жалкое существование на пособие по безработице.

Позже она служила стиральной машинкой в гостинице, затем — высокомошной сушилкой, пока её не понизили в должности. Её стали использовать как одну из тех корзин для белья с четырьмя колёсиками и холщовым мешком. В конце концов, она потеряла и эту работу.

Вскоре, однако, мне все меньше и меньше хотелось злорадствовать. Как я ни старался, не мог найти никакой работы.

Потом я увидел её, когда шёл на собеседование, чтобы устроиться санитаром. Она стояла на парковке, заехав задним ходом на парковочное место. И она была потрясающая.

Ошибки быть не могло, даже несмотря на все перемены. У неё была белая окантовка шин. Её тело отливало изумрудной синевой повсюду, кроме белых вогнутых панелей корпуса, отходящих назад от передних колёс. Её металл переливался на солнце.

Я просто стоял там, перед ней, подбирая слова, пока из больницы не вышел мужчина и не подошел к ней.

«Хороша, не так ли?» — самодовольно спросил он, вставляя ключ и поворачивая его в замке. «Я отреставрировал её, — продолжал он, — немного усовершенствовал её родной двигатель, объёмом 283 куб. дюйма, добавил немного мощности и скорости. Двойной карбюратор. Вы разбираетесь в машинах? Хотите заглянуть под капот?»

Его щедрость заставила меня почувствовать себя неловко: «Нет».

Я не замечал до сих пор номерной знак. На нём была аббревиатура, означавшая «Доктор медицины». Он был врачом.

«Она самый превосходный Корвет 1960-го года на ходу», — похвастался он, нежно похлопывая её по крыше.

Ей было больше лет. Но будь я проклят, если она не выглядела выпуском 1960-го.

«Она была моей».

«Что?»

«Я сказал, она была моей».

«Я кое-что о ней знаю», — сказал он, пытаясь сохранить улыбку.

«Она была моей. Однажды она принадлежала мне».

Все дружелюбие сошло с его лица. «Я так не думаю», — он открыл дверцу.

«Конечно же, только потому, что она сейчас сияет, вы и не думаете, что она когда-либо могла принадлежать кому-нибудь вроде меня!»

«Я не сказал ничего подобного», — он сел в машину и закрыл дверь. Он завел её. По тому, как нежно заурчал её двигатель, я мог распознать, что ей доставалось всё самое лучшее.

Он газовал, но не мог тронуться. Я стоял у него на пути. Я пристально посмотрел. Он свирепо посмотрел в ответ.

Я перевел взгляд с его лица на скрещенные клетчатые флаги её эмблемы на капоте. Эти маленькие флажки во мне что-то перевернули. С этой стороны я её никогда себе и не представлял.

Он опустил окно. «Освободите дорогу», — крикнул он.

О, лучи солнца на её блестящей полировке. Отблеск решетки радиатора...

Он нажал на газ снова, на этот раз угрожающе, затем тронулся, чтобы двинуться вперед. Он мог бы переехать меня, но она заглохла. Ей всё ещё не все равно. Но для примирения было слишком поздно.

Он снова завел её. Я почувствовал всё сожаление, которое раньше скрывал под своим злорадством. Слишком поздно. Слишком поздно, чтобы что-либо изменить.

Я отступил с их пути и дал им уехать вместе. Я вошёл в здание на собеседование и получил работу.

Я ... тряпка.

Перевод Елены Осиповой, студентки 2 курса специальности «лингвистика» Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Брюс Холланд Роджерс. Разведённые

После расставания моя подружка не имела представления, чем дальше будет заниматься. Когда я узнал, что она стала тостером, я освободился от угрызений совести. Тостер! И это всё, на что она способна без меня? Вряд ли она в этом преуспела. За раз она могла сделать всего два ломтика, но и те получались пережаренные с одной стороны и недожаренные с другой. Очевидно, что она была для этого непригодна.

Пусть я и сам был безработный... Но тостер! Я бы никогда так не опустился. Либо я буду работать как человек, либо останусь без работы вообще.

Потом она стала стиральной машиной в одном отеле, затем высокомошной сушилкой, чем и работала до тех пор, пока её не списали. Следующей ступенью стала корзина для белья. И в конце концов она осталась совсем без работы.

Но в скором времени моему злорадству пришёл конец, поскольку, как я ни старался, всё никак не мог найти работу.

Мы встретились спустя некоторое время, когда я шёл в больницу устраиваться на работу уборщиком. Она стояла на парковке и выглядела потрясающе!

Несмотря на все преобразования, не было сомнения в том, что это была именно она. Её блестящий бирюзовый кузов сиял на солнце. Я стоял перед ней, пытаюсь подобрать слова, пока некий мужчина не подошёл к ней.

"Красотка, правда? – произнёс он, поворачивая ключ в двери. – Я поработал с ней, усовершенствовал 283-й кузов и вдохнул в нее новую жизнь. Карбюратор Дуал-Картер. Вы разбираетесь в машинах? Хотите взглянуть под капот?"

Его доброжелательность смутила меня. Я не изъявил желания. До сих пор я не обратил внимания на номер машины, который указывал на то, что владельцем был доктор.

"На дороге она ведёт себя как Корвет 1960-го года", – добавил он, с любовью похлопывая по капоту.

Она была гораздо старше. Но провалиться мне, если это было так.

"Когда-то я был её владельцем".

"Простите?"

"Я говорю, что раньше это была моя машина".

"Мне кое-что известно о её прошлом", – ответил он, стараясь держаться с тем же видом.

"Раньше она принадлежала мне".

И тут вся его любезность испарилась. "Я так не думаю", – он открыл дверь.

"Конечно, трудно поверить, что такая красotka когда-то принадлежала такому субъекту, как я."

"Я этого не говорил", – он сел в машину и завёл мотор. По шуму двигателя можно было сказать, что она выжимает всё возможное.

Он дал газу, но не мог проехать, так как я всё ещё стоял на пути. Мы смотрели свирепо друг на друга. Я перевёл взгляд с его лица на клетчатые флажки, изображённые на капоте и что-то для меня значившие. Она никогда раньше не представляла передо мной в таком свете.

Он опустил окно и сказал: "Убирайся с дороги!"

И какое шелковистое покрытие... Блеск решётки радиатора...

Он снова дал газу, уже со злобой, и начал движение. Он мог бы меня переехать, но она заглохла. Она всё ещё равнодушна ко мне. Но для примирения уже слишком поздно.

Он снова завёл её. Как горько я жалел, что приходилось скрывать моё восхищение. Было уже слишком поздно. Слишком поздно, чтобы что-то изменить.

Я ушёл с дороги и дал им уехать. Я пошёл на интервью и получил работу.

Что ж, я начал со швабры.

Перевод Виктории Макаровой, студентки 3 курса специальности «лингвистика» Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Брюс Холланд Роджерс. В разные стороны

После того, как мы разошлись, моя жена сказала, что не знает, кем или чем хочет быть. Когда я узнал, что она стала тостером, я почувствовал некий триумф. Тостером! И это все, чем она смогла стать без меня? Да и даже хорошим тостером у нее стать не вышло. Она могла приготовить только два куска хлеба за раз, и те получались подгоревшими с одной стороны и совершенно непропеченными с другой. По всей видимости, именно в ней была проблема.

По правде говоря, я и сам не мог найти себе применения. Но быть тостером! Я бы никогда в жизни не опустился так низко. Я бы нашел себе человеческую работу или остался бы жить на пособие.

Потом она работала стиральной машинкой в гостинице, потом стала вместительной сушилкой, пока её не понизили. Она стала одной из этих корзинок на четырех колесиках с крышкой и покрытым парусиной барабаном. В конце концов она и эту работу потеряла.

Однако вскоре злорадство во мне поутихло. Как ни старайся, а мне все не удавалось найти работу.

В следующий раз я увидел её, когда шёл на собеседование в больницу. Я хотел устроиться уборщиком. Она стояла на парковке, на специально отведенном месте. И выглядела она сногшибательно.

Несмотря на все изменения во внешности, без сомнения это была она. Её боковые стенки были белыми. Её тело было почти полностью глянцевого зеленовато-голубого цвета, кроме внутренних изогнутых панелей, отходивших назад от её передних колёс, они тоже были белого цвета. Её хромированное покрытие сияло на солнце.

Я просто стоял напротив неё, пытаюсь подобрать слова, чтобы что-то сказать, пока из больницы не вышел какой-то мужчина и не подошел к ней.

«Красавица, правда ведь?», – сказал он, вставляя ключ в её дверь. – «Я её отреставрировал, – сказал он, – немного усовершенствовал, заменил её слабенький заводской 283-ий двигатель, зарядил её, так сказать. Теперь у неё двойной карбюратор Картер. Вы разбираетесь в машинах? Хотите посмотреть, что у неё под капотом?»

От такого его великодушия я почувствовал себя неловко: «Нет».

До этого момента я не обращал внимания на номера. На них значилось «MD». Он был доктором.

«Она самая красивая Шевроле Корвет 1960 года выпуска на всей дороге», – сказал он, нежно похлопывая её по крыше.

На самом деле она была старше, но чёрт меня побери, если она не выглядела так, будто сошла с конвейера в 60-ом!

«Когда-то она была моя».

«Что?»

«Я сказал, что когда-то она была моя».

«Я немножечко знаком с её историей», – сказал он, пытаясь сохранить улыбку на лице.

«Она была моя. Когда-то она принадлежала мне»

Всё дружелюбие мигом испарилось с его лица. «Я так не думаю», – он открыл дверь.

«Конечно же, только потому, что теперь она вся сияет, вы и мысли не допускаете, что когда-то она могла иметь дело с кем-то, вроде меня!»

«Я такого не говорил», – он сел и закрыл дверь. Завел её. По тому, как загудел её двигатель, я понял, что в ней было всё только самое лучшее.

Он завёл её, но не мог сдвинуться с места. Я стоял на его пути. Мы пристально смотрели друг на друга.

С его лица я перевел взгляд на скрещенные флаги на её капоте. Эти маленькие флаги задели меня. Это была та её сторона, которую я себе и представить не мог.

Он опустил окно. «Прочь с дороги», – сказал он.

О, как солнце играло на её атласной отделке. Как мерцали её передние решетки...

Он снова завел её двигатель, теперь уже в этом чувствовалась угроза, и начал двигаться вперед. Он бы наехал на меня, но она заглохла. Ей все ещё было не всё равно. Но уже было поздно пытаться вернуть все обратно.

Он снова завел её. Я почувствовал всю горечь сожаления, что прятал за своим злорадством. Слишком поздно. Слишком поздно что-то изменить.

Я отошел в сторону и дал им уехать вместе. Я пошёл на собеседование и получил работу.

Я...тряпка.

Перевод Дарьи Потраховой, студентки 4 курса специальности «лингвистика (немецкий язык)» ДонНУ

Брюс Холлэнд Роджерс. Не вместе

Когда мы расстались, моя жена сказала, что не знает, кем хочет быть. Когда я узнал, что она стала делать тосты, я понял, что реабилитировался. Тосты! Неужели это всё, на что она способна без меня? Да и справлялась она с этой работой не очень хорошо. Она могла поджаривать одновременно лишь два ломтика, которые были с одной стороны подгоревшими, а с другой – совершенно белыми. Всё ясно: это у нее тараканы в голове.

Да, у меня и у самого не было работы. Но готовить тосты! Я бы никогда не пал столь низко. Я бы нашел человеческую работу или же и вовсе остался без неё.

Позже она работала стиральной машиной в отеле, потом ёмкой сушилкой, пока ее не понизили в должности. Она стала одной из тех тележек для белья с четырьмя колесиками и брезентовыми мешками. В конце концов она потеряла даже эту работу.

Однако вскоре чувство злорадства стало понемногу утихать. Я по-прежнему пребывал в поисках работы, но все мои старания были тщетны.

В следующий раз я увидел ее по пути на собеседование по поводу работы уборщика в больнице. Она стояла на зарезервированном месте парковки. И её великолепие не имело границ.

Её нельзя было не узнать, даже со всеми её изменениями. У нее были белые боковые стенки. Блестящий бирюзовый цвет покрывал весь ее кузов, кроме изогнутых внутрь белых панелей над передними колесами. Она вся так и переливалась на солнце.

Я просто стоял перед ней, пытаюсь хоть что-то сказать, пока мужчина не вышел из здания больницы и не подошел к ней.

«Красавица, да?» – сказал он, вставляя ключ в ее дверцу. «Я вернул ее к жизни», – сказал он, – починил немного, сменив ее родной блок цилиндров 283,

придал ей немного энергии. Поставил карбюратор «Дуал-Картер». Разбираешься в машинах? Хочешь заглянуть под капот?»

От его щедрости мне стало не по себе: «Нет».

До сих пор я не замечал табличек. На них было написано «ДМ». Он был доктором.

«Это лучший «Корвет» 1960-го года, который еще на ходу», – сказал он, ласково поглаживая ее крышу.

Ей было больше годков, чем он думал. Но, черт побери, если она не выглядела на 1960-й год!

«Когда-то она была моей».

«Что?»

«Я говорю, она когда-то принадлежала мне».

«Я знаю кое-что из ее прошлого», – сказал он, пытаясь удержать улыбку на лице.

«Она была моей. Когда-то она принадлежала мне».

Дружелюбного выражения лица как и не бывало. «Я так не думаю», – он открыл ее дверцу.

«Конечно, только потому, что она теперь сверкает, Вы и мысли не допускаете, что она когда-то могла принадлежать такому человеку, как я!»

«Я ничего такого не говорил», – он сел в машину и захлопнул дверцу. Он завел мотор. По тому, как загудел ее двигатель, я мог сказать, что она была в невероятной форме.

Мотор взревел, но водитель не мог сдвинуться с места. Я стоял у него на пути. Наши свирепые взгляды схлестнулись.

Я перевел взгляд с его лица на клетчатые флажки, которые украшали капот. Они взбудоражили меня. Я и представить не мог ее с такой стороны.

Он опустил окно. «Прочь с дороги», – сказал он.

Как красиво играют лучики солнца на ее глянцевой поверхности. И этот блеск решетки радиатора...

Ее мотор снова взревел, теперь уже с явной угрозой, и машина тронулась с места. Он мог бы меня переехать, но она заглохла. Ей я все еще был не безразличен. Однако было слишком поздно для примирения.

Он снова завел мотор. Я ощутил все то сожаление, которое я скрывал под маской злорадства. Слишком поздно. Слишком поздно что-то изменить.

Я уступил им дорогу и позволил уехать вместе. Я пошел на собеседование и получил работу.

Я ... тряпка.

Перевод Алины Андреевой, студентки 4 курса специальности «перевод (английский, немецкий язык)» ФИЯ ДонНУ

Брюс Холленд Роджерс. Я остался один

После развода моя жена сказала, что не знает, чем хочет заниматься и кем хочет стать. И когда я узнал, что она стала тостером, я почувствовал облегчение. Тостером, подумать только! И это все, на что она была способна? Так она даже с такой работой не справлялась! Она могла готовить

одновременно всего лишь два ломтика хлеба, причем с одной стороны они пригорали, а с другой – оставались сырыми. Эта работа была явно не для нее.

Честно признаться, я и сам был безработным. Но работать тостером! Я бы никогда не опустился так низко. Я бы работал только на должности человека либо продолжил бы жить на пособие.

Потом она стала работать стиральной машиной в гостинице, затем – сушильным аппаратом, пока ее не понизили. Она стала корзиной для белья – той, что с четырьмя колесиками и тканевым мешком внутри. В конце концов, она потеряла даже эту работу.

Со временем мне все меньше и меньше хотелось злорадствовать. Я никак не мог найти работу, сколько бы ни пытался.

В следующий раз я увидел ее, когда шел в больницу устраиваться на работу (должность предполагала обязанности по уборке). Она была на автомобильной стоянке. Её припарковали на зарезервированном месте. Она выглядела сногшибательно.

Сомнений быть не могло: это была она, хоть ее было и не узнать. У нее были белые боковые панели. Вся основная часть сияла изумрудом, кроме белых вогнутых линий, уходящих от переднего колеса назад. Её хромированные детали сверкали на солнце.

Я стоял перед ней и все думал, что же сказать. И тут из больницы вышел какой-то мужчина и направился напрямик к ней.

«Она прекрасна, не так ли? – сказал он, вставляя ключ в дверцу. – Я ее отреставрировал: немного расширил ее заводской двигатель объема 283 куб.д., добавил ей лошадок, поставил двухкамерный карбюратор... А вы разбираетесь в машинах? Хотите заглянуть под капот? »

Такое великодушие смутило меня: «Нет».

Только сейчас я обратил внимание на номера. На них была надпись «ДМ». Он был доктором.

«Это лучший в мире Корвет 1960-го года», – сказал он, легонько похлопывая ее по крыше.

Она была куда старше. Но чтоб я провалился на этом месте, если она не выглядела на этот возраст!

«Раньше она была моей».

«Что?»

«Я сказал, что она была моей».

«Я немного знаю о ее прошлом», – сказал он, все еще пытаюсь улыбаться.

«Она была моей. Когда-то она принадлежала мне».

Тут же его дружелюбная мина куда-то улетучилась. «Я в этом сомневаюсь», – он открыл ее дверцу.

«Ну конечно, вам трудно представить, что когда-то она могла принадлежать такому как я. Ведь, сейчас она неотразима».

«Я не говорил ничего подобного», – он сел в машину и захлопнул дверь. Завел ее двигатель. По мурчащему звуку ее мотора я понял, что за ней ухаживали наилучшим образом.

Он надавил на газ, но не смог проехать. Я преградил ему путь. Мы сверлили друг друга взглядом.

Я перевел взгляд с его лица на два клетчатых флажка, которые украшали капот. Эти флажки задели во мне какие-то чувства. Никогда раньше я не видел ее такой.

Он опустил стекло и сказал: «Вали с дороги».

Ах, как же солнце играет на ее атласной отделке, а как сияет радиаторная решетка!

Он снова дал газу, теперь угрожающе. Начал ехать вперед... Наверное, он бы меня переехал, но она заглохла. Я все еще был ей безразличен. Но было уже поздно все вернуть.

Он завел ее снова. В тот момент я почувствовал всю боль, которую я тщательно скрывал за своим злорадством. Слишком поздно. Слишком поздно что-то менять.

Я отошел с дороги и позволил им уехать... вместе. Затем, я отправился на собеседование. Меня приняли.

Теперь я... тряпка.

Перевод Анастасии Шигирт, студентки 4 курса специальности «международные отношения» исторического факультета ДонНУ

Брюс Холлэнд Роджерс. Потерянный

После развода моя жена сказала, что не знает, кем или чем она хочет быть. Узнав, что она стала тостером, я испытал внутреннее удовлетворение. Тостер! Это всё, на что она способна без меня? Но она даже не умеет делать тосты. Она могла делать лишь два ломтика одновременно, и при этом они получались обугленные с одной стороны и непрожаренные с другой. Очевидно, всё дело было в ней.

По правде говоря, я и сам был безработным. Но тостер! Я бы никогда не пал так низко. Нашёл бы нормальную работу или остался бы на пособии.

Позже она работала стиральной машиной в гостинице, а затем и вовсе мощной сушилкой, пока её не понизили в должности. Она стала одной из тех прачечных корзин с четырьмя колёсиками и брезентовым мешком. В конце концов она потеряла даже эту работу.

Вскоре, однако, я стал всё меньше и меньше злорадствовать. Я всё ещё не мог найти работу, как ни пытался. В следующий раз я увидел её по дороге на собеседование на должность, связанную с уборкой в больнице. Она стояла на парковке, на специальном месте. И она была великолепна.

Её нельзя было ни с кем спутать, несмотря на все изменения. Весь её корпус был ослепительно бирюзовым, кроме вогнутых закруглённых белых панелей, которые тянулись назад от её передних колёс. Её хромированные детали сверкали на солнце.

Я просто стоял перед ней, подыскивая слова, пока из больницы не вышел мужчина и не подошёл к ней. «Красивая, не правда ли?» – спросил он, вставляя ключ в её дверь. «Я восстановил её, – сказал он, – собрал её на основе оригинального двигателя мощностью 283 лошадиные силы, придал ей немного

блеска. Двухкамерный карбюратор. Вы разбираетесь в машинах? Хотите заглянуть под капот?»

Его великодушие смутило меня: «Нет». Я не замечал табличек до сих пор. На них было написано: «Доктор медицинских наук». Он был врачом. «Она лучший Corvette 1960 года на дороге», – сказал он, ласково похлопывая по крыше.

Она была старше. Но провалиться мне на этом месте, если она не выглядела на 1960 год.

«Раньше она была моей».

«Что?»

«Я сказал, что раньше она была моей».

«Я немного знаю о её прошлом», – сказал он, пытаюсь удержать улыбку на лице.

«Она была моей. Она когда-то принадлежала мне».

Всё дружелюбие исчезло с его лица. «Я так не думаю», – он открыл её дверь.

«Конечно, только потому, что она сейчас блестящая, вы не задумываетесь о том, что она могла когда-то принадлежать кому-то вроде меня!»

«Я не говорил ничего подобного», – он сел в машину и закрыл дверь. Завёл её. По звуку её двигателя я мог сказать, что она получала только всё самое лучшее.

Он развернул её, но не смог выехать. Я стоял на пути. Мы свирепо смотрели друг на друга.

Я перевёл взгляд с его лица на пестрые флаги, украшающие её капот. Эти флаги перевернули что-то во мне. Это была та сторона, с которой я её никогда не видел.

Он опустил стекло. «Убирайся с дороги», – сказал он.

Ох, это солнце на её атласной отделке. Блеск её решётки радиатора...

Он снова надавил на газ, уже угрожающе, затем начал двигаться вперёд. Он мог задавить меня, но она заглохла. Она всё ещё заботилась обо мне. Но было слишком поздно для примирения.

Он завёл её снова. Я сожалел обо всем, что я скрывал за своим злорадством. Слишком поздно. Слишком поздно, чтобы что-то изменить.

Я ушёл с их пути, позволил им уехать вдвоём. Я пришёл на своё собеседование и получил работу.

Я... тряпка.

Перевод Данилы Кошелева, студента 2 курса специальности «Электроэнергетика и электротехника» Ульяновского государственного технического университета

Брюс Холланд Роджерс. Разведённые

После развода жена сказала, что не знает, кем или чем хочет стать. Когда я узнал, что она стала тостером, то почувствовал облегчение. Тостер! Это всё, чего она добилась без меня? И она даже не была хороша в этом деле. Она могла обжаривать лишь два ломтя за раз, и они были сгоревшими с одной стороны и сырыми с другой. Очевидно, что это у неё были недостатки.

Да, я сам был безработным. Но тостер! Я бы никогда не упал так низко. Я бы получил достойную человека работу либо остался на пособии по безработице.

Позже она работала в отеле как стиральная машина, потом как высокопроизводительная сушилка, до тех пор, пока её не понизили. Она стала одной из четырёхколёсных холщовых бельевых корзин. Наконец её уволили даже с этой работы.

Однако вскоре я постепенно перестал злорадствовать. Ведь я до сих пор не мог найти работу, как ни старался.

Снова я её увидел, когда шёл устраиваться уборщиком в больницу. Она стояла на парковке, на персональном месте. И она была сногсшибательна.

Её нельзя было не узнать, даже со всеми изменениями. У неё были белые боковые стенки. Кузов был блестящего зеленовато-голубого цвета везде, кроме внутренних закруглённых белых крыльев, которые шли от её передних колёс, а хромирование блестело на солнце.

Я просто стоял перед ней, стараясь найти, что сказать, пока из больницы не вышел мужчина и не подошёл к ней.

– Она прекрасна, не так ли? – сказал он, вставляя ключ в дверь. – Я восстановил её, собрав из оригинального 283-го двигателя, усилил её. Двойной карбюратор от Картера. Разбираешься в машинах? Хочешь заглянуть под капот?

– Нет, – мне стало неудобно от его великодушия. И тут я заметил номерной знак «MD»: значит, мужчина был доктором.

– Она лучший Корвет 1960 года, что ездит по дороге, – сказал он, глядя её по капоту.

Она была старше 1960 года, но, чёрт возьми, она не выглядела на свой возраст.

– Раньше она принадлежала мне.

– Что?

– Я сказал, раньше она принадлежала мне.

– Я немного знаю её историю, – сказал он, стараясь сохранить улыбку на лице.

– Она была моей. Когда-то она принадлежала мне.

– Я так не думаю.

Всё дружелюбие исчезло с его лица, и он открыл дверь.

– Конечно, только потому, что сейчас она блестит, ты не думаешь, что она могла принадлежать такому, как я.

– Я ничего подобного не говорил, – он залез внутрь и закрыл дверь. Когда он завёл мотор, по тому, как звучал её двигатель, я понял, что она получала только самое лучшее.

Он дал газу, но не мог уехать. Я был на его пути. Мы свирепо смотрели друг на друга. Я переместил взгляд с его лица на клетчатые флаги её надкапотной фигурки. Эти маленькие флаги что-то сделали со мной. Это была её сторона, о которой я никогда не знал.

– Уйди с дороги, – сказал он, опустив окно.

О, это солнце на её глянцевом покрытии. Блеск её решётки...

Он снова завёл двигатель, теперь угрожающе, затем поддал вперёд. Он мог переехать меня, но она остановилась. Я ей до сих пор небезразличен. Но уже было поздно для примирения.

Он завёл её ещё раз. Я почувствовал всё то сожаление, что скрывал за злорадством. Слишком поздно. Слишком поздно что-либо изменить.

Я отошёл и позволил им уехать вместе. В тот день, пройдя собеседование, я получил работу.

Я...стал шваброй.

Перевод Даниила Моисеева, студента 1 курса специальности «перевод и переводоведение» Оренбургского государственного педагогического университета

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

Wilhelm Müller. Der Leiermann

Drüben hinterm Dorfe
Steht ein Leiermann,
Und mit starren Fingern
Dreht er, was er kann.

Barfuß auf dem Eise
Schwankt er hin und her;
Und sein kleiner Teller
Bleibt ihm immer leer.

Keiner mag ihn hören,
Keiner sieht ihn an;
Und die Hunde brummen
Um den alten Mann.

Und er läßt es gehen
Alles, wie es will,
Dreht, und seine Leier
Steht ihm nimmer still.

Wunderlicher Alter,
Soll ich mit dir gehn?
Willst zu meinen Liedern
Deine Leier drehn?

Вильгельм Мюллер. Шарманщик

Там, за деревней,
Шарманщик стоит
На льду босиком
И песни свои
Тянет, качаясь
Назад и вперед,
Тарелка с грошом
Ему хлеб не дает.
Шарманщик озяб,
И не любят его,
И нет ни друзей,
Ни родных, – никого.

Вильгельм Мюллер. Шарманщик

Старый шарманщик в деревне
На перекрестье пути
Крутит свою шарманку
И дальше не может идти.

Все ноги себе истер он,
Шатаясь в пыли дорог,
Но заработать и грошик
На пропитанье не смог.

Никому не милы его песни,
Никто на него не глядит, –
Лишь пес, дворняга бездомный,
Из-под забора рычит.

Что ж, глупо стоять на месте.
Подарков от жизни не жди,
Крути веселей шарманку –
Так будет легче идти.

Мой старый добрый шарманщик,
Позволь разделить твой удел:
Перо мое вместе с шарманкой
Поют пусть, ведь ты ослабел.
*Перевод Ксении Зоговой (15 лет), ученицы
Горловского УВК «ОШ I-III ст. № 14 –
многопроф. лица «Лидер»*

Вильгельм Мюллер. Шарманщик

Окраина деревни. В стороне
Играет наш шарманщик в тишине.
Шарманку крутит зябкою рукой,
Играет он на ней мотив простой.

Шатаясь, ходит он туда-сюда,
Тарелочка его всегда пуста.
Босой, убогий, ростом невелик,
По улице бредет чудной старик.

Все люди отвернулись от него,
Не смотрят и не слушают его.

Только собаки
Злобно рычат,
Только слеза
Застывает в очах.
Мой добрый шарманщик,
Замерзший старик!
Неужто у Бога
Твой грех так велик?
Пойти ль мне с тобою,
Согреть твои дни?
Пусть теплой судьбою
Утешат они!
*Перевод Таусии Чуприны, 14 лет,
ученицы школы № 117 (г. Макеевка)*

Hilde Domin. Linguistik

Du musst mit dem Obstbaum reden.

Erfinde eine neue Sprache,
die Kirschblütensprache,
Apfelblütenworte,
rosa und weiße Worte,

Хільда Домін. Лінгвістика

Ти повинен говорити
з фруктовими деревами.

Винаходь нову мову,
Вишневоцвітну.
Винаходь нові слова,
Яблуновоцвітні слова.
Рожеві і білі слова,
Які мовчазно і таємничо
відносять у небуття
вітер.

Довірся фруктовим деревам,
Коли наздожене тебе неправда.

Вчися мовчати
на рожевій і білій мові.
Переклад Євгенії Штольц (17 років)

Дворняги на него вокруг рычат,
А дети малые вослед ему кричат.

Старик, коль ты захочешь, я пройду
С тобою вместе не одну версту.
Крутить шарманку будем, вспоминая
О днях былых от края и до края.

*Перевод Алины Веретельной (15 лет),
ученицы 10 класса МУВК «Перспектива»
г. Макеевка*

die der Wind
lautlos
davonträgt.

Vertraue dich den Obstbäumen an,
wenn dir ein Unrecht geschieht.

Lerne zu schweigen
in der rosa
und weißen Sprache.

Хільда Домін. Лінгвістика

Поговори с плодовым деревом.

Придумай новый язык,
Язык цветков вишни,
Слова цветков яблони,
Речь розово-белую,
Беззвучно уносимую
Ветром.

Доверься природе,
Когда тебя окружает
Несчастье.

Научись хранить тишину
На языке бело-розовом.
Перевод Натальи Пащук (16 лет)

Хільда Домін. Лінгвістика

Ти маєш говорити
з фруктовим деревом.

Винайди нову мову:
Вишневого цвіту,
Яблунового цвіту.
Рожеві та білі слова,
Які вітер
Безшумно
Розносить

Довірся фруктовим деревам
Коли стається біда

Учись мовчати
Рожевою
Та білою мовою

Переклад Марини Сімакової (16 років)

Kurt Tucholsky. Augen in der Großstadt

Wenn du zur Arbeit gehst
am frühen Morgen,
wenn du am Bahnhof stehst
mit deinen Sorgen:
da zeigt die Stadt
dir asphaltglatt
im Menschentrichter
Millionen Gesichter:
Zwei fremde Augen, ein kurzer Blick,
die Braue, Pupillen, die Lider –
Was war das? vielleicht dein Lebensglück...
vorbei, verweht, nie wieder.

Du gehst dein Leben lang
auf tausend Straßen;
du siehst auf deinem Gang
die dich vergaßen.
Ein Auge winkt,
die Seele klingt;
Du hast' s gefunden,
nur für Sekunden...
Zwei fremde Augen, ein kurzer Blick,
die Braue, Pupillen, die Lider –

Хільда Домин. Лінгвістика

Обратись к фруктовому дереву

Создай новый язык –
Цветов вишни язык,
Цветов яблони слова,
Белые и розовые слова,
Что тихо
Уносит
Ветер.

Если случилось несчастье –
Доверься фруктовому дереву.

Учись молчать
На розовом
И белом языках.

Перевод Софии Слєпканёвой (15 лет)

Was war das? kein Mensch dreht die Zeit zurück...
vorbei, verweht, nie wieder.

Du musst auf deinem Gang
durch Städte wandern;
siehst einen Pulsschlag lang
den fremden andern.
Es kann ein Feind sein,
es kann ein Freund sein,
es kann im Kampfe dein
Genosse sein.
Er sieht hinüber
und zieht vorüber...
Zwei fremde Augen, ein kurzer Blick,
die Braue, Pupillen, die Lider –
Was war das?
Von der großen Menschheit ein Stück!
Vorbei, verweht, nie wieder.

Курт Тухольский. Глаза в большом городе

Когда идешь ты ранним утром
На работу
Иль на вокзале ты стоишь
В своих заботах,
Тебе показывает город
Средь неизведанных просторов
В ряду бескрайних верениц
Десятки миллионов лиц:
Пара одиноких глаз, короткий взгляд,
Брови, зрачки, веки –
Что было это? Может быть, судьба...
Прошло. Рассеялось. Навеки.

Успеешь ты за жизнь пройти
Несметное число дорог
И повстречаешь многих на пути,
Кто в памяти тебя, увы, не уберег.
Глаза друг другу подмигнут,
Вдруг сердца дверцу распахнут.
В родную душу ты проник,
Но, оказалось, лишь на миг...
Пара одиноких глаз, короткий взгляд,
Брови, зрачки, веки –
Что было это? Никто не в силах время повернуть...
Прошло. Рассеялось. Навеки.

Тебе придется на своем пути узнать
Не только лица города родного
И также лишь секунду созерцать
Кого-то чуждого, другого.
Быть может, это враг твой,
Быть может, друг твой,
А может, пред тобой
Соратник твой.
Он взор украдкой свой отводит
И стороной тебя обходит...
Пара одиноких глаз, короткий взгляд,
Брови, зрачки, веки –
Что было это?
Великого общества некая часть!
Прошло. Рассеялось. Навеки.

Перевод Светланы Заборовской, студентки 1 курса специальности «Теория межкультурной коммуникации и обучения иностранным языкам» Алтайского государственного педагогического университета

Brigitte Werner. an der Ampel
diese alte Frau
mit den blauen, dicken Strümpfen
in den viel zu großen Schuhen,
die abgeschabte Handtasche
fest im Griff,
den Rücken gebeugt von der Zeit —

dieses kleine, alte Gesicht
mit den gefurchten Feldern
und den lebendigen Augen
unter dem beuligen Hut
auf dem struppigen Haar —

diese alte Frau
in dem steifen braunen Mantel
mit den rührend großen Knöpfen
blickt eine Sekunde
in mein Gesicht —

und unser Lächeln
flattert wie eine Fahne
durch den Raum
zwischen ihr und mir

Бригитта Вернер. У светофора

Эта старая дама
в синих толстых чулках,
в слишком больших башмаках,
в руках крепко зажатая потертая сумка,
спина, скрюченная от времени, –
это маленькое старое лицо,
изборожденное морщинами,
с живыми глазами,
под измятой шляпой на всклокоченных волосах, –
эта старая дама
в жестком коричневом пальто
с трогательно огромными пуговицами
смотрит секунду мне в лицо –
и наши улыбки трепещут,
как знамя в пространстве
между дамой и мною...
между дамой и мною...

Перевод Наталии Кузьминой, студентки 1 курса специальности «Теория и практика межкультурной коммуникации» Пятигорского государственного лингвистического университета

Бриджит Вернер. Встреча на светофоре

Эта маленькая, миленькая старушка
в голубых и толстых чулках
и башмаках,
что так велики и нелепы,
крепко держала поношенную сумку,
спину сгибая от тяжести времени.

Её маленькое, сморщенное лицо
с испуганным видом,
но взглядом,
жизнью наполненным.
На голове – помятая шляпа,
под ней – прическа растрепанная.

Эта старушка
в темном полосатом пальто
с забавно огромными пуговицами
глядит внезапно
мне прямо в глаза.

И наши улыбки
реют как знамя,

сливая воедино
пространство между нею и мною.

Перевод Кристины Максимовой, студентки 4 курса специальности «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» Южного Федерального Университета (г. Ростов-на-Дону)

Бригитте Вернер. У светофора

Эта пожилая дама
в голубых толстых чулках,
в чересчур больших башмаках,
её потёртая сумочка,
крепко сжатая в руках,
её временем согнутая спина –

всё в морщинках,
это маленькое, старое лицо,
её полные жизни глаза
под помятой шляпой
на растрёпанных волосах –

эта пожилая дама
в коричневом в полоску пальто
с умилительно большими пуговицами
бросает взгляд
на моё лицо –

и наши улыбки
развешаются словно знамя
сквозь пространство
между ею и мной.

Перевод Ирины Курбатовой, студентки 3 курса специальности «Лингвистика» Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Бригитта Вернер. На светофоре

Эта забавная старушка
В престранных голубых чулках,
Больших нелепых башмаках
В плохую сумку, как простушка,
Вцепившись хваткой ледяной
И с полусогнутой спиной –

Сухое выцветшее личико
С нехитрой сеточкой морщин
И с быстрым взглядом; без причин
Над всем лицом нависшей шляпой,

Причёской странной и лохматой –

И эта пожилая дама
В немодном драповом пальто,
Всё в клёпках будто решето,
Вдруг смотрит на секунду прямо
В мои глаза –

И в промежутке между нами
Вдруг озаряет всё в ответ
Нечаянной улыбки свет,
Мерцает яркими лучами.

*Вольный перевод Екатерины Перфильевой, студентки 3 курса специальности
«Преподаватель английского и немецкого языков» Владимирского государственного
университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых*

Бригитта Вернер. У светофора

Старушка
В синих теплых чулках,
В ботинках больших, даже слишком,
С ободранной сумочкой, сжатой в руках,
От старости пополам склонившаяся, –
С маленьким, старческим личиком,
Изрезанным морщин браздами,
В старенькой шляпке
На растрепанных волосах,
Но с полными жизни глазами.

Старушка
В коричневом грубом пальто
С умилительно большими пуговицами
Секунду смотрит мне прямо в лицо –
И наши взгляды встречаются.
Она улыбнулась, улыбнулся и я,
Улыбнулись всего лишь глазами.
И будто знамя зареяло вдруг
В пространстве между нами.

*Перевод Елизаветы Ишуткиной, студентки 2 курса специальности «Начальное
образование/информатика» Ульяновского государственного педагогического
университета имени И. Н. Ульянова*

Christian Fuchs. Der Herbst

Ein frischer Wind fegt nunmehr das Bunt aus den Bäumen, die Farben wandeln
sich schnell zu Braun, wenn sie erst auf die Erde fallen.

Der Morgentau schimmert in den ersten Sonnenstrahlen, die langsam durch den Nebel dringen. Die Vögel zwitschern ein neues Lied, nicht mehr so fröhlich als an warmen Tagen. Zarte warme Strahlen sind noch an der Haut zu spüren, sie wärmen einem auch das Herz, die Landschaft eingetaucht in Rot, Braun und Gelb, herrlich dieses Farbenspiel.

Doch bald wird Kälte herrschen im Geäst, denn nur ein Übergang soll's sein, damit das Gemüt nicht zu rasch erfriert.

Die Tiere nutzen jede Minute instinktiv, sie spüren die Veränderung, sie sehen sie nicht nur, so wie wir.

Wenn der Mensch zu spüren beginnt ist's auch schon vorbei mit Farbe und Wärme, zu wenig Naturverbundenheit ist heutzutage die Manier.

Da fallen sie leise, die letzten Blätter, die Kälte schleicht sich langsam ein.

Die Tage sind so kurz geworden, dunkel wird es schnell, noch vor ein paar Wochen war es abends noch taghell.

Das nächste Kapitel beginnt im Geschichtsbuch der Jahreszeiten, Väterchen Frost ist bereit für einige Monate die Wärme zu vertreiben. Herbst ist es so schnell geworden und noch schneller wird es Winter sein.

In den Wohnungen ist es warm, jedoch die Seele friert, sie weiß, was folgt nach bunten Blättern und sanften Sonnenstrahlen.

Кристиан Фукс. Осень

Свежий ветер уносит пёстрые цвета с осенних деревьев. Все изобилие красок сменяется одним коричневым цветом, как только листья коснутся земли.

Утренняя роса мерцает в свете первых солнечных лучей, которые медленно пробиваются сквозь туман. Птицы щебечут уже новую мелодию, не такую задорную и веселую, как бывало в теплые дни. Ласковые теплые лучи солнца еще ощутимы на коже, они согревают и сердце; пейзаж погружен в изобилие красного, коричневого и желтого цвета, – какая прекрасная игра красок!

Уже совсем скоро на ветвях деревьев будет господствовать нагота, но переход должен быть постепенным, чтобы сразу не замерзнуть. Животные используют каждую минутку тёплых дней и привыкают к изменениям природы инстинктивно, они чувствуют и видят их не так, как мы.

Человек начинает замечать изменения, когда яркие цвета осени и её тепло уже миновали, – слишком уж мала взаимосвязь с природой в наши дни. Тихо падают последние листья, медленно пробивается холод. Дни становятся такими короткими, и сумерки приходят так быстро, а ведь пару недель назад вечером было еще светло, как днём.

Начинается следующая глава в учебнике по истории времен года, и Дедушка Мороз уже готов прогнать тепло на несколько месяцев. Так быстро пришла осень, и еще быстрее наступит зима.

В квартирах тепло, однако замерзает душа: она знает, что следует за этими разноцветными листьями и нежными солнечными лучами.

Перевод Евгении Штольц (17 лет)

Христиан Фукс. Осень

Свежий ветер уже сбрасывает феерическую накидку деревьев, краски быстро тускнеют, лишь только достигают земли.

Утренняя роса переливается в первых лучах солнца, медленно пробивающихся сквозь туман. Птицы напевают новую песню, но уже не такую весёлую, как в летние деньки. Нежные, тёплые лучи ласкают кожу и согревают кому-то сердце, пейзаж наполнен красными, багряными, золотыми красками, чудесна их игра.

Но вскоре ветви обнажатся, ведь нужен переход, чтобы душа не охладела слишком быстро. Зверьки по наитию не теряют ни минуты, они ощущают перемену, а не только видят её, как мы.

Когда же человек почувствует изменения, от цветов и тепла уже не останется и следа, в наше время стиль жизни человека имеет лишь незначительную связь с природой.

Тогда они опадают тихо, эти последние листья, и холод постепенно усиливается.

Дни стали совсем коротки, быстро темнеет, хотя ещё две недели назад вечера были светлые.

Начинается следующая глава книги истории времён года, Мороз уже готов прогнать тепло на несколько месяцев.

Тепло в домах, однако на душе прохладно, потому что она осознаёт, что последует за яркой листвой и нежными лучами солнца.

Перевод Натальи Пацук (16 лет)

Христиан Фукс. Осень

Настала пора, и вот свежий ветер сдувает краски с деревьев, заменяя их коричневой, стоит листьям коснуться земли.

Утренняя роса переливается в первых лучах солнца, неспешно пробивающихся сквозь туман. Птицы щебечут новую песню, которая больше не будет такой же радостной, как в тёплые дни. На коже всё ещё ощутимы ласковые лучи, а некоторым они согревают сердце. Пейзаж тонет в великолепной игре красного, коричневого и жёлтого.

Чтобы душа не слишком быстро замёрзла, необходим лишь переход — ведь скоро на кронах деревьев будет господствовать пустота.

Животные инстинктивно используют каждую минуту. Они чувствуют изменение, они видят его не так, как мы.

В наше время у людей редко бывает тесная связь с природой: человек начинает чувствовать перемену, только когда краски и тепло исчезли.

И вот уже тихо падают последние листья, и медленно крадётся холод.

Дни стали короче, тьма спускается всё быстрее, а ведь всего несколько недель назад вечером было так же светло, как днём.

В книге истории времён года начинается новая глава. Дед Мороз готов на несколько месяцев прогнать тепло. Осень пришла быстро, но зима наступит ещё быстрее.

В квартире тепло, однако душа мёрзнет: она знает, что следует за яркими листьями и нежными солнечными лучами.

Перевод Софии Слепканёвой (15 лет)

E.T.A. Hoffmann DER SANDMANN (EIN FRAGMENT)

Außer de m Mittagessen sa hen wir, ich und m ein Geschwister, tagüber den Vater wenig. Er mochte mit seinem Dienst viel beschäftigt sein.

Nach dem Abendessen, das aller Sitte gemäß schon um sieben Uhr aufgetragen wurde, gingen wir alle, die Mutter mit uns, in des Vaters Arbeitszimmer und setzten uns um einen runden Tisch. Der Vater rauchte Tabak und trank ein großes Glas Bier dazu. Oft erzählte er uns viele wunderbare Geschichten und geriet darüber so in Eifer, dass ihm die Pfeife immer ausging, die ich, ihm brennend Papier haltend, wieder anzünden m usste, w elches m ir de nn e in H auptspaß w ar. Oft gab er u ns a ber Bilderbücher in die Hände, saß stumm und starr in seinem Lehnstuhl und blies starke Dampfwolken von sich, dass wir alle wie im Nebel schwammen.

An so lchen A benden wa r di e Mutter sehr t raurig und ka um s chlug di e Uhr neun, so sprach sie: „Nun, Kinder! – zu Bette! zu Bette! der Sandmann kommt, ich merk es schon“.

Wirklich hörte ich dann jedesmal etwas schweren langsamen Tritts die Treppe heraufpoltern; das musste der Sandmann sein. – Einmal war mir jenes dumpfe Treten und Poltern besonders gr aulich; i ch frug die Mutter, in dem sie u ns fortführte: „Ei Mama! Wer ist denn der böse Sandmann, der uns immer von Papa fortreibt? – wie sieht er denn aus?“

„Es gibt keinen Sandmann, mein liebes Kind, – erwiderte die Mutter, – wenn ich sage, der Sandmann kommt, so will das nur heißen, ihr seid schläfrig und könnt die Augen nicht offen halten, als hätte man euch Sand hineingestreut“.

Der Mutter A ntwort be friedigte mich n icht, j a in m einem kindi schen Gemüt entfaltete s ich de utlich der Gedanke, dss die Mutter den Sandmann nur verleugne, damit w ir uns vor i hm nic ht fürchten sollten, ich hörte ihn j a im mer die Treppe heraufkommen. V oll N eugierde, N äheres v on d iesem S andmann u nd se iner Beziehung a uf u ns K inder z u e rfahren, frug ic h e ndlich die a lte F rau, die m eine jüngste Schwester wartete: was für ein Mann sei, der Sandmann?

„Ei Thanelchen, – erwiderte diese, – weißt du das noch nicht? Das ist ein böser Mann, der kommt zu den Kindern, wenn sie nicht zu Bett gehen wollen, und wirft ihnen Händevoll Sand i n die Augen, d ass sie b lutig z um K opf he raisspringen, die wirft er da nn i n de n sack und tr ägt s ie in den Halbmond z ur Atzung für se ine Kinderchen; die s itzen dort im Nest u nd ha ben krumme S chnäbel, w ie die E ulen, dmit picken sie der unartigen Menschenkindlein Augen auf“.

Gräßlich malte sich nun im Innern mir das Bild des grausamen Sandmanns aus; sowie e s a bends die Treppe heraufpolterte z itterte ich v or A ngst u nd E ntsetzen. Nichts a ls den unter Tränen hergestotterten Ruf „Der Sandmann! Der Sandmann!“ konnte die Mutter aus mir he rausbringen. Ich lief darauf in das Schlafzimmer, und wohl die ga nze Nacht üb er qu älte m ich die fürchterliche Erscheinung des Sandmanns.

Schon alt genug war ich geworden, um einzusehen, dass mit dem Sandmann und seinem Kindernest im Halbmonde, so wie es mir die Wartefrau erzählt hatte, wohl nicht ganz seine Richtigkeit haben könne; indessen blieb mir der Sandmann ein fürchterliches Gespenst, und Grauen-Entsetzen ergriff mich, wenn ich ihn nicht allein die Treppe heraufkommen, sondern auch meines Vaters Stubentür heftig aufreißen und hineintreten hörte.

Э.Т.А. Гофман. ПЕСОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК (ФРАГМЕНТ)

Кроме как в обеденный перерыв, мы, я и мои братья и сестры, почти не видели отца, так как он полностью отдавал себя работе.

После ужина, который, согласно семейной традиции, подавали в семь часов, вместе с мамой мы дружно заходили в кабинет отца и усаживались за круглый стол. Он курил табак и пил пиво из большой стеклянной кружки. Нередко в такую минуту отец начинал рассказывать нам удивительные истории. Он с таким усердием делился сюжетами, что его трубка, бывало, гасла, и я подносил ему горящую бумагу, чтобы подкурить ее. Это забавляло меня. Частенько отец давал нам в руки книги с картинками и беззвучно застывал в кресле, пуская клубы дыма вокруг себя, тогда все мы погружались в густой туман.

Тогда мама начинала грустить и, едва только часы пробивали девять, говорила:

“Пора, дети! Пора в постель! В постель! Песочный человек уже близко”.

И правда, я слышал, как что-то тяжелое медленно шагало вверх по лестнице; это был Песочный человек. – Когда-то глухой топот и грохот до жути напугали меня, и я спросил маму о том, что к нам приближается: “Мамочка! Кто этот “Песочный человек”, который заставляет нас каждый вечер прощаться с папой? Как он выглядит?”

“Дорогое дитя, не существует никакого Песочного человека, – отвечала мама, – в полудреме вы видите то, что хотите видеть”.

Ее ответ не успокаивал меня. В моей детской головке уже зарождалась мысль: мама говорит, что Песочного человека нет, лишь для того, чтобы мы его не боялись, но я постоянно слышал, как он поднимается по лестнице! Желая узнать немного больше об этом “человеке” и о том, как он относится к детям, я решил расспросить няню. Моя младшая сестра тоже ждала подробностей, она хотела узнать, каково быть человеком из песка.

“Ох, Танельхен, – отвечала женщина, – неужели ты еще не знаешь? Это злой человек, который приходит к детям, если они не хотят отправляться в кровать, и бросает им в глаза горсть песка, так, что они начинают кровоточить и выпирать, потом он бросает сорванцов в мешок и уносит их на Луну, чтобы вскоре скормить их деткам, ждущим его в гнезде. Своими кривыми, как у сов, клювами они выклеивают глаза непослушным ребятишкам”.

В моем воображении предстала картина с жестоким Песочным человеком. По вечерам, слыша шорох у лестницы, в страхе и ужасе я начинал дрожать. Когда мама пыталась узнать, что случилось со мной, со слезами на глазах я принимался выкрикивать: “Песочный человек! Песочный человек!”. Я убежал в спальню, и меня по ночам терзал ужасный образ Песочного человека.

Уже будучи довольно старым, я стал по-другому видеть мир, и легенда о Песочном человеке с детьми на Луне, о котором нам рассказывала няня, казалась совсем не правдивой. Однако образ страшного “Песочника” все еще пугает меня. Я слышу, как он поднимается по лестнице и с треском врывается в кабинет отца.

Перевод Валерии Хайтул, студентки 2 курса специальности «Украинская филология» филологического факультета ДонНУ

Peter Bichsel. Der Milchmann

Der Milchmann schrieb auf einen Zettel: „Heute keine Butter mehr, leider.“ Frau Blum las den Zettel und rechnete zusammen, schüttelte den Kopf und rechnete noch einmal, dann schrieb sie: „Zwei Liter, 100 Gramm Butter, Sie hatten gestern keine Butter und berechneten sie mir gleichwohl.“

Am ändern Tag schrieb der Milchmann: „Entschuldigung.“ Der Milchmann kommt morgens um vier, Frau Blum kennt ihn nicht, man sollte ihn kennen, denkt sie oft, man sollte einmal um vier aufstehen, um ihn kennenzulernen.

Frau Blum fürchtet, der Milchmann könnte ihr böse sein, der Milchmann könnte schlecht denken von ihr, ihr Topf ist verbeult.

Der Milchmann kennt den verbeulten Topf, es ist der von Frau Blum, sie nimmt meistens 2 Liter und 100 Gramm Butter. Der Milchmann kennt Frau Blum. Würde man ihn nach ihr fragen, würde er sagen: „Frau Blum nimmt 2 Liter und 100 Gramm, sie hat einen verbeulten Topf und eine gute saubere Schrift.“ Der Milchmann macht sich keine Gedanken, Frau Blum macht keine Schulden. Und wenn es vorkommt — es kann ja Vorkommen —, daß 10 Rappen zuwenig daliegen, dann schreibt er auf einen Zettel: „10 Rappen zu wenig.“ Am ändern Tag hat er die 10 Rappen anstandslos, und auf dem Zettel steht: „Entschuldigung.“ „Nicht der Rede wert oder, keine Ursache“, denkt dann der Milchmann, und würde er es auf den Zettel schreiben, dann wäre das schon ein Briefwechsel. Er schreibt es nicht.

Den Milchmann interessiert es nicht, in welchem Stock Frau Blum wohnt, der Topf steht unten an der Treppe. Er macht sich keine Gedanken, wenn er nicht dort steht. In der ersten Mannschaft spielte einmal in Blum, den kannte der Milchmann, und der hatte absteigende Ohren. Vielleicht hat Frau Blum absteigende Ohren.

Milchmänner haben unaппetitlich saubere Hände, rösig, plump und verwaschen. Frau Blum denkt daran, wenn sie seine Zettel sieht. Hoffentlich hat er die 10 Rappen gefunden. Frau Blum möchte nicht, daß der Milchmann schlecht von ihr denkt, auch möchte sie nicht, daß er mit der Nachbarin ins Gespräch käme. Aber niemand kennt den Milchmann, in unserem Quartier niemand. Bei uns kommt er morgens um vier. Der Milchmann ist einer von denen, die ihre Pflicht tun. Wer morgens um vier die Milch bringt, tut seine Pflicht, täglich, sonntags und werktags. Wahrscheinlich sind Milchmänner nicht gut bezahlt, und wahrscheinlich fehlt ihnen oft Geld bei der Abrechnung. Die Milchmänner haben keine Schuld daran, daß die Milchteurer wird. Und eigentlich möchte Frau Blum den Milchmann gern kennenlernen.

Der Milchmann kennt Frau Blum, sie nimmt 2 Liter und 100 Gramm und hat einen verbeulten Topf.

Петер Биксель. Молочник

На клочке бумаги молочник написал: «К сожалению, сегодня масло закончилось». Фрау Блюм прочитала записку, подсчитала в уме, покачала головой и ещё раз пересчитала, а затем написала: «Два литра молока, сто грамм масла, вчера у Вас не было масла, однако плату за него Вы тем не менее взяли».

На другой день молочник написал: «Прошу прощения». Молочник приходит по утрам, в четыре часа, фрау Блюм его не знает. Надо бы с ним познакомиться, частенько приходит ей на ум, надо проснуться как-нибудь в четыре, чтобы с ним познакомиться.

Фрау Блюм боится, что молочник может сердиться на неё, что он может плохо о ней думать, потому что её бидон для молока – с вмятинами.

Молочнику хорошо знаком бидон с вмятинами, он принадлежит фрау Блюм, как правило, она покупает два литра молока и сто грамм масла. Молочник знает фрау Блюм. Если бы его спросили о ней, он бы сказал: «Фрау Блюм берёт два литра молока и сто грамм масла, у неё бидон с вмятинами и разборчивый почерк». Молочнику не о чем беспокоиться, фрау Блюм всегда платит исправно. А если вдруг случится – может же такое произойти! – что она оставит на десять раппенов меньше, чем следует, тогда он пишет на клочке бумаги: «Не хватает десяти раппенов». На другой день он непременно находит эти десять раппенов, а в записке написано: «Извините». «Пустяки» или «Ничего страшного», думает тогда молочник, и если бы он написал это в записке, тогда это превратилось бы уже в настоящую переписку. Он не пишет.

Молочнику всё равно, на каком этаже живет фрау Блюм, бидон стоит внизу, на лестнице. Он не беспокоится, если его там нет. В первом составе когда-то играл один Блюм, которого знал молочник, и у него были оттопыренные уши. Может быть, и у фрау Блюм оттопыренные уши.

У всех молочников чрезмерно чистые руки, розовые, одутловатые и выцветшие. Фрау Блюм думает об этом, когда видит его записки. Надо надеяться, он нашел десять раппенов. Фрау Блюм не хотелось бы, чтобы молочник плохо о ней думал, и ей бы также не хотелось, чтобы он говорил с соседкой. Но никто не знаком с молочником, в нашем квартале – никто. Он приходит к нам по утрам, в четыре часа. Молочник – один из тех, кто выполняет свои обязанности. Тот, кто разносит молоко в четыре утра, делает свою работу ежедневно, по воскресеньям и в будни. Наверно, молочники получают не слишком-то большую зарплату, и, вероятно, после подведения всех подсчётов денег у них часто оказывается недостаточно.

Молочники не виноваты в том, что молоко дорожает. И вообще-то фрау Блюм хотела бы познакомиться с молочником.

Молочник знает фрау Блюм, она покупает два литра молока и сто грамм масла, и у неё помятый бидон.

Перевод Евгении Дорош, студентки 1 курса специальности «Филология» Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Петер Биксель. Молочник

Молочник оставил записку: «Масла, к сожалению, сегодня нет». Госпожа Блюм прочитала записку, все подсчитала, покачала головой, снова подсчитала, а затем написала: «Вчера я просила 2 литра молока и 100 грамм масла. Масла не было, но Вы все равно взяли с меня как обычно».

На следующий день молочник написал: «Извините, пожалуйста». Молочник всегда приходит около 4 часов утра, поэтому госпожа Блюм ни разу не видела его. «Было б неплохо, – думает она, – встать как-нибудь пораньше и познакомиться с ним».

Госпожа Блюм боится, что молочник злится на нее и плохо о ней думает, ведь ее бидон весь во вмятинах.

Молочник знает бидон с вмятинами, знает, что он принадлежит госпоже Блюм, которая чаще всего берет 2 литра молока и 100 грамм масла. Молочник знает госпожу Блюм. Если бы у него спросили про нее, он бы сказал: «Госпожа Блюм берет 2 литра молока и 100 грамм масла, у нее бидон с вмятинами и весьма разборчивый почерк». Молочник не переживает по поводу госпожи Блюм, ведь у нее нет долгов. И если случится, – может же такое случиться, что не хватит 10 раппенов, – он просто оставит ей записку: «Не хватает 10 раппенов». На следующий день он определенно увидит недостающие деньги и записку: «Извините, пожалуйста». «Пустяки» или «Ничего страшного», – подумает молочник, и если бы он написал это на листке, то это была бы уже переписка. Он не напишет этого.

Молочника не интересует, на каком этаже живет госпожа Блюм, ведь бидон всегда стоит внизу у лестницы. И ему все равно, если его вдруг там не будет. Молочник знал одного Блюма, который играл когда-то в основном составе. У него еще были оттопыренные уши. «Может быть, и у госпожи Блюм оттопыренные уши», – думает молочник.

«У молочников чересчур чистые руки, розовые, грубые и стертые», – думает госпожа Блюм, читая записку молочника. Хоть бы он нашел оставленные ею 10 раппенов. Фрау Блюм не хочет, чтобы молочник плохо о ней думал, а еще она не хочет, чтобы он разговаривал с ее соседкой. Но никто не знает молочника, во всяком случае, в нашем квартале. К нам он приходит около 4 часов утра. Молочник – один из тех, кто хорошо выполняет работу. Тот, кто приносит молоко в 4 часа утра, хорошо выполняет свою работу, каждый день, по выходным и будням. Вероятно, молочникам не очень много платят, и, вероятно, им часто не хватает денег. И молочники совсем не виноваты в том, что молоко дорожает. И все же госпожа Блюм очень хочет познакомиться с молочником.

Молочник знает госпожу Блюм, она всегда берет 2 литра молока и 100 грамм масла, и у нее бидон с вмятинами.

Перевод Светланы Заборовской, студентки 1 курса специальности «Теория межкультурной коммуникации и обучения иностранным языкам» Алтайского государственного педагогического университета

Петер Биксель. Молочник

Молочник оставил записку, которая гласила: «К сожалению, всё масло закончилось». Госпожа Блюм прочла её, подсчитала что-то, покачала головой, еще раз подсчитала и написала: «Вчера у вас не было масла, однако вы меня рассчитали: два литра сто граммов масла».

На следующий день она получила записку с ответом: «Извините». Госпожа Блюм не знает молочника и никогда его не видела, ведь он приходит в 4 часа утра. По ее мнению, знать его нужно, стоит хотя бы один раз встать в 4 часа, чтобы познакомиться с молочником.

Но госпожа Блюм боится, что молочник зол на нее и может плохо думать о ней, ведь ее горшочек со вмятинами.

Что касается молочника, то он знает этот горшочек, он принадлежит госпоже Блюм, которая берет всегда два литра и сто граммов масла. Молочник знает госпожу Блюм. Если бы кто-то спросил о ней, он бы сказал: «Госпожа Блюм берет два литра и сто граммов масла, у нее горшочек со вмятинами и понятный почерк».

Молочник совершенно не переживает, так как госпожа Блюм ему ничего не должна. А уж если это случается (ведь это же может произойти), тогда молочник оставляет записку: «Десяти раппенов недостает».

Уже на следующий день молочник получает десять раппенов без промедления, а в записке он видит извинения. «Не стоит», – думает молочник, но если бы он написал эти слова в записке, это была бы уже настоящая переписка. И поэтому молочник ничего не пишет в ответ.

Молочника не интересует, на каком этаже живет госпожа Блюм, главное, что горшочек стоит внизу возле лестницы. И он ничего не думает, когда он там не стоит. Блюм, которого знал молочник, играл когда-то в первой команде и у него торчали уши. Возможно, у госпожи Блюм тоже торчат уши.

У молочников, как правило, слишком чистые, опрятные руки, розоватые и полные. Госпожа Блюм думает об этом, когда читает его записку. Надо надеяться, он нашел десять раппенов. Госпожа Блюм не хотела бы, чтобы молочник плохо о ней думал, а еще она не хотела бы, чтобы он завел беседу с соседкой. Но никто не знает молочника, в нашем квартале – никто. Ведь он приходит в четыре утра. Молочник один из тех, кто выполняет свои обязанности. Тот, кто в четыре часа утра приносит молоко и выполняет свой долг и в выходные, и в будни. Возможно, молочникам не очень хорошо платят, и часто им не хватает денег при расчете с покупателями. Но молочники не виноваты в том, что молоко дорожает.

И, собственно говоря, госпожа Блюм охотно познакомилась бы с молочником.

А тот, в свою очередь, знает госпожу Блюм, она берет два литра и сто граммов масла и у нее горшочек с вмятинами.

Перевод Ларисы Васильевой, студентки 4 курса специальности «Иностранные (немецкий/ английский) языки» Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова

Петер Биксель. Молочник

Молочник написал на листке бумаги: «К сожалению, сегодня масла не будет». Госпожа Блум прочла записку, подсчитала, покачала головой и пересчитала ещё раз, потом ответила: «2 литра и 100 грамм масла, вчера у вас масла не было, но вы мне его посчитали».

На следующий день молочник написал: «Извините». Молочник постоянно приходит в 4 часа утра, госпожа Блум не знает его, хотя, как она частенько думала, следовало бы с ним познакомиться. Но для этого ей нужно было проснуться хотя бы раз в 4 часа утра.

Госпожа Блум опасалась, что молочник мог на нее рассердиться, мог плохо о ней подумать, ведь её горшочек был треснут.

Молочник знал, что треснутый горшочек принадлежит госпоже Блум, которая берет чаще всего 2 литра и 100 грамм масла. Молочник знал госпожу Блум. Если бы его спросили о ней, он бы сказал: «Госпожа Блум берет 2 литра и 100 грамм масла, у неё треснутый горшочек и красивый разборчивый почерк». Но вряд ли молочник думал об этом, ведь госпожа Блум ничего ему не должна. А если бы и случилось так (почему бы и нет?), что она задолжала бы ему 10 раппенов, тогда он написал бы ей записку: «Не хватает 10 раппенов». И на следующий день он, без сомнения, получил бы свои 10 раппенов и ответ со словами извинения. В свою очередь молочник подумал бы: «Ничего страшного» или «Не стоит благодарности». Он написал бы записку, но тогда это была бы уже переписка. И он ее не написал.

Молочнику было всё равно, на каком этаже живёт госпожа Блум, так как ее горшочек всегда стоял на лестнице внизу. Ему было безразлично и то, будет он там стоять или нет. В первой команде когда-то играл Блум, которого знал молочник, у него были оттопыренные уши. Возможно, и у госпожи Блум оттопыренные уши?

У молочников отталкивающе чистые руки – розовые, бесформенные и до стерильности отмытые. Госпожа Блум думала о его записке. Вероятно, он нашел 10 раппенов. Госпоже Блум не хотелось бы, чтобы молочник плохо о ней подумал и, тем более, чтобы он завел разговор с её соседкой. Но никто не знает молочника, в нашем квартале точно никто. К нам он приходит по утрам, в 4 часа. Молочник – это один из тех, кто выполняет свои обязанности. Тот, кто приносит молоко в 4 часа утра, выполняя свой долг ежедневно, как в выходные, так и в рабочие дни. Наверное, молочники зарабатывают немного, и очень часто при расчетах они недосчитываются денег. Но молочники не виноваты в том, что молоко дорожает. И, честно говоря, госпоже Блум очень хотелось бы познакомиться с молочником.

Молочник знает госпожу Блум – она берет 2 литра и 100 грамм масла, и у нее треснутый горшочек.

Перевод Анны Савиновой, студентки 1 курса специальности «Начальные классы и информатика» Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова

Петер Биксель. Молочник

Молочник оставил записку: «Сегодня, к сожалению, нет сливочного масла». Госпожа Блюм прочитала ее, все посчитала. Покачав головой, она снова все пересчитала, затем написала: «Два литра молока, сто грамм сливочного масла. Вчера Вы не привезли мне масло, но, тем не менее, Вы мне его посчитали».

На следующий день госпожа Блюм обнаружила записку от молочника с извинением. Обычно он приходит в четыре часа утра, поэтому госпожа Блюм никогда его не видела. Она часто думает, что ей необходимо знать молочника в лицо и нужно хоть раз проснуться в четыре часа утра, чтобы с ним познакомиться.

Она боится, что молочник может сердиться на нее или плохо думать о ней, потому что у нее помятый бидон для молока.

Молочник знает этот бидон. Он знает, что он принадлежит госпоже Блюм. Она всегда заказывает два литра молока и сто грамм сливочного масла. Молочник знает госпожу Блюм. Если кто-нибудь спросил бы его о ней, то он сразу же ответил бы: «Госпожа Блюм заказывает два литра молока и сто грамм сливочного масла. У нее помятый бидон и очень разборчивый почерк». Молочник не беспокоится, ведь у госпожи Блюм нет задолженностей. Но если вдруг молочник не получит 10 раппенов (а это действительно может произойти), тогда он оставит записку: «10 раппенов не хватает». На следующий день он немедленно получит 10 раппенов и обнаружит записку с извинениями. Он может подумать: «Плевое дело» или «Не стоит благодарности» и снова оставит записку. Тогда это был бы уже обмен письмами. На самом деле он этого не напишет.

Молочника не интересует, на каком этаже живет госпожа Блюм, чей бидон для молока стоит внизу у лестницы. Он не беспокоится и тогда, когда его нет вовсе. Молочник знал одного игрока с торчащими ушами по фамилии Блюм, который играл в основном составе. Возможно, и у госпожи Блюм торчащие уши.

У молочников непривлекательные, слишком чистые, розовые, неуклюжие и стертые руки. Так думает госпожа Блюм, когда видит его записки. Она надеется, что он все-таки нашел эти 10 раппенов. Она не хотела бы, чтобы он думал о ней плохо и чтобы он разговаривал с ее соседкой. Но никто в районе не знает молочника. Он приходит в четыре часа утра.

Молочник – это тот человек, который всегда выполняет свою работу. Кто по утрам, в четыре часа, привозит молоко; кто ежедневно, по воскресениям и в будние дни, выполняет свои обязанности. Наверное, работа молочника плохо оплачивается и, возможно, им не хватает денег после зарплаты. Они не виноваты, что молоко дорожает. На самом деле, госпожа Блюм хочет познакомиться с молочником, который каждое утро приносит ей молоко.

Ведь молочник знает госпожу Блюм. Она всегда заказывает два литра молока и сто грамм сливочного масла, и у нее помятый бидон для молока.

Перевод Елизаветы Ли, студентки 2 курса специальности «Теория и практика межкультурной коммуникации» Пятигорского Государственного Лингвистического Университета

Петер Биксель. Молочник

Молочник написал на листке: «Сегодня, к сожалению, больше нет масла». Фрау Блюм прочла записку и подсчитала, трянула головой и еще раз перечитала, потом написала: «Два литра, 100 грамм масла, вчера у Вас не было масла, а посчитали Вы так же».

На другой день молочник написал: «Извините». Молочник приходит в четыре утра, фрау Блюм с ним не знакома. «Надо бы с ним познакомиться, – часто думает она, – надо бы однажды встать в четыре, чтобы познакомиться с ним».

Фрау Блюм опасается, что молочник может обижаться на неё, что молочник может плохо думать о ней, ведь на ее бидоне вмятины.

Молочник знает бидон с вмятинами, это бидон фрау Блюм, она обычно берет 2 литра и 100 грамм масла. Молочник знает фрау Блюм. Если бы кто-то спросил его о ней, он бы сказал: «Фрау Блюм берёт 2 литра и 100 грамм, у неё бидон с вмятинами и разборчивый почерк». У молочника нет претензий, у фрау Блюм нет долгов. И если случается – а такое может случиться – что не хватает 10 сантимов, тогда он пишет на листке: «Не хватает 10 сантимов». На другой день он непременно получает 10 сантимов, и на листке написано: «Извините». «Ничего страшного» или «не стоит», подумает тогда молочник, и стал бы он писать это на листок, это была бы уже переписка. Он не пишет.

Молочнику неважно, на каком этаже живет фрау Блюм, бидон стоит внизу на лестнице. У него нет претензий, если его там нет. В первом дивизионе когда-то играл один Блюм, молочник знал его, и у того были оттопыренные уши. Может быть, у фрау Блюм оттопыренные уши.

У молочников всегда слишком чистые руки, розовые, мясистые и стертые. Фрау Блюм думает так, когда видит его записки. «Надеюсь, он нашел 10 сантимов». Фрау Блюм не хочет, чтобы он думал о ней плохо, также ей не хотелось бы, чтобы он заговорил с соседкой. Но никто не знает молочника, в нашем квартале никто. К нам приходит он утром в четыре. Молочник – один из тех, которые делают своё дело. Тот, кто приносит в четыре утра молоко, делает своё дело, каждый день, по воскресеньям и в рабочие дни. Быть может, молочникам немного платят, и, возможно, им часто не хватает денег при расчете. Молочники не виноваты в том, что молоко дорожает. И все-таки фрау Блюм очень хотелось бы познакомиться с молочником.

Молочник знает фрау Блюм, она берёт 2 литра и 100 грамм, и у нее бидон с вмятиной.

Перевод Анастасии Ларченко, магистра специальности «Medienwissenschaft» Bauhaus Universität Weimar, Deutschland

Петер Биксель. Молочник

Молочник написал на клочке бумаги: «Масла сегодня больше нет, извините». Госпожа Блюм прочла записку, посчитала, недовольно

покачала головой и посчитала еще раз. Затем написала: «Два литра, 100 грамм масла. Масла не было и вчера, но в счет Вы мне его поставили».

На другой день молочник написал: «Извините». Молочник приходит по утрам в четыре, госпожа Блюм его никогда не видела, хотя не раз думала о том, что надо бы с ним познакомиться, встать как-нибудь в четыре утра и наконец-то повидать его.

Госпоже Блюм неловко от того, что молочник может на нее сердиться, что он может дурно о ней подумать, ведь крынка для молока у нее побитая.

Молочнику знакома побитая крынка, он знает, что это крынка госпожи Блюм, обычно она берет 2 литра молока и 100 грамм масла. Молочник знает госпожу Блюм. Если бы его спросили о ней, он бы ответил: «Госпожа Блюм берет 2 литра и 100 грамм, у нее побитая крынка и разборчивый почерк». Но молочнику незачем о ней думать, ведь задолженностей у госпожи Блюм нет. А если и случается – бывает-то всякое! – что недостает десяти раппенов, то он пишет записку: «Не хватает 10 раппенов». На следующий день он непременно получит 10 раппенов, а на записке будет добавлено: «Извините». «Пустяки» или «Не стóбит», – думает тогда молочник, ему даже хочется написать нечто подобное, но тогда это уже будет похоже на переписку. И он ничего не пишет.

Молочнику неинтересно, на каком этаже живет госпожа Блюм, ведь ее крынка всегда стоит внизу на лестнице. А если однажды крынки там не окажется, то беспокоиться он тоже не станет. Знал он как-то одного Блюма, тот еще в основном составе играл, и уши у него торчали. Может, и у госпожи Блюм торчат уши?

У молочников до неприятного чистые руки, розоватые, неуклюжие, вымытые до скрипа. Читая его записки, госпожа Блюм невольно думает об этом. Она надеется, что он нашел 10 раппенов. Ей не хотелось бы, чтобы молочник плохо о ней думал, а еще ей бы не хотелось, чтобы он разговорился с соседкой. Но никто не знает молочника, в нашем квартале никто. К нам он приходит по утрам в четыре. Молочник – один из тех, кто исправно выполняет свою работу, изо дня в день, в будни и праздники. Наверное, платят молочникам мало, да и денег они часто недосчитываются. Молочники же не виноваты, что молоко дорожает. По правде говоря, госпоже Блюм хотелось бы познакомиться с молочником.

А молочник госпожу Блюм знает, она берет 2 литра и 100 грамм, и крынка у нее побитая.

Перевод А.В. Юшиной-Кюршнер, старшего преподавателя кафедры зарубежной литературы ДонНУ в 1993-1998 гг., ныне главы фирмы «Alla Kürschner Übersetzungen»

ПЕРЕВОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО

Paul Verlaine. Voeu

Ah! les oarystis! les premières maîtresses!
L'or des cheveux, l'azur des yeux, la fleur des chairs,
Et puis, parmi l'odeur des corps jeunes et chers,
La spontanéité craintive des caresses!

Sont-elles assez loin toutes ces allégresses
Et toutes ces candeurs! Hélas! toutes devers
Le Printemps des regrets ont fui les noirs hivers
De mes ennuis, de mes dégoûts, de mes détresses!

Si que me voilà seul à présent, morne et seul,
Morne et désespéré, plus glacé qu'un aïeul,
Et tel qu'un orphelin pauvre sans soeur aînée.

O la femme à l'amour câlin et réchauffant,
Douce, pensive et brune, et jamais étonnée,
Et qui parfois vous baise au front, comme un enfant!

Поль Верлен. Обітниця

Перше кохання, перші коханки,
Блакитноокі та златовласі.
Я пам'ятаю ночі й світанки,
Палкі обійми, тіла та ласки.

Куди повтікали коштовні хвилини,
Кохання наше? На жаль, на жаль!
Весну відштовхнули суворі зими,
Мої неприємності, туги й печаль.

Коли ти самотній, один на морозі,
Неначе старий, чия смерть на порозі,
Кинутий навіть сестрою.

О жінко, заради любові й обіймів,
Втративши подив, надію та віру,
Цілуеш у лоб, як дитину за грою.

*Переклад Карини Кобець, студентки 3 курсу спеціальності «українська філологія»
філологічного факультету ДонНУ*

Stephane Mallarme. Salut
Rien, cette ecume, vierge vers
A ne designer que la coupe;
Telle loin se noie une troupe
De sirenes mainte a l'envers.

Nous naviguons, o mes divers
Amis, moi deja sur la poupe
Vous l'avant fastueux qui coupe
Le fpot de foudres et d'hivers;

Une ivresse belle m'engage
Sans craindre meme son tangage
De porter debout ce salut

Solitude, recif, etoile
A n'importe ce qui valut
Le blanc souci de notre toile.

Stephane Mallarme.
Salut (Привітання)
Нічого, порожнеча, піна
У цьому келиху лишились,
Коли почув я солов'їний
Спів нереїд, які прибились

До палуби Арго.
Ми пливемо по морю, друзі!
Керманіч я судна цього
І підкоряюсь хвилі музі.

Нехай нас вітер не зламає,
Левіафан не проковтне,
За тих я кубок піднімаю,

Хто сум, становище скрутне
І подих снігових пустинь
Кидає в море, в далечінь.
*Переклад Владилени Чоботової,
студентки 3 курсу спеціальності
«українська філологія» філологічного
факультету ДонНУ*

Виктор Гюго. Назавтра поутру
Назавтра поутру, когда поля белеют,
Я выйду в путь. К тебе пойду на встречу я.
И горы, и леса преодолеть сумею,
Я больше не могу вдали быть от тебя.

Задумчивый, скорбящий, я не услышу шума
И не увижу смысла в жизни суете,
Как одинокий странник, я побреду угрюмо,
Как будто дня нет больше – он равен темноте.

Не захочу смотреть я и на заката блики,
И в сторону Арфлёра, где паруса плывут,
И остролиста ветвь, и вереска цвет дикий
Я принесу тебе в последний твой приют.

*Перевод Ольги Чувановой, аспиранта кафедры зарубежной литературы ФИЯ
ДонНУ*

В. Гюго. Когда начнет светать...
Когда начнет светать и нивы забелеют,
Я выйду в путь. Ты ждешь в далекой стороне.
И лес, и горы я пройду, преодолею –

Невыносимо быть с тобой в разлуке мне.

Безвестный, одинокий странник, в мыслях скорбных,
Не в силах ни людей, ни звуки замечать,
Я, руки на груди скрестив и спину сгорбив,
Ночь ото дня в пути не буду отличать.

Вдали я не увижу паруса флотилий
И над Арфлёром золотой вечерний свет...
Приду – и положу я на твоей могиле
Зеленый остролист и вереска букет.

Примечания.

* Арфлёр (фр. Harfleur) — коммуна во Франции в департаменте Приморская Сена региона Верхняя Нормандия.

** На языке цветов вереск означает разлуку, одиночество, безнадежность.

Падуб (остролист) в христианстве символизирует крестные муки Христа: острые листья – терновый венец, ярко-красные ягоды – кровь Спасителя.

*** Стихотворение вошло в сборник «Созерцания» ("Les Contemplations"). Написано 3 сентября 1847 г.; вероятно, посвящено памяти умершей дочери поэта.

Перевод О.В. Матвиенко, доцента кафедры зарубежной литературы Донецкого национального университета

В. Гюго. Завтра, на світанку

Як забіліє поле й обрій запалає,
До тебе, дальньої, я рушу в ранній час.
Я перейду ліси і гори подолаю,
Розлуці всупереч, що порізнила нас.

Не помічатиму людей, природу, звуки,
На самоті мене проймуть думки журні,
Я згорблюсь мимохіть, схрещу на грудях руки,
І буде кожен день як чорна ніч мені.

Я не побачу, як в Арфльор стремлять вітрила,
Як золото вечірнє повнить небозвід.
Прийду – і покладу я на твою могилу
Зелений гостролист і вересовий цвіт.

Переклад О.В. Матвієнко, доцента кафедри зарубіжної літератури Донецького національного університету

Paul Eluard.

La nuit n'est jamais complète

La nuit n'est jamais complète.

Il y a toujours, puisque je le dis,

Puisque je l'affirme,

**Поль Элюар. Нам не хватает ночей
никогда**

Мрак никогда нашу жизнь не
заполнит.

Au bout de chagrin
Une fenêtre ouverte,
Une fenêtre éclairée.
Il y a toujours
Un rêve qui veille,
Désir à combler,
Faim à satisfaire,
Un coeur généreux,
Une main tendue, une main ouverte.
Des yeux attentifs.
Une vie.
La vie à se partager.

**Поль Элюар.
Не бывает ночи без просвета**

Не бывает ночи без просвета.
Есть всегда, я говорю об этом,
Я утверждаю, что
В конце печали
Окно открытое
Путь твой освещает.
И есть всегда
Мечта, что бдит,
Желание переполняет,
И голод, что неутолим,
А сердце щедрое пылает,
Рука протянута к тебе,
Рука открыта.
Глаза внимательны.
И жизнь.
Та жизнь, которую
другому посветишь.
*Перевод Даниила Скачека, ученика 11
класса Торезской гимназии общественно-
гуманитарного профиля г. Торез*

**Поль Элюар. Ночь полной не
бывает**

В жизни полной ночи не бывает.
Я говорил лишь так.
И буду утверждать,
Что даже в скорби мрачной
Всегда найдешь открытое окно,

Я всегда говорил и готов повторить:
После печали и скорби, запомни,
Нужно окно в мир мечты отворить.
Будет рука, помощь в горе дающая,
Будет желанье – к нему и иди,
Щедрое сердце, с собою зовущее...
Жизнь продолжается... Свет впереди!
*Вольный перевод Дарьи Чуприны,
ученицы 10 класса ОШ № 68 г. Донецк*

**Поль Элюар. Ночь никогда
не бывает безрассветной**

Ночь никогда не бывает
безрассветной.
Но есть всегда, как я говорю,
У горя, что казалось беспросветным,
Открытое и освещенное окно.
И есть всегда мечта, не спящая
ночами,
Желание, что очень хочет сбыться,
Голод, что нужно утолять нам,
Отзывчивое любящее сердце,
Рука, протянутая в трудные минуты,
Внимательные чуткие глаза
И жизнь, которую готов я
Разделить с тобой навсегда.
*Перевод Карины Сиротиной, ученицы
ГСШ № 1 г. Горловка*

**Поль Элюар.
Ночь никогда не бывает полной**

Ночь никогда не бывает полной.
Я это говорю,
Я это утверждаю,
Что даже в самой черной печали
Всегда найдется распахнутое окно,

Озаренное теплые светом.
Всегда есть мечта,
не спящая по ночам,
Желание, которое нужно исполнить,
Голод, который нужно утолить,
Доброе сердце,
Открытая рука,
Внимательный взгляд,
И жизнь.
Жизнь,
которую с кем-то нужно разделить.
*Перевод Анны Чебановой, ученицы 9-А
класса Донецкой гимназии № 92 г. Донецк*

Marcel Mouloudji. Le Mal de Paris

J'ai le mal de Paris,
De ses rues, de ses boulevards,
De son air, triste et gris,
De ses jours, de ses soirs.
Et l'odeur du métro
Me revient aussitôt,
Quand je quitte Paris
Pour des pays moins gris.
J'ai le mal de la Seine,
Qui écoute mes peines.
Et je regrette tant
Les quais doux aux amants.
... J'ai le mal de l'amour.
Et je l'aurais toujours.
C'est drôle, mais c'est ainsi.
J'ai le mal de Paris.

René-Guy CADOU. ***

La nuit! La nuit surtout je ne rêve pas je vois
J'entends je marche au bord du trou
J'entends gronder
Ce sont les pierres qui se détachent des années
La nuit nul ne prend garde
C'est tout un pan de l'avenir qui se lézarde

Окно, залитое светом.
Всегда найдется
Мечта, которая не дремлет,
Желание, которое хотелось бы
исполнить.
Голод, который нужно утолить.
Щедрое сердце,
Рука, протянутая навстречу другу.
Заботливые глаза.
И жизнь.
Жизнь, которую хотелось бы с кем-то
разделить.
*Перевод Екатерины Хайтул, ученицы
гимназии № 92, г. Донецк*

**Марсель Мулуджи. Я болею,
Париж...**

Я болею, Париж,
Серебром твоих крыш,
И печалью домов
И бульваров без слов.
В дальних странах зато
Терпкий запах метро
И парижских фиалок
Неожиданно ярок.
Я водой тихой Сены
Смою все огорченья...
В старом сером Париже
Жизнь, любовь ко мне ближе.
Да, я болен Парижем.
Я его всюду вижу,
Я везде ему верен.
Как смешно, без него я потерян...
*Перевод Екатерины Слепцовой (14 лет),
ученицы ДСШ № 115 г. Донецк*

Et rien ne vivra plus en moi
Comme un moulin qui tourne à vide
L'éternité
De grandes belles filles qui ne sont pas nées
Se donneront pour rien dans les bois
Des hommes que je ne connaîtrai jamais
Battront les cartes sous la lampe un soir de gel
Qu'est-ce que j'aurai gagné à être éternel?
Les lunes et les siècles passeront
Un million d'années ce n'est rien
Mais ne plus avoir ce tremblement de la main
Qui se dispose à cueillir des œufs dans la haie
Plus d'envie plus d'orgueil tout l'être satisfait
Et toujours la même heure imbécile à la montre
Plus de départs à jeun pour d'obscuras rencontres
Je me dresse comme un ressort tout neuf dans mon lit
Je suis debout dans la nuit noire et je m'agrippe
À des lampions à des fantômes pas solides
Où la lucarne? Je veux fuir! Où l'écoutille?
Et je m'attache à cette étoile qui scintille
Comme un silex en pointe dans le flanc
Ivrogne de la vie qui conjugue au présent
Le liseron du jour et le fer de la grille.

Рене-Ги Каду. ***

Ночь! В эту пору суток я не грежу.
Я смотрю.
Я слышу. Ступаю я по краю
Пропастей. Мне слышен грохот вала
Собою разделявшего века.
Но ночь уйдет, себя не сохранив.
И холст грядущего трещит,
Во мне живое разрушая.
Я – словно мельница пустая,
Молотящая вечность, и боле – ничего.
Когда в лесах отжаться жаждут ни за что
Младые девы, что еще не родились.
Мне незнакомые мужчины в карты
Играют в ночь морозную под лампой.
Что было б, выиграй в партии и я
Бессмертие?..
Луны, века, и тонны пыли...
Когда миллионы лет ничтожны.
Когда и руки не тревожны
Трепетом весны и воскресенья сущего?*

Лишь желанья и гордыня; все – пусть удовлетворен,
Доволен и польщен.

И вот, по-прежнему все тот же час дурацкий
На часах.

Нет больше времени для встреч без понятной цели
Взлетаю, как пружина в моей стылой постели.

Посреди ночи – на ногах.

Из последних сил вцепившись
В фонари, в непрочные фантомы, в тени
Где же окно? Мечтаю я пропасть!

Где выход?

Без усталости тянусь к сверкающей звезде,
Как кремень острый, сбоку, в стороне.

Жизнью пьяны, живем мы настоящим,
Словно выюнок, ограды стали обнявший.

Перевод Ксении Кочетовой, студентки 4 курса специальности «зарубежная филология (французский язык и литература)» Горловского института иностранных языков

Рене-Ги Каду

Ночь! Ночь повсюду, и я не мечтаю, я вижу,
Я слышу шаги за окном.

Я слышу шум.

Это камни, что отмеряют годы.

Ночь не предостерегает меня от этого.

Это будущее, которое дало трещину

И никогда не будет вместе со мной,

Как вращающаяся мельница,

Вечность.

Внуки, которые не родятся,

Останутся в лесу,

Люди, которых я никогда не узнаю,

Морозным вечером играющие в карты при свете лампы.

Что же я получил от вечной жизни?

Дни и столетия проходят,

Миллион лет – это не ничто,

Но я больше не буду чувствовать дрожи в руках,

Которыми готовил яйца на солнце.

Нет желаний, нет гордости, все чувства преисполнены,

И все время одно и то же нелепое время на часах.

Больше нет тайных встреч, что были в молодости.

Я снова ложусь в кровать, как будто новый.

Ночью я просыпаюсь и прячусь

В свете настольной лампы от огромных призраков.

Где слуховое окно? Мне хочется убежать! Где черный ход?
Я смотрю на одну только звезду, светящуюся,
Как кремень,
Опьяненный жизнью, связанный с настоящим
Как плющ дня и железо решетки.

Перевод Евгении Петрушовой, студентки 2 курса специальности «Зарубежная литература в контексте культуры» Московского педагогического государственного университета им. Ленина

Рене-Ги КАДУ. ***

Не сплю! Я по ночам теперь не сплю смотрю
В бреду на край земли бреду
И слышу рёв
То камнепад сорвавшихся годов
Быть осторожным ночью ни к чему
Полотна будущего крошатся во тьму
Во мне чернеет пустотой
Кружится мельницей пустой
Бессмертье
Высокие девы из будущих снов
Подарят свою любовь
Мужчины которых не встретить
Карты раскинут в сумрачном свете
Если ли какой-нибудь смысл в бессмертье?
Век пройдёт за луною луна
Сотни лет как секунда одна
Жить и знать что не вздрогнет уж больше рука
Сквозь терновник пробравшись к гнезду короля
На желанья смертных смотреть свысока
Неизменное время наблюдать на часах
Ждать бесцельные встречи в аэропортах
Я пружиной с постели встаю мне не спится
я хочу убежать я хочу ухватиться
За фонари за фантомные лица
Где переход? Улетим! Где небесный портал?
Я бы ладонями яркие звёзды обнял
Впился б в скалу остриём из кремня
И проспрягал жизнь свою опьяня
Летний вьюнок и решёток металл.

Перевод М.А. Токмачевой, преподавателя кафедры романо-германской филологии Луганского государственного университета им. Тараса Шевченко

Jules Verne. Voyages et aventures du capitaine Hatteras

Le jour du départ était arrivé avec le 5 avril. L'admission du docteur à bord rassurait un peu les esprits. Où le digne savant se proposait d'aller, on pouvait le

suivre. Cependant la plupart des matelots ne laissaient pas d'être inquiets, et Shandon, craignant que la désertion ne fût quelques vides à son bord, souhaitait vivement d'être en mer. Les côtes hors de vue, l'équipage en prendrait son parti.

La cabine du docteur Clawbonny était située au fond de la dunette, et elle occupait tout l'arrière du navire. Les cabines du capitaine et du second, placées en retour, prenaient vue sur le pont. Celle du capitaine resta hermétiquement close, après avoir été garnie de divers instruments, de meubles, de vêtements de voyage, de livres, d'habits de rechange, et d'ustensiles indiqués dans une note détaillée. Suivant la recommandation de l'inconnu, la clef de cette cabine lui fut adressée à Lubeck; il pouvait donc seul entrer chez lui.

Ce détail contrariait Shandon, et ôtait beaucoup de chances à son commandement en chef. Quant à sa propre cabine, il l'avait parfaitement appropriée aux besoins du voyage présumé, connaissant à fond les exigences d'une expédition polaire.

La chambre du troisième officier était placée dans le faux pont, qui formait un vaste dortoir à l'usage des matelots; les hommes s'y trouvaient fort à l'aise, et ils eussent difficilement rencontré une installation aussi commode à bord de tout autre navire. On les soignait comme une cargaison de prix; un vaste poêle occupait le milieu de la salle commune.

Le docteur Clawbonny était, lui, tout à son affaire; il avait pris possession de sa cabine dès le 6 février, le lendemain même de la mise à l'eau du *Forward*.

– Le plus heureux des animaux, disait-il, serait un colimaçon qui pourrait se faire une coquille à son gré; je vais tâcher d'être un colimaçon intelligent.

Et, ma foi, pour une coquille qu'il ne devait pas quitter de longtemps, sa cabine prenait bonne tournure; le docteur se donnait un plaisir de savant ou d'enfant à mettre en ordre son bagage scientifique. Ses livres, ses herbiers, ses casiers, ses instruments de précision, ses appareils de physique, sa collection de thermomètres, de baromètres, d'hygromètres, d'udomètres, de lunettes, de compas, de sextants, de cartes, de plans, les fioles, les poudres, les flacons de sa pharmacie de voyage très complète, tout cela se classait avec un ordre qui eut fait honte au British Museum.

Жюль Верн. Путешествия и приключения капитана Гаттераса

День отплытия назначен на 5 апреля. Присутствие врача на борту немного успокоило людей. Куда бы он ни отправился, можно было следовать за ним. Однако большинство моряков опасались, как и Шандон, как бы дезертирство не опустошило экипаж, и они спешили отплыть. Не видя берегов, матросы покорятся своей участи.

Каюта доктора Клоубонни находилась в полуюте и занимала всю заднюю часть кормы. Каюты капитана и его помощника, которые находились друг напротив друга, выходили окнами на палубу. Каюта командира была плотно запертой, после того как её снабдили различными инструментами, мебелью, одеждой для путешествий, книгами, бельём, столовыми приборами, согласно списку. В соответствии с распоряжением неизвестного капитана ключ от каюты отправили к нему в Любек, и это означало, что только он может зайти вовнутрь.

Это раздражало Шандона, ибо отнимало у него шансы стать главным на судне. Что касается его собственной каюты, он хорошо ее оборудовал, потому что ему были известны условия полярных экспедиций.

Кабюта третьего офицера находилась рядом с нижней палубой, которая служит общей спальней для матросов. Здесь людям было очень удобно и вряд ли они нашли бы лучшее помещение на другом судне. О них заботились как о чём-то ценном. А в центре общей комнаты стояла большая печь.

Доктор Клоубонни прибыл 6 февраля, т.е. на второй день после спуска «Форварда» на воду, и сразу ушёл в свои заботы.

– Самым счастливым животным, – говорил он, – была бы улитка, если бы могла построить себе раковину. Я постараюсь быть умной улиткой.

И, действительно, эта раковина, в которой он пробудет долго время, принимала довольно комфортный вид. Доктор радовался, как учёный или ребёнок, когда приводил в порядок свой научный багаж. Его книги, гербарии, точные механизмы, физические приборы, коллекция термометров, подзорных труб, компасов, секстантов, карт, планов, склянок, порошков, флаконов его очень богатой аптечки для путешествий – всё приводилось в порядок, которому и Британский музей позавидовал бы.

Перевод Надежды Астаховой (16 лет)

Hervé LE TELLIER. Sonates de bar. A short-life in Vietnam

A short Life in Viêt-nam

La guerre est finie. Depuis longtemps. Pour David comme pour les autres. Et pourtant, quand il s'est approché du bar, quand il a posé son regard sur la forêt de bouteilles, j'ai vu qu'il ne s'arrêtait pas à leur reflet dans les miroirs, qu'il se perdait ailleurs, dans une autre jungle, verte, chaude, moite comme la sueur sur son front.

Il n'y a que pour l'histoire et la presse que les guerres s'arrêtent. Celle de David s'est achevée il y a quinze ans déjà, quinze ans seulement. Les soldats d'en face sont redevenus paysans, et David a retrouvé son travail au Subway. Et pendant qu'eux trouvent encore des corps dans la terre qu'ils retournent, David entend encore le fracas des bombes dans le roulement du métro et se cache la tête dans les mains. Il vient toujours le mercredi, parfois le vendredi, ce sont les soirs où il termine tard. Chaque fois, il s'accoude au bar, commande un Short Life, un seul, et reste debout, en silence. Puis, lorsque son verre est vide, parfois même avant, il pose un dollar sur le cuivre, enfile son blouson et s'en va sans un mot. Je ne connais rien de plus fort que le Short Life : un tiers de vodka, un autre de cognac, un dernier de pastis. Là-bas, à ce qu'on dit, ils le fabriquaient avec ce qu'ils trouvaient. Du sake pour la vodka, de l'arak pour le cognac, il n'y avait que le goût du pastis qui soit irremplaçable, mais c'était un Short Life quand même. David le boit à petite gorgée, lentement, avec de la douleur dans les yeux, mais je n'ai jamais su si c'est la force du souvenir ou celle de l'alcool qui lui fait le plus mal.

Ce soir-là, il est resté plus longtemps que d'habitude, à regarder son verre vide. Il a levé les yeux vers moi, avec le regard désespéré d'un homme qui se noie, j'ai senti qu'il voulait parler, peut-être hurler, pleurer, et je suis allé vers lui. Il a ouvert la bouche, sa gorge s'est nouée, et il a seulement fait : « Un autre... »

Эрве Ле Телье. Вьетнамский Шорт Лайф

Война закончилась. И уже давно. Как для Дэвида, так и для других. И, тем не менее, когда он приблизился к бару, когда бегло окинул взглядом стеклянные заросли бутылок, я видел, что его глаза блуждали не по их отражениям в зеркалах, но что он все еще терялся там, в других джунглях, жарких и таких же влажных, как выступивший на его лбу пот.

Войны если и оканчиваются, то только для истории или прессы. Война Дэвида длилась уже целых пятнадцать лет. Другие солдаты давно возвратились к своим полям, а Дэвид взялся за свою работу в Subway. Услышав грохот метро, он накрывает голову руками – ему все еще мерещатся взрывы бомб. Приходит он обычно по средам, иногда еще и по пятницам – словом, в те дни, когда он поздно заканчивает работать.

Каждый раз, облокотившись на барную стойку, он заказывает лишь Шорт Лайф и так и проводит вечер на ногах, храня молчание. Когда его стакан пустеет (а порой и раньше), он кладет на стойку доллар, натягивает свою куртку и уходит, так и не сказав ни слова. Честно говоря, я не знаю ничего крепче, чем Шорт Лайф: треть водки, еще треть коньяка, и, наконец, анисового ликера. Как говорили, там, на войне, его готовили из того, что было под рукой: sake заменяли водкой, арак – вместо коньяка... Лишь анисовую водку невозможно было чем-то заменить, но это, в любом случае, был Шорт Лайф. Дэвид пил его мелкими глотками, медленно, растягивая, с болью в глазах; но я никогда не знал наверняка, была ли это горечь из-за крепкого алкоголя или же боль тяжелых воспоминаний.

В тот вечер он оставался дольше, чем обычно; сидел весь вечер, рассматривая свой пустой стакан. Он поднял свой взгляд на меня – безнадежный взгляд утопающего, – и я почувствовал, что он хотел заговорить. Или, быть может, ему хотелось завопить, зарыдать... И я подошел к нему. Он открыл было рот, но внезапно ему перехватило горло спазмом, и он смог лишь выдать: «Еще одну»...

Перевод Ксении Кочетовой, студентки 4 курса специальности «зарубежная филология (французский язык и литература)» Горловского института иностранных языков

Короткая жизнь во Вьетнаме

Война давно окончена. Не только для Давида, а для всех. И всё же, когда он подошёл к барной стойке и посмотрел на бутылочный лес, я заметил, что взгляд его терялся где-то далеко в зеркальном отражении, уходил в зелёные жаркие джунгли, влажные, как его лоб.

Войны заканчиваются только для истории и для прессы. Давидова кончилась целых пятнадцать лет назад. Всего лишь пятнадцать лет назад. Солдаты, когда-то стоявшие напротив него, вернулись к сельскому хозяйству, Давид – на свою работу в Сабвэй. И пока на воссоединённых территориях Вьетнама находят тела погибших, он слышит взрывы бомб в мирном шуме метрополитена и закрывает голову руками.

Давид всегда приходит по средам, а иногда по пятницам – в эти дни он заканчивает работу поздно. Каждый раз, опираясь на стойку, заказывает «Короткую жизнь» – один стакан – и молча стоит. Когда стакан пустеет, иногда даже раньше, Давид выкладывает доллар, натягивает куртку и уходит, не сказав ни единого слова.

Я не знаю коктейля крепче, чем «Короткая жизнь»: треть водки, треть коньяка, треть пастиса. Говорят, там его делали из того, что могли найти. Вместо водки sake, вместо коньяка – арак. Вкус пастиса ничем не подменишь, но это всё равно была «Короткая жизнь». Давид пьёт её медленно, мелкими глотками и с застывшей болью в глазах. Но я не знаю, от чего ему хуже – от алкоголя или от воспоминаний.

В тот вечер Давид задержался немного дольше обычного, рассматривая свой пустой стакан. Он поднял на меня глаза, в которых стояло отчаяние тонущего человека. Я почувствовал, что он хочет что-то сказать, а может, закричать, зарыдать, и подошел к нему. Давид открыл рот, но смог только выдать: «Ещё один...»

Перевод Александры Нехамкиной, студентки 5 курса специальности «Иностранный язык (французский, английский)» Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

ПЕРЕВОДЫ С БЕЛОРУССКОГО

Вольга Іпатава * * *

Жыве ў Светлагорску Жэнька.
Дзетдомаўка Кузьміна.
А можа, яна Бажэна,
А можа, Грэтхен яна?
Ляжала мёртвая маці
Ля хутара Альтэнштос,
Дзіця загарнуўшы ў халацік
З канцлагерных сініх палос.
З якіх была далячыняў
І хто? Адказу няма.
Прывёз у дзетдом дзяўчынку
Малодшы сержант Кузьма.
Думалі ўсе — загіне:
Соскі не брала ў рот.
Сядзела нянька Аўгіння
Тры ночы над ёй напролёт.
...Жыве ў Светлагорску Жэнька
Па прозвішчу Кузьміна.
А можа, яна Бажэна,
А можа, Грэтхен яна?
Ведала тое вайна...

* * *

Не маці ў інстытут праводзіла мяне,
Зрабіўшыся ад шчасця маладой.
Узрушана ў той вечар зазвінеў
Каля вагона ўвесь дзіцячы дом.

Равеснікі... Сквозь восеньскае шкло,
Як праз сады, гляджу на іх з акна:
Не верыцца, што матчына цяпло
З дзяцінства адабрала ў нас вайна.

Не знаём мы, каля якіх бяроз
У горкім дыме гінулі бацькі.
Але навек адзін звязаў нас лёс,
Як ніткаю грыбной баравікі.
Не маці ў інстытут праводзіла мяне...

Ольга Іпатова. * * *

Живет в Светлогорске Женька.
Детдомовка Кузьмина.
А может, она Божена,
А может, Гретхен она?
Лежала мертвая мать
У хутора Альтенштос,
Ребенок завернут в халатик
Из лагерных синих полос.
Из каких была она dalej
И кто? Ответ не узнать.
Привез в детдом эту лялю
Младший сержант Кузьма.
Думали все – погибнет:
Соски не брала в рот.
Сидела нянька Авгинья
Три ночи над ней напролет.
... Живет в Светлогорске Женька
С фамилией Кузьмина.
А может, она Божена,
А может, Гретхен она?
Ведала это война ...

* * *

Не мама в институт отправила меня,
От счастья снова ставши молодой.
Взволнованно в тот вечер гомоня,
Собрался у вагона детский дом.

Ровесники ... Сквозь мокрое стекло,
Как сквозь сады, смотрю я из окна:
Не верится, что мамино тепло
У всех нас с детства отняла война.

Возле каких берёз, нам не узнать,
В дыму погибли и отец, и мать.
Но нас навек связала нить судьбы,
Как нить грибная белые грибы.
Не мама в институт отправила
меня...

РАЊЦА 22 ЧЭРВЕНЯ

Яшчэ нідзе нікога не чутно.
Усход ружовы пацяплеў ад сонца.
Бягу дадому па асфальце сонным,
У суседчына заглядваю акно.

Яна адна сядзіць каля акна.
Крычу ёй: «Цётка Ганна, добрай
раніцы!»
Слязамі раптам маці заліваецца,
І ўсё не можа адказаць яна.

Стаю каля суседкі, быццам цень.
Ёй нехаця напамніўшы мінулае:
Дачка яе дадому не вярнулася
У сорок першым. У гэты ж самы
дзень.

ЗА АКНОМ ЗАЦВІТАЮЦЬ ВЯРГІНІ...

За акном зацвітаюць вяргіні...
Чуеш, нехта пастукаў, Аўгіння?
Страпанулася соннае цела -
Здаецца, птушкай туды паляцела б!
І сукенку шукае рука,
Ды бяжыць да дзвярэй дачка.
І адразу развейваюцца сны:
Гаспадар не вярнуўся з вайны.
Не пабачыў ніколі дачушку,
На руках яе не пагушкаў,
...Нібы камень, падушка...

* * *

Як ты колешся, слова «сіротка!»,
З рук вывальваецца пірог.
Нібы камень з чужых варотаў,
Мне ляціць яно за парог.

Матчын голас уладны пачуўшы,
Дзеці з шумам бягуць дамоў,
І, ў халодную прызбу уткнуўшыся,
Горка, горка раву я зноў.

УТРО 22 ІЮНЯ

Еще стоит повсюду тишина.
Теплеет розовый восток от солнца.
Без остановки на асфальте сонном
Пройду я у соседского окна.

Возле него она сидит одна.
Кричу ей: «Тетя Анна, утро доброе!»
Становится вдруг мама очень
скорбною,
Ответить всё не может мне она.

Стою возле соседки, будто тень.
Невольно ей напомним про
минувшее,
О дочери, в дом отчий не
вернувшейся
В год сорок первый. В этот самый
день.

ЗА ОКНОМ ЗАЦВЕЛИ ГЕОРГИНЫ...

За окном зацвели георгины ...
Слышишь, кто-то стучится, Авгинья?
Встрепенулось вдруг сонное тело –
Словно птицей туда полетела б!
И рука сразу ищет одежду,
И к двери бежит дочка с надеждой.
Но тут сразу развеялись сны:
Не вернулся хозяин с войны.
Никогда он не видел дочушку,
Никогда не дарил ей игрушку,
... Будто камень, подушка ...

***

Как ты колешся, слово «сиротка!»,
И из рук выпадает пирог.
Словно камень с чужой загородки,
Мне летит оно за порог.

Материнский вдруг голос услышав,
Дети с шумом бегут домой.
Мне в холодном углу, в затишье,
Горько, горько реветь одной.

Сведения об авторе: Недавно в Интернете были размещены поэтические сборники белорусской писательницы Ольги Михайловны Ипатовой <http://flibusta.is/a/161725> . В них есть ряд стихов на тему «детство, опалённое войной» - о сиротстве, детдоме, потере родных. Автор стихов, хотя и родилась в 1945г., знает об этом не понаслышке: она после смерти матери 5 лет провела в детском доме. Да и в целом Белоруссия в годы Великой Отечественной войны потеряла около 3 миллионов жизней. Поэтому писательница выразила не только личную боль, но и ощущение целого поколения. Я выбрала стихотворения из первых сборников О.М. Ипатовой - "Раніца" ("Утро", 1969) и "Ліпеньскія навальніцы" ("Июльские грозы", 1973), эти произведения можно представить как поэтический цикл.

Перевод Анастасии Овчаренко, ученицы ОШ № 22, Донецк

ИЗ КАСТАЛЬСКОГО ИСТОЧНИКА

Мені п'ятнадцятий минало,
В Донбасі йшла в цей час війна.
Про неї із книжок я знала,
Із фільмів теж: вона страшна.

Але не думала я, люди,
Що у свої п'ятнадцять літ
Я бачити і чути буду
Війни страшної гуркіт, слід.
Яке ж то серце треба мати,
Щоб кидати на нас, дітей,
Снаряди, бомби? І з гармати
Стріляти нащо у людей?

Побійтесь Бога! Схаменіться!
Чим завинив вам люд простий?
Покайтесь ви та помоліться!
І Бог простить... І ми простим...

Тепер мені шістнадцять років,
Все ж так чекаю, жду щодня,
Мене розбудить мама: «Доню,
Вставай! Закінчилась війна...»

*Мадия Мирза, учениця Республіканського багатопрофільного ліцея-інтернату при
Донецьком національному університеті*

***

Между обидой и виной
Я выбрала вину.
Благословенный город мой,
Я у тебя в плену.
Я вижу кровь на мостовой,
У роковой стены,
Многострадальный город мой,
Убитый в дни войны.
Сквозь вопли я иду туда,
Где распинала власть.
Не удивляйтесь: «Ты ж тогда
Еще не родилась.
И дом твой будет здесь потом.
И Бог их всех простит...»
Между печалью и стыдом
Я выбираю стыд.
Иду среди зажженных свеч

По кладбищу души.
Но, брат... но, друг,
При чем тут меч?
Что толку в нем, скажи.
Взгляни, как осень янтарем
Расцвечивает парк
В твоём краю, в краю моем –
Нет, в нашем. Лучше так.
Одной мы связаны судьбой.
Друг друга ли винить
Спустя полвека?!
Город мой,
Как душу сохранить?
Здесь, в этих золотых дождях,
Где что ни шаг, то храм
И где вражда, как на дрожжах,
Растет, что делать нам?
... Между покоем и бедой
Я выбрала беду,
Затем, что город мой родной
В горячечном бреду,
Затем, что быть мне с ним.
Зачем?
Да отродясь и вновь
Между любовью и ничем
Я выбрала любовь.

СОН

Донецький вітер – ярий і сумний
Навіяв сон, щоб я могла збагнути
Усе те лихо, весь тягар страшний,
Цей сон мені ніколи не забути.
Донецька жінка полем йшла і стала,
З плеча її звисала чорна шаль.
Її лице я знала, знала, знала...
Цей погляд, що спрямований у даль,
В мені стривожив все. Усі клітини
Немовби пробудилися в мені.
А на руках у неї спить дитина –
Малесеньке дитяточко війни.
І я почула слово тихе: «Сину,
Ти спиш, а батько твій уже в землі...
Твій батько, крихітко моя, загинув,
Убитий він на цій страшній війні».
Цей монолог відразу обірвався,

Коли уздріла жінка та мене, –
Він з серця в серце мовчки передався,
Бо лихо незреченне і страшне.
І я згадала враз цей погляд, очі
І це лице... О Боже мій, за що?
Донецьк горить, палає вдень і вночі
І мертві люди там... За що? За що?
І я впізнала образ той, що в хаті
На покуті. І з нього наче ця –
Нещасна жінка... Так, це Божа Матір
Явилась в сні з малесеньким дитям.
Явилась, щоб молилася я ревно,
Молитви щоб до Бога я несла,
Щоб припинилась ця війна даремна,
Щоб припинилась ця біда страшна.

*Анастасія Чернова, учениця 10 класу ОШ № 132, творческа́я група «Ли́ра»
(Буденновський район, Донецьк)*

*Из стихотворений Екатерины Коваленко, студентки 3 курса
специальности «перевод (английский, немецкий язык)» ФИЯ ДонНУ*

***

Вот слуги уронили карты,
И тикают кукушки вспять.
Не будет чуда, секунданты:
Идите спать.

Вам небо повязалось бантом,
Бокалы освещала страсть.
Как – оказаться секундантом –
В последний раз?

И что за дело вам до правды,
Когда ее не напророчишь?
Спокойной славы, секунданты.
Спокойной ночи.

***

За дверью дым и дом, я спрыгну со стола.
Чу! Голоса мышей и резкий шрам от света.
Из гиблых тянет звезд густой лесной сквозняк,
Клубок дыханья стал бесшумным, но согретым.

За дверью пляс и сказ, и босиком трава
В дозоре колобродит – гулко, зыбко.

Кузнечики звенят – брошенный трамвай,
О камень пирса звякнувший бутылкой.

За дверью тишь да тон, глубокий звукоряд.
И переводчик-сон в окно глядит с опаской,
И с левого плеча спадает простыня –
Сиделка-ночь должна сменить повязку.

***

Дорога в роще тем,
И, будучи неточным,
В плену меж сим и тем
Свирепствует подстрочник:

Листы рвет с головы
И локоны с тетради –
Но гвозди букв строфы –
И он пришпилен намертво.

В глобальной духоте,
Трубя об отступлении,
Он родом из поэм,
Но только лень ему и мне.

***

Ночь в шкафу перебирает вещи.
Если вы уедете в Гранаду,
Пуговицы пауков и пыли
Разбредутся по седым углам.

Только и умеете смеяться
Да слезить озера звездной пылью.
Я меняю золото Гранады
На огни гитар и апельсинов.

Ненадолго ж эти перемены,
И взаправду не бывает больно,
Если только никуда не ехать.
Если только.

***

Из письменного стола сегодня ушли листы
Воздушной и канцелярской тетради с моим надкусом.
Пылинки натерты солнцем до блеска и суеты,
Пафосные секунды ложатся на землю без чувств.

Дуэт сиротливых эф сидит на плече скрипача,
Ему смычок – амулет, словно хвост кроличий.
Мгновение – и вечность станет ему отвечать.
Витраж из драконьих чешуек останется неокончен.

***

Из солнца ненадежный вырос
Шатер-бархан.
Тревожный вывел италиец
Двойную фа.

Висят с голодными глазами
Сюит сардинки.
Бемоль грядет за всеми нами.
Спасайте скрипки!

***

Переводчик –
Пена от пепла, плеть Харона
Честный очень
Не признающий врагов и законов,
Сказочный
В братство верящий – век держаться
Надо же!
После полуночи в дом стучаться
Не умеющий
И в беззвездную ночь идущий.
Знаешь, бережный,
Если все-таки ты существуешь
Тоже – ежишься от полета,
Глядишь на пламя.
Будь осторожен:
Зарплату
В последнее время
Все чаще дают гвоздями.

Египетский треугольник

Личная договоренность
С солнцем.
Геометрия Лобачевского
Безответственность
На уроках по планиметрии.

Ветрено,
Тротуарно и трафаретно.
Я уеду
Из этого города,
Где мои оживают портреты.
Я – выпускник академии
Задачи на шар и призму
Решаю
Записав в ответ
Вселенную с лунным кратером.
Император –
Из бывших.
Рукав пальто его порван.
Я притрушен пылью
Из пустых коридоров истории.

Вскрыть окно в комнатухе!
Пыль вернуть подземельям драконов!
Паутину не трогать –
В ней паучий
Цветок
Коронованный!
Он единственный, кто лучится –
Уюта заветная мантра, –
И знает:
До гулкового утра
Дремлют ирисы
Укрытые белой шелковой мантией.

***

Подвинься немного
Последний вечер в истории.
Мне нужно оставить в чертогах
Бурлящее небо.
Приложи подорожник солнца
К расцарапанному колену.
Из пещеры троллей
Слышен насморк фантасмагорный.

Пробираясь ржавыми склянками
С оспой и гриппом
Я у кресел сидел, согревая
Чужие стопы.
Я устал приходить в разгар
Мировых конфликтов,

И болят ладони – незримые,
Невесомые.

***

Бьют по сухим ладоням,
Вырывая с ножом страницы.
Я несу инспектору кофе –
Так что же со мной случится?

Воздух не выдаст крика,
Ночь собирается с мыслями.
Я доктору несу книгу –
Так кто же в меня выстрелит?

Сон в жмурки не переиграешь.
Кошунственно объективен
Стоит за спиной товарищ
И знает мое имя.

Не тени срединного мира,
Не алхимика сонный отчет
Инквизиция спросит имя –
Добуквенно он назовет.

Я вырвусь потерянным ветром,
Пропустив сквозь кожу барьеры,
В седьмое тысячелетие
Веселой не нашей эры.

Лес ставочный раскроет сонник,
И шаги огласят весть:
Неси книгу и кофе, законник,
Неси, пока время есть.

***

Небо кустами озвучено,
Кустозязыкою тысячей.
Легче у речки излучины
Высчитать, вычитать, вычесать,

Выучить легкой осанкой,
Четок червленым наречием,
Став очарованным странником,
Кануть в очерченность кречетом,

В блещущий чайник часовенки,
В челобитную расщепы сонного,
До самого до глубокого –
Чудесного. Чудотворного.

***

Мама, у нас будет гость:
Сядет за мой стол,
Крепче сожмет трость
И распахнет камзол.

Мрак будет тих и зрящ,
Удавкой скользя кружевной.
Я завернусь в свой плащ,
Украденный, как гнездо.

Вырванный из своих рук,
Вписанный в ряд потерь.
Шипит, расползаясь, стук,
И я открываю дверь.

***

Тебе отказали в праве
Быть не при чем.
Между воющих армий
Стань толмачом.

Между метнувшихся копий,
Горящих стрел,
Между чужих героев,
Знобящих тел.

Между упавшей секундой
И криком "пли!"
Между безумным утром
И сном земли.

Ни от Сциллы, ни от Харибды —
Не отшатнись.
Стань – между смертью и жизнью,
Не выберя – жизнь.

Запыленной кровью Пальмирой,
Любой ценой,

Беженец всего мира –
Стань мной.

Ника Турбина

Мастер, послушайте, нет, торопитесь
Во мне разглядеть глубину карих глаз.
За всю вашу глупость – я искупитель,
Февраль-конокрад, не умеющий красть.

Мастер, послушайте, вы меня помните,
Нам дали возможность исправить ошибки.
Звезда – черновик уравнения комнаты
Зубами полночи тонко прошитый.

Я Ника – победа, я ваше беспамятство,
Я совесть, таящаяся в закутках.
Покой ли, пентакли – я пяльца, я пальцы,
Я пена полета в озябших руках.

Я – Ника, победа, и совесть, и жалость,
Меня вам не вспомнить, меня не забыть.
Я Солнце, которое учится падать.
Я вечность, которая пробует жить.

Лорка

Луна хирургической лампой.
Только не плакать.
Мальчик, ты слышишь? Не плакать.
Если ладони уклончивы.
Если уходишь.
Черной смородины косточки
Мелкой дрожью
И кистью.
Остановись?
Будь же ты светел ночью!
Запах: больничный обморок.
Льются по крыше звезды.
Если захочешь – порознь.
Розгой в лицо: запомнишь,
Поэты уходят ночью.

Фарс с четвертого этажа

Доктор, прошу, пропишите мне крылья,
Эксплуататоры небо – открыли!
Я истребитель второй эскадрильи –
Грядущего!

Я – испытатель.
Доктор, я не успеваю!
Доктор, поймите, если живу – то летаю.
По-другому не лучше.

Жалую кровь вам из пальца.
Терплю рыбный градусник.
Микробы времен, перепугавшись, шарахаются.
Уколы глядят в мои руки и томно, и ласково.

Троллейбусным зайцем
Я пропускаю русский и географию.
Доктор, я падаю, каждую ночь, я падаю!
Доктор, крылья – последняя память, несмятая.

Доктор, а летчики храбрые очень, не правда ли?

***

Ломается голос. Моя грандиозность. Мой горемыка.
Тускнеет закладки акриловый волос, затерянный в книгах.
Учитель спокоен – ломаются троны, кости и судьбы,
А голос растет, зреет, крепнет, ветвится – или на убыль.

Ломается голос – стрелой не догонишь, конем не объедешь.
Ломается шпагой лихач-гладиолус в затерянном детстве,
Линяет, усердно с себя выживает полосы,
Голос, предатель, меня на кого-то меняет. Жужжат остроосы.

Август корзиной плетеной, аттической. Звезд – как яблок.
Голос лезет на дерево доисторически – хоть сбивай палкой
Его маскировку, манерную, минервоголовую,
Минное время невиннее рыболова!

Взятый в кольцо колючей музейной ватой,
Бутылью пятилитровой, громадной, надколотой,
Остался глупо и шумно отыгранный Гамлет –
Премьерный голос.

***

Стаканы уводят на кухню.
Тарелки прямой и надтреснутой.
В бессоннице вечностью умной
Тощий кот, укачанный креслом.

Дорогу слонам и диванам,
Прополот ковер вполовину.
Ночной волной смыло картину
Сада за спинкой дивана.

Часы тараканами мечутся,
Усищами-стрелками тычутся,
И если всерьез и по-честному,
Сон плоский не стоит величия.

И если надолго и в пятницу
Сунется сумрак носатый,
Бессонница кажется вальсом
У грубых зубов колоннады.

Фарс

Двадцать два неба над уровнем ветра.
Мне заумь по алгебре
Пишет ответы.
Наверное, наглость
Искать неприятности.
Письменный стол – голубая орбита планеты.
Мастер – понятие
Звездного цвета и лета.

Ни чая, ни кофе.
Нет даже конфет и печенья.
Кому-то дорога.
И путь.
И еще приключение.
И не преграда
Ушедший в отставку функционал-император.

По астрономии
Завтра контрольная.

Ладно,
Уж лучше огнем –

квартирантом по анфиладам,
Эмигрантом
В пространство базилики
Между апсидой и нефом.
Акротерием колющим, сказочным барельефом.
Улики прошлого –
Грядущих времен улики.

Сегодня четверг,
Наступивший в мышиный вторник.
Алгебра двойка, астрономия тройка.
Что тут добавить?
Пускай увольняют меня из почетного кресла –
Только вряд ли оно
Почетней домашней кровати.

Хватит!
Попробую договориться
С зияющей раной
В которой каждое утро восходит солнце.
Я – на самом-то деле –
Иная.
И воздух не пьяный.
Просто нужно, чтоб кто-то
Закончил по-своему повесть.

Безоплатный проезд.
Да простится мне эта проделка.
Если нет – то конец.
На сегодня.
Начну в понедельник.

***

Крепчает мороз и чай.
мир надколот.
– Роберт. – Не отвечаю.
– Роберт! – Не отвечаю.
– Роберт!!
Молчу.
Потому что меня забыли.
Бросили
В изморось холодеющую.
Колокольчики рос

превратились в снежинки-ножики
и дыхание оледеневшее.
Посреди семи метелей воющих
Я невольно остался
звонящей морозной рощей.
Только что ж вы творите,
Товарищи?
Дор-рогие мои...
Хор-рошие...

***

Была коррида.
Сломали зонтик, как бандерилью.
Круши, Севилья, кричи Севилья, –
Была коррида.

Сломали зонтик.
Единым духом – да весь на части.
Придет другой, смешной, зеленый,
Но он – не мастер.

Придет другой.
Но не ревнуй. Он не догонит.
Чтобы там ни было, зонтик – твой.
Сломался зонтик.

***

– Почему именно Гагарин?
– Самый светлый из достойнейших.
Из передачи о первом космонавте

Выхожу в открытую зиму!
Как Земля моя неотразима
Ни в одном измерении космоса!
Одуванчики кажутся звездами.

Только боязно мне, боязно,
Не упомянуть мелодии с голоса,
Ты не верь мне, пространство, полностью:

Не отринувший землю с подошвы,
Я дублер и скучный, и прошлый,
Не умен, но зато отчаян.
Я пошел. Удачи, Гагарин.

Ливень и Гумилев

Кто-то ходит на каблуках
И чугунной гремит сковородкой.
Это – сказка о пауках
За узлами проросшей решетки.

Там, где вождь и заклятья снов
Охраняют драконьи зубы,
Лепестки голубых облаков
Добавляют шаманы к супу.

Золотые слоновьи кости
Чуть звенят от удара плетью.
Здесь нет ни любви, ни жестокости –
Только глаза или ветер.

И спускается преданный дождь
В потемневшей густой оправе.
Засыпай. Венценосный вождь
Звездных вод тебя примет на равных.

В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

*Переводы Екатерины Перфильевой, студентки 3 курса специальности
«Преподаватель английского и немецкого языков» Владимирского
государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых*

J.W. Goethe. Wanderers Nachtlied

Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch,
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

H. Heine. Ein Fichtenbaum steht einsam...

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Höh'.
Ihn schläfert; mit weißer Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.

Er träumt von einer Palme,
Die, fern im Morgenland,
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

H. Heine. Leise zieht

Leise zieht durch mein Gemüt
liebliches Geläute;
klinge kleines Frühlingslied,
kling hinaus ins Weite!
Kling hinaus bis an das Haus,
wo die Blumen sprießen,
wenn du eine Rose schaust
Sag, ich lass sie grüßen.

Heinrich Heine. Loreley

Ich weiß nicht, was soll es bedeuten,
Dass ich so traurig bin;
Ein Märchen aus alten Zeiten,
Das kommt mir nicht aus dem Sinn.

Die Luft ist kühl, und es dunkelt,
Und ruhig fließt der Rhein;

И.В. Гёте. Ночная песня странника

Вершины гор во мраке спят,
Не шелохнётся тонкий лист,
Деревья в тишине молчат,
Не слышны трели птиц и свист.
Природа спит, а ты не спи,
И свой закат не торопи.

Г. Гейне. Пихта

Растёт одинокая пихта
В чужой и холодной стране,
Приходят к ней вьюги и бури,
Пока она грезит во сне.

А снится ей берег далёкий,
Где вечное лето цветёт,
И стройная, но позабытая
Красивая пальма растёт.

Г. Гейне. Лейся, песня!

Тихо колокольный звон
В сердце раздаётся,
Ласковый напев весны
По долинам льётся.
Лейся, песня, в старый дом,
Где цветут бутоны;
Алой розе передай
От меня поклоны.

Г. Гейне. Лорелея

Одно старинное сказание
Ко мне приходит сквозь века,
Легко его очарование
И правда горькая сладка.

На воды Рейна опускается
Вечерняя слепая мгла,

Der Gipfel des Berges funkelt
Im Abendsonnenschein.

В прощальном свете дня купается
Янтарно-жёлтая скала.

Die schönste Jungfrau sitzt
Dort oben wunderbar,
Ihr goldnes Geschmeide blitzet,
Sie kämmt ihr goldenes Haar.

А наверху скалы – прелестница
Глядит на огненный закат
И распускает косы-месяцы,
Что тайны дивные хранят.

Sie kämmt es mit goldenem Kamme
Und singt ein Lied dabei;
Das hat eine wundersame,
Gewaltige Melodei,

В её руках мелькает гребень,
Как свет жемчужно-золотой,
И, словно потаенный жребий,
Слетает с губ мотив простой.

Den Schiffer im kleinen Schiffe
Ergreift es mit wildem Weh;
Er schaut nicht die Felsenriffe,
Er schaut nur hinauf in die Höh.

Плывя на лодке одинокой,
Рыбак не смотрит на скалу, –
Лишь в вышину, где вьётся локон
И песня разрезает мглу.

Ich glaube, die Wellen verschlingen
Am Ende Schiffer und Kahn;
Und das hat mit ihrem Singen
Die Loreley getan.

Мне кажется, волна погубит
Ту лодочку и рыбака,
И песня Лорелеи будет
Ему прощаньем на века.

William Shakespeare. Hamlet's Soliloquy

To be, or not to be: that is the question:
Whether 'tis nobler in the mind to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles,
And by opposing end them? To die: to sleep;
No more; and by a sleep to say we end
The heart-ache and the thousand natural shocks
That flesh is heir to, 'tis a consummation
Devoutly to be wish'd. To die, to sleep;
To sleep: perchance to dream: ay, there's the rub;
For in that sleep of death what dreams may come
When we have shuffled off this mortal coil,
Must give us pause: there's the respect
That makes calamity of so long life;
For who would bear the whips and scorns of time,
The oppressor's wrong, the proud man's contumely,
The pangs of despised love, the law's delay,
The insolence of office and the spurns
That patient merit of the unworthy takes,
When he himself might his quietus make

With a bare bodkin? who would fardels bear,
To grunt and sweat under a weary life,
But that the dread of something after death,
The undiscover'd country from whose bourn
No traveller returns, puzzles the will
And makes us rather bear those ills we have
Than fly to others that we know not of?
Thus conscience does make cowards of us all;
And thus the native hue of resolution
Is sicklied o'er with the pale cast of thought,
And enterprises of great pith and moment
With this regard their currents turn awry,
And lose the name of action. -Soft you now!
The fair Ophelia! Nymph, in thy orisons
Be all my sins remember'd.

Вильям Шекспир. Монолог Гамлета

Быть или нет: вот главный в чём вопрос.
Что благороднее: принять судьбы обиды
Или вооружиться для защиты
И с морем бед вступить в неравный бой?
Уснуть. Забыться. Умереть.
Не слышать лживой жизни звуки,
Покончить с брэнной плоти мукой –
Вот цель, желанная неистово и страстно.
Забыться и уснуть. Быть может, видеть сны –
Те сны, когда от всех страстей свободен дух.
Но свет по-прежнему к мольбам несчастных глух,
И жизнь лишь удлиняет им страданья.
Но кто же вытерпит обидное презренье,
Когда предатель прав, а правый оскорблён,
Когда покинут, будучи влюблён,
А власть имущих наглость бесконечна?
Кто выдержит неправый скорый суд,
Когда всё можно прекратить одним ударом
Кинжала? Скажите, кто же даром
Захочет пробовать солёный жизни пот?
Но есть же страх того, что после смерти:
Неведомой страны, откуда нет
Возрата и дороги в свет.
Так, верно, этот страх свою играет роль
И заставляет нас за жизнь цепляться.
Так мысль в нас малодушие вселяет,
Смиряться, покоряться заставляет;

Так погибает замысел великий,
Не вытерпев и часа промедленья...
Но тише! Вот прекрасная Офелия идёт.
Пусть она память обо мне спасёт
И помянёт мои грехи в молитвах.

**William Wordsworth. Sonnet
Composed Upon Westminster Bridge**

Earth hath not anything to show more
fair:
Dull would he be of soul who could pass
by
A sight so touching in its majesty:
This City now doth, like a garment, wear

The beauty of the morning; silent, bare,
Ships, towers, domes, theatres and
temples lie
Open unto the fields, and to the sky;
All bright and glittering in the smokeless
air.

Never did sun more beautifully steep
In his first splendor, valley, rock, or hill;
Ne'er saw I, never felt, a calm so deep!

The river glideth at his own sweet will:
Dear God! The very houses seem asleep;
And all that mighty heart is lying still!

**George G. Byron.
Adieu, Adieu! My Native Shore**

Adieu, adieu! my native shore
Fades o'er the waters blue;
The night-winds sigh, the breakers roar,
And shrieks the wild sea-mew.
Yon sun that sets upon the sea
We follow in his flight;
Farewell awhile to him and thee,
My native Land – Good Night!

**Вильям Вордсворт. Сонет,
написанный на Вестминстерском
мосту**

Нет ничего прекрасней на Земле
Картины величавого покоя
В час предрассветный, без жары и
зноя,
И ты ей не откажешь в похвале.

Весь город – воплощенье красоты,
Из тишины растут сады и парки,
Театры и дворцы, дома и арки,
В каналах отражаются мосты.

А солнце дарит всем свои лучи –
Долинам и холмам, журчащим водам,
И вопреки лишениям и невзгодам
В душе такая радость, хоть кричи.

Дома напротив нежатся во сне,
На всем лежит печать благословенья...
Я благодарен Богу, без сомненья,
За тот покой, что подарил Он мне.

**Джордж Г. Байрон.
Прощание с родиной (отрывок из
«Паломничества Чайльд-Гарольда»)**

Прощай, прощай! Мой край родной
Скрывается вдали;
Ветра поют, ревет прибой,
И мчатся корабли.
Над морем вьется чаек крик,
Пойду за солнцем вслед;
Прими, влекущий материк,
Прощальный мой привет.

A few short hours, and he will rise
To give the morrow birth;
And I shall hail the main and skies,
But not my mother earth.
Deserted is my own good hall,
Its hearth is desolate;
Wild weeds are gathering on the wall;
My dog howls at the gate.

With thee, my bark, I'll swiftly go
Athwart the foaming brine;
Nor care what land thou bear'st me to,
So not again to mine.
Welcome, welcome, ye dark-blue waves!
And when you fail my sight,
Welcome ye deserts, and ye caves!
My native Land – Good Night!

Иссякнет ночь, и солнце вновь
Подарит миру свет;
Я в море воспою любовь
И неба дивный цвет.
Но не увижу отчий дом –
Потух его очаг;
Травой все заросло кругом,
Лишь слышен лай собак.

О, этот одинокий лай!
Веди меня вперед!
Я за тобой пойду на край
Кипящих синих вод.
И танцу волн я буду рад,
Но оглянусь кругом:
Не достает до суши взгляд,
Прощай, мой милый дом.

***

Галицька казка.

Писано не в січні 1844 року і не Генріхом Гейне.

Прощання з Мрією.

I
Прощай, омріяна земля!
Тебе я залишаю,
Беру хохляцького бриля,
До рідного йду краю.

Моє селянське серце біль
Пройняв раптово нині,—
Для нього лікар є, та він
Живе не в Україні.

Врятує славний лікар той,
Та не пускають злидні,
Його мікстури дорогі,
А головне – огидні.

Прощай, придуманий народ
З революційним жаром!
Ти повернувся на город,
Тиняєшся базаром.

Я також згадую з теплом

Про смороди у стайні,
Овечок наших на лугах
І грядочки охайні.

Згадав я сморід тютюну
І кислий запах бочок,
Згадав корову, і свиню,
І куряток, і квочок.

Бажаю матері здоров'я.
По правді, то давненько,
Щось із тринадцять років, я
Не бачив моєї неньки.

Прощай, дружино, не збагнеш
Той сум, що крає душу,
До серця пригорну тебе,
Та повернутись мушу.

Реалії женуть мене
Від щастя неземного.
В своє село вернусь сумне,
Конаю я без нього.

І страх, і мука, й шаленство в мені
В болючих корчах тріпочуть,
І вже я в дорозі, уже вдалині —
На землю галицьку хочу.

Одужавши, в грудні я повернусь
З країни мрій чи в січні,—
Тоді вже найкращі тобі куплю
Дарунки новорічні.

В сумному листопаді це було,
Похмурий час почався,
Вже листя вітер з дерев зривав —
До Києва я подався.

Коли я на Майдан прибув,
Забилося серце щосили
В грудях моїх, а правду сказати,
То й очі сльозу зронили.

Коли ж там мову рідну почув,

Відчув себе дивно знов я;
В цю мить, напевно, серце моє
З приємністю вмилося кров'ю.

Лижичко Руслану я чув — вона
Співала зі справжнім поривом,
Але фальшиво, і все ж мене
Своїм зворушила співом.

Співала вона про безвізовий бум,
Про наші мрії й бажання,
І про Європу співала, де всі
Зникають людські страждання.

Співала вона відречення спів,
Стару колисанку неба,
Співають її, коли плаче народ,—
І дурня зацикати треба.

Я знаю цю пісню, я знаю й цей текст,
І авторів тих породу,
Я знаю, що п'ють вони потай вино,
А нам проповідують воду.

Чудову пісню — пісню нову,
О друзі, я буду співати!
Ми хочемо царство небесне тут,
На цій землі, збудувати.

Ми щастя хочемо на землі,
Уже нам годі муки;
Хай пузо ледаче не стравить того,
Що створять трудящі руки.

Немало хліба дає земля,
Стало б для всіх потроху
Троянд, і миртів, і див, і краси,
Цукрового гороху.

Авжеж, гороху вистачить всім,
Ось лиш стручки дозріють!
Хай ангели та горобці
Тим небом володіють.

А виростуть крила по смерті в нас —

Прилинем до вас у гості,
Щоб скуштувати святих тортів
У вашій святій високості.

Європу геній свободи обрав —
За руки вони взялися,
Без міри щасливі, і їхні уста
У першій цілунку злилися.

Натхненні зорі — потоком вогню
Пливуть вони, рвуть загати,
Я чую дивну силу в собі,
Я міг би дуби ламати.

На землю київську ступив,
Неначе в чаклунські хвилі,
Дух революції стогне в мені,
Я знову почувся в силі.

П
Поки арфістка про небеса
Співала і награвала,
Польська митниця мій чемодан
Уважно оглядала.

Спідне, хустки, сорочки і штани —
Витягли все з-під заборів:
Шукали штампа в паспорті вони,
Страховок і договорів.

О дурні, при чому тут чемодан?
Чого вам треба — я знаю,
І ту контрабанду, що везу,
Я в голові ховаю.

Є у голівоньці хитрий план —
Краще брюссельських мережив,
Коли б його витягнув наш Іван,
Вас не на жарт би збентежив.

Є діаманти в моїй голові
Майбутньої свободи,
Великого Провідника скарби,
Нові гетьманські клейноди.

В моїй голові і книги є!
Якщо одверто сказати,
Одна про ОУН, одна про УПА,
Спробуйте конфіскувати.

В бібліотеці Сатани
Важко знайти страшніше;
Всіх ворогів лякають вони,
Що може бути миліше?

Тут зауважив поляк-пасажир,
Стоячи поруч зо мною,
Що то винувата волинська доба,
Мовляв, вона є ганьбою.

«Волинська доба,— сказав пасажир,—
Польську зміцнить основу,
«Від можа до можа» з'єднає вона
Річ Посполиту знову.

А вашому бидлу цензуру дасть,
Розроблену досконально;
Цензура ж духовну єдність дає,
Воістину ідеальну.

Цензура подбає, щоби в вас були
Думка і совість єдині;
Східні Креси потрібні Польщі —
Лояльні нам всередині».

III
На цвинтарі Мюнхенським у труні
Бандера Степан спочиває.
Не думайте лиш, що наш Провідник —
Той в Швабії проживає.

«Не хочу я мертвим бути й лежать,
Хоч і в великій прикрасі.
Я краще б маленьким комбатом служив
В Лугандонії чи Даунбасі».

Нудьгують в «Азові» скажені пси
І тільки зітхають стиха:
«Хоч би прирізати того москаля —
Вже й з того матимем втіху».

В отому нудному досить гнізді
З годину я барився.
Побачив наших військових знов —
Цей тип не дуже змінився.

Чорно-червоний колір воскрес!
Плащ із рунами носять досі,
Все, як хотів учитель наш, Гесс:
Кров бандерівська виходу просить.

Ті самі упівці, тупі, як телиця,
Прямі кути й сьогодні
У кожному русі, і всі з лиця
Бундючні, тупі й холодні.

Ще й досі гуде скам'янілий крок
Ходульно, пихато, зухвало,
Неначе вони проковтнули дубця,
Яким їх колись лупцювали.

О ні, той фухтель не зовсім зник —
Тепер він у їхній суті,—
Хоч дружнє «ти», а не давнє «він»
Вживають ці типи надуті.

З нового — лиш оселедці прийшли
І вуса сумні під носом.
Такі красиві в АТО пішли,
З мізками молокососа.

В одежі крюки з'явились також,
Раніш мені невідомі.
То «ПриватБанк» постаравсь. Шалом!
«Дас Райх» тепер в них на шоломі.

Ідею лицарства в тім крюку
Завзятий втілив романтик:
Дай лицарські лати ти віслоку
І йди, отримуй свій грантик!

Нагадує він недавні віки,
Коли німаків посіпаки
Плекали відданість у серцях
І вбивць цілювали в сраки.

Майдани й служіння облудний культ,
Вони у ілюзій в полоні,
І дідо фашиста має інсульт,
Побачивши хрест на шоломі.

Так, так! Мені до вподоби шолом,
Є в ньому дотепність найвища:
Ішли в Європу, в майбутнє, вперед,
Прийшли в позавчора— навіщо?

Подумайте — щó, коли вдарить грім
Й примара дурна розлетиться,
Шолом попритягує вам з небес
Найбільші, страшні блискавиці!

А справді війна — потрібно тоді
Легші шапки купувати,
Віку минулого шолом важкий
Завадить швидко тікати.

В «Азові» знову я з орлом,
Мені ненависним, стрівся.
З віночком дубовим на мене він
Отруйливо дивився.

Огидний птах! Ще прийде час,
І я тебе впіймаю,
Тоді я вирву тобі хвоста
І свастику геть одрубую.

Зажди, ти будеш таки вгорі
Сидіти на жердині;
І ми скличемо веселих стрільців
На свято стрільби в долині.

І той, хто зіб'є тебе униз,—
Скіпетр йому і держава!
Ми вріжем туш і гукнемо:
«Слава Вітчизні, слава!»

IV
Присмерком я в Коломию прибув.
Дома я з'їв квасолину,
І дух український мене сп'янив,
Вплинувши в ту ж хвилину

На мій апетит. Я одразу з'їв
З шинкою миску яєшні,
Вона пересолена була —
Наліг я на вина домашні.

Як римська чарка, стаканчик блищить.
Самогонка, мов золото, й досі,
А вип'єш декілька зайвих чарчин —
Одразу закрутить у носі.

Усе пішло в голові шкереберть,
Блаженні хвилини настали,
І я подався у морок нічний,
В напівтемні тихі квартали.

Будинки тут говорять мені,
Калюжі кричать, шепочуть помії
Легенди давно минулих днів
Святої Коломії.

Колись тут правив Шулхан-Арух
За приписами Галахи,
Тут-ка і нині єврейства дух,
Але мені то до сраки.

Олекса Довбуш тут укладав
З євреями договори.
З Рабі Ар'є вони пили вино,
Братались люди і гори.

І Шолом-Алейхем тут гостював,
І «кіріє елейсон» співали.
В полум'ї революційних кострів
Книги тут не палали.

Тут панували тупість і злість
В своїй одвертій суті,
Коли почали вбивати жидів
З віронестерпної люті.

Та що це? В місячнім сяйві я
Бачу велику потвору, —
З біса весь чорний собор католицький
Огідно пнеться вгору.

Бастилія духу це мала бути,
Ксьондзі вже змовлялись ниці:
«Русинський розум згноїмо
Ми в цій гігантській в'язниці!»

Нас унію змусили підписать,
І стали ми уніати,
Дає нам право католицький форт
Папу в п'яту цілувати.

Безумний задум! Даремна річ!
Ми зрадили діло Боже,
У кого тепер допомогу просить,—
Ніхто вже не допоможе.

Католиками не стали ми,
На греків не дуже схожі,
Тільки брати називають нас:
Греко-католицькі рожі.

Як тепер вийти з тої нужди,
З тих перекрещень потворних,
Тіні минулого звикли завжди
Жити у вежах соборних.

Вже наближаються часи
Величні і незвичайні,
Молимося в тих соборах ми,
Гриземось, як пси на псарні.

Як стане псарнею собор,
Де люди дітись мають,
Три східні волхви навіщо дари
Ісусу Христу вручають?

Чуднє запитання я чую! В наш час
Чи варт про дрібниці дбати?
Тоді доведеться східним царям
Притулку деінде шукати.

А я б вам порадив їх посадить
В три клітки з заліза міцного,
Дари свої хай повісять на цвях,
А ні, хай здадуть в податкову.

Як треба буде Месії вам
(Як змучитесь скакати), —
Замість юдейського царя
Іншого можна обрати.

V
Як я на місток річковий зійшов,
Біля причального валу
Побачив у місячнім сяйві Дністер,
Що вдаль спливав помалу.

Привіт тобі, мій батьку Дністре,
Що тут було з тобою?
Про тебе часто думав я
З одчаєм і журбою.

Сказав — і вловило в глибинах вод
Печальні звуки вуха,—
Неначе кашель старого душив,
Стогнав він і дихав глухо:

«З приїздом, хлопче! Приємно мені,
Що ти не забув мене досі.
Тринадцять літ не бачились ми,
Мені погано жилося.

Якийсь паталаха мій камінь з'їдав.
Сипав на берег отруту,
Потом потроху мене продавав,
Співав «Червону руту».

Він пісню зложив і про мене, що я
Цнотлива мамина дочка,
Яка уперто береже
Незайманості віночка.

Чуючи пісню безглузду цю,
Я хочу лаятись, битись,
Вирвати бороду сиву свою
І в самому собі втопитись.

Чи я ще незаймане дівча,
Лиш древні могли б сказати,—
У води мої не доводилось їм
Відходи і бруд зливати.

І пісня дурна, і співець не мудрець!
Мене він зганьбив цинічно,
І гірша річ — скомпрометував
На все життя політично.

Коли б тепер вернулись до нас
Ті, старі українці,
Та ти пам'ятаєш, напевно, їх,
Поляки, русини, німці...

Юдеї, вірмени, вертайтеся до нас, —
За вас червоніти не треба,
Вертайтеся браття, чекаю на вас,
З сльозами звертаюся до неба.

І латинян я дуже любив.
Ну, як там мої латинята?
Грають, співають, як і завжди?
Ще білі в них штаненята?

Отак побивався батько Дністер,
Не міг розважитись знову.
Щоб звеселить його, я сказав
Розсудливу промову:

«Не варто чекати, батьку, тобі,
Забудь, нема на те ради.
Вони вже інші, і давно
Змінилися їхні наряди.

Не білі — джинсові штани,
І всі вишиванки мають,
Не грають вже, не гасають вже,
А голови сумно схиляють.

Все філософствують, на язиці
В них лиш Донцов та Міхновський,
І курять тютюн, і пиво п'ють,
Що робить завод Жигульовський.

Вони філістери, як і ми,
І це вже в них глибоко в серці,—
Вже більше не вольтеріанці вони,
А швидше хенгстенбержці.

«Отож вивчай, мій батьку Дністре,
Пісню єдину і нову.
«Не скаче на світі лишень москаль...»
Іду, та ми стрінемось знову».

VI

Услід за Паганіні ходив
Свій Spiritus familiaris,
Часом як пес, а часом з лица —
Небіжчик Георг Гарріс.

Наполеон кожду грізну мить
Бачив червоного мужа,
Сократ мав демона свого;
Це не уява недужа.

І сам я, над письмовим столом
Нічною схилившись порою,
Не раз помічав, що в масці гість
У мене стоїть за спиною.

Ховав він щось під своїм плащем,
Що тьмяно блискало зрідка.
Я думав — сокира у нього там,
Сокиру там мені видко.

Кремезну він статуру мав,
Очі на зорі схожі.
Не заважаючи мені,
Стояв він, мов на сторожі.

Минули роки — вже я й забув
Відвідини ті актуальні,
Коли раптово зустрівся з ним
Якось в волинській копальні.

Там я вночі бурштин напивав
І бачив його за собою,
Як тїнь свою; я спинявся — і він
Спинявся разом зо мною.

Спинявся він, наче мене дожидав,
Рушав я — і тїнь його чорну
Волік за собою. Так ми прийшли
Аж геть на площу соборну.

Це стало нестерпно, і я повернувся
І крикнув: «Скажи мені в очі,
Чого за мною ти ідеш
В пустелі оцій серед ночі?

Тебе зустрічаю я завжди,
Коли світова задуха
Груди стискає мої і горять
У мозку блискавки духа.

Чого ти дивишся й мовчиш?
Скажи — що ти ховаєш
Під темним плащем і що там блищить?
Хто ти й чого бажаєш?»

І привид одразу мені відповів
Спокійно і флегматично:
«Будь ласка, без нервів... Мене закликать
Не треба так патетично!

Я зовсім не привид старовини,
Не пугало з могили,
Ані філософії мене,
Ні красномовства не вчили.

З натури практик я; завжди
Мовчу й спокійний буваю.
Та знай лиш — усе, що намислиш ти,
Я у життя втіляю.

Минуть віки — я не спинюсь,
Покіль твою думку і мрію
На дійсність не перетворюю;
Ти мислиш, а я дію.

Так, ти суддя, я — слухняний кат;
З покорою рабською, ревно
Я здійснюю кожний твій вирок, хоча б
Несправедливий запевно.

З сокирою ліктора в Римі мав
Консул перед собою,
У тебе є свій ліктор, лиш він
Сокиру несе за тобою.

Твій ліктор — я, за тобою йду
І маю в руці завжди я
Блискучу сокиру свою, бо я —
Думок твоїх втілена дія».

VII

Мов ангели приспали мене,
Отак заснув я вдома.
В китайських перинах добре спать,
М'які вони, як відомо.

Як часто за вами я сумував,
Рідні китайські перини,
Коли ночами лежав без сну
На твердих матрацах України.

Чудова перина чудовий сон
На тебе навіває.
Душа європейська від пут земних
Лиш тут відпочиває.

Вона тут вільна й вільно летить
У вись небесну прозору.
Душа українська, як гордо в снах
Ти піднімаєшся вгору!

Сам Бог перед тобою — ніщо!
Крилом в небеснім просторі
До блиску начищаєш ти
Малі зустрічні зорі.

Бритам і руським належить земля,
На морі — гуляють пірати,
Зате ми пануємо в царстві мрій —
О, тут нас не подолати!

Тут ми єдині, і тут вже ми
Не коримось нікому,—
Інші народи, щоправда, живуть
На ґрунті більш твердому.

Заснув я, і приснилось мені,
Що в місячнім сяйві ясному
Лункими завулками знову я
Блукаю по Львову нічному.

І знову слідом за мною йшов
Мій чорний супутник незмінно,
І я від втоми не чув уже ніг,
Але ми брели невпинно.

Ми далі брели, і серце моє
Розкрилось, наче рана,
І з рани серця по краплі кров
Сочилася багряна.

Я часом у кров свою пальці вмочав
І часом зупинявся
Біля одвірків — і знак на них,
Кривавий знак залишався.

І щоразу, коли я дім
Отак відзначував, дальній
Вчувався дзвін похоронний мені,
Болючий, тихий, печальний.

Та вже на небі місяць блідий
Зникав у темній запоні,
І дикі хмари летіли вдаль
Повз нього, як чорні коні.

Ми довго блукали й нарешті прийшли
Знов на соборну площу,
Собор одкритий навстіж стояв,
І ми зайшли, як на прощу.

Всеволодно тут панували смерть,
І ніч, і глухе мовчання;
Підкреслювало темноту
Свічок і лампад блищання.

Я довго блукав вздовж високих колон
Повільною ходою,
І кроки мого супутника чув —
І тут він був зо мною.

Та ось прийшли ми в темний куток,
Де тьмяно свічки блищали
На діамантах та золоті,— тут
Три східні царі лежали.

Та три царі, що мали б лежать
У раках старовинних,—
О дивна річ! Сиділи вони
На власних домовинах.

Ті три кістяки в фантастичнім вбранні,
В коронах, що блищали
На мертвих го́ловах, бёрла в руках
Своїх костяних тримали.

Мов ляльки на шворках, здіймали вони
Давно уже мертві кості,
Смерділи гниллю, а разом з тим
І ладаном до млості.

Один навіть рота був розкрив,
Щоб довгу промову сказати.
Він добре мені пояснив, чому
Я мушу його шанувати.

По-перше, тому, що він мрець,
По-друге,— король, зрозуміло,
По-третє, ще й тому, що він святий,—
Мене це не зворушило.

І я йому, сміючись, відповів:
«Даремно себе ти бентежиш!
Я добре знаю — минулим часам
Увесь ти давно належиш!

Геть звідси, геть! З глибоких могил
На світло ви вийшли всує!
Скарби цієї капели життя,
Живе життя конфіскує!

Весела кіннота майбутнього тут
Має постоем стати;
Добром не підете звідси — ми вас
Прикладами будемо гнати!»

І я на привид свій озирнувсь
По цих словах суворих —
Сокира блищала в його руках,
І він зрозумів мій порух.

Наблизивсь він і тую ж мить
Сокирою став навально
Трощити кістки забобонів старих
І нищити їх безжально.

Луна озвалась з усіх кутків,
І струмінь кривавий рвонувся
Страшним потоком з моїх грудей —
І раптом я проснувся.

VIII

Осінній ранок, сіра мла,
Лежить далина безмовна;
Повзем у багнах, але душа —
Душа моя щастя повна.

Це рідний вітер гаряче
Цілує мене щохвилини;
А це багно на шляху — багно
Коханої батьківщини!

Як давні знайомі, коні хвостом
Крутили привітливо й чемно;
Мов яблука для Аталанти, пахтів
Їх гній для мене приємно.

Минули село. Чудовий народ,
Містечко мале теж, нівроку.
Востаннє я тут у травні був
Дев'яносто першого року.

Тоді усе навкруги цвіло,
Про щастя пташки співали,
Сміялось сонце в небесах,
А люди надіялись, ждали —

Гадали: совєцьких героїв рать
Чкурне по шляхах завізних,
Прощальний келих ми їм наллємо
З довгих пляшок залізних.

О боже! І досі совіти тут!
Ті ж йолопи й боягузи
Свої посідали на теплі місця,
Нажерли на них добре пузо!

Сволота бліда, що вигляд колись
Любові й надії мала,
На наших хлібах собі животи
Добре понаїдала.

Тепер свободі рушати на штурм
Нелегко — нема вже наснаги.
Сумно звисають з веж прапори —
Жовто-блакитні стяги.

Хоч дійсно гетьман був воскрес,
Споживи червище кляте
Його втихомирило, і він
Себе дав знов закопати.

Я бачив сам золоту булаву,
Коли ланцюги єднали,
Але богинь перемог золотих
Зрада і підкуп тримали.

Натхнення було в очах у людей,
Охоплених снами новими,—
Та привид старої імперії знов
Підводився перед ними.

В той день я плакав. Очі мої
Туманом сліз застилало,
Коли я почув, як з тисячі уст
«Ще не вмерла» лунало.

ІХ
Ранком — три чверті на восьму було —
Зі Львову ми виїжджали.
В Тернопіль прибули коло обіду,
Саме на стіл подавали.

Обід чекав. Була тут сповна
Вся українська страва.
Привіт, капусто кисла, тобі,
Пирогам і паштетам— слава!

Для серця чулого назавжди
Лишиться вітчизна мила,
Яйце й оселедець я також люблю,

Коли їх засмажити вміло.

Свинячу голову внесли
На олов'янім підносі:
Безсмертним лавром квітчають у нас
Свинячі пики і досі.

Х
На Тернопіллi застала ніч.
Чимало я потрусився
Від лютого холоду. Тільки в корчмі
У придорожній зігрівся.

Дівча гарненьке там мені
Чудовий коктейль зготувало.
Волосся було в неї — жовтий шовк,
А очі — порівнянь мало!

Приємно чути мені було
Тернопільську чудну вимову.
Знайомий напій нагадав мені
Компанію чудову —

Чудових людей, з якими колись
Пиячили на Сибіру,
Аж доки не падали геть під стіл,
Ні вміли ми пити в міру.

Згадую ті щасливі деньки,
Трударів краю нафтового,
Та й бурова любила лише
Сильного і дурного.

Бадьорий народе, най Бог боронить
Твої поля й отави
Від подвигів і від війни,
Від героїзму і слави.

Нехай Господь юнакам твоїм
Найлегший шле екзамен,
Нехай щасливо до шлюбу йдуть
Дівчата твої — Amen!

XI
Аж ось відомий Чорний ліс,

Що В'ятрович заніс в аннали.
Аж ось класичні багна ті,
Що комусь могилою стали!

Його подолав тут один відчайдух,
Шухевич со рицарі дужі.
Український національний дух
Родився в цій калюжі.

Своїми білявими ордами тут
Не виграй Бандера бою —
Свободи нашої не було б,
Жили в Воркуті б з тобою.

У нашій Вітчизні мали б ми
Російською говорити.
В Одесі б самі москальки жили,
Євреї біля корита.

Прем'єром був би якийсь Яценюк,
Жандармом якась там Згуладзе,
А маршалом був би якийсь Гелетей,
То гірше, ніж Климпуш-Цинцадзе.

А другом у нас самий дядько Сем,
А не якась Грабавскайте,
Живемо заводами – не грабежем,
Гей, браття, хутчіш наливайте.

Борці за правду йшли б у нас
На левів, гієн та шакалів —
В цирк, на арену, а не, як тепер,
На псів з жалюгідних журналів.

Один Нерон у нас би був,
Не тридцять шість Неронів.
Ми вени врізали б собі, щоб спастись
Від рабства та шпівонів.

Ура! Петро наш виграв бій,
І москалі геть ушились.
Пуйло з легіонами трупом поліг,
В Донбасі ми залишились.

І нація ми, і все у нас є,

І мова повна приваби,
У них акушер, у нас пупоріз,
Як по-інакшому – зрада!

Василько Шкляр письменник у нас,
Пише хороші балади
Про дурних москалів, а ще вчора він
Писав про статеві вади.

Щоправда, фільмів у нас нема
На рівні їх Голівуда,
Та й пес із ними, то пусте,
«Вечірній квартал» – наше чудо.

Великий Бандеро, ми вдячні тобі!
Недурно ж, повний блиску,
У Снятині пам'ятник ставлять тобі;
Я теж зголосивсь на підписку.

XII
Наснилась ніч, у лісі я
Один когось чекаю
В нічному лісі — і виття
Жахливе зачуваю.

Я думав, вовки, а то москалі
Страшними голосами
Кричать до мене в темноті:
«То ти тепер не з нами?»

Була біда, то разом ми
Стояли проти спільно,
А курочку з борща дістать
Ти вирішив роздільно?»

Я в гідну позу миттю став
І теплу сказав їм промову:
«Брати мої, той час настав,
Коли я з вами знову!»

«Брати-слов'яни! Душа моя
У вашім гурті радіє,
Де стільки шляхетних рідних душ
З любов'ю до мене вие!»

Словами важко мені сказати,
Що зараз я почуваю.
Ох, я оцю чудову мить
Навік запам'ятаю.

Спасибі, що ваша громада мене
З довірою зустріла,
Тим більше, що ви у мить скрутну
Радо ставали до діла.

В мені не помилились ви,—
Варто також відзнаки,
Що ви не вірили тим, хто казав,
Що я перебіг у собаки,

Що зрадник я і, дайте лиш час,
Піду в ворожі гофрати,—
Подібним наклепникам мені
Не личить відповідати.

Турецька куртка, що часом я
Вдягав, щоб зігріти плечі,
Вірте, не так мене гріла, щоб я
Забув про духовні речі.

Я був трохи турок і трохи лях,
А серцем – козак лишився.
Лиш трохи побавив своє нутро,
Проте на вас не нажився.

Козак я, і щастя козацьке моє
На ваше вельми схоже —
Допомагаймо самі собі,
То й Бог нам допоможе!»

Вовків такою промовою я
Без підготовки вразив,
Вони повірили мені...
А я проснувсь відразу.

XIII

Коли розійшовся нічний туман,
Побачив я край дороги
В ранковому світлі на хресті
Обличчя розп'ятого бога.

Мій бідний родич, бачу тебе —
І серце моє сумує,
Спаситель людства, що наші гріхи
Бравсь іскупити все!

Негарно з тобою вони повелись,
Пани з високої ради.
Та хто ж велів виступати тобі
Супроти церкви та влади?

На жаль, за твоєї доби книжок
Не вміли ще друкувати,
Не то спокійненько ти б видав свої
З небесних питань трактати.

Хоч цензор і викреслив би з них
Думки щодо лиха земного —
Цензура урятувала б тебе
Від розп'яття страшного.

Було б Нагірне Казання тобі
На інший текст проказати,
Душі і таланту ти досить мав
І міг би попів не займати!

Хитрих міняйлів ти з храму прогнав,
Бича ухопивши в руку, —
Нещасний, ти висиш тепер на хресті —
Ідеалістам в науку.

XIV

Мене схилило — я заснув,
І сон мені дивний снився,
Неначе я в казковій горі
У гетьмана опинився.

Сидів він на каміннім стільці
За камінним столом, як скульптура,
І постать його не така була,
Як уявляють, похмура.

Зо мною по залах підземних він,
Як з добрим гостем, тинявся;
Неначе антиквар, із своїх

Скарбів та курйозів пишався.

Мене навчав він, як булаву
В час битви тримати я маю;
Часом з мечів витирав він іржу
Полою свого горностаю.

У руки взяв він павиний хвіст
І заходився змітати
Столітній пил, що зброю вкривав,
Мечі, кольчуги, лати.

Він прапор витрусив і сказав:
«Це гордість моя найвища,
Що шовку ще досі не згризла міль,
Ані черва деревища».

Коли ж удвох прийшли ми в зал,
Де покотом на підлозі
Лежали озброєні бійці,
Старий сказав у тривозі:

«Тут треба тихіше нам говорить,
Щоб хлопців моїх не збудити;
Сто літ пройшло — і я мушу платню
Сьогодні їм платити».

І гетьман тихцем підходить до них
І кожному солдату
Кладе в кишеню крадькома
По золотому дукату.

Я здивувався, і він сказав:
«Не пропускаючи строку,
Дукат на брата я чесно плачу
Кожного сотого року».

В тім залі, де в німих рядах
Стояли при яслах коні,
Мій гетьман потирати став
Од радості долоні.

Він коні свої рахувати почав,
Дививсь їм на ноги і в зуби,
Лічба затяглася, і спрагло тряслись

Його пересохлі губи.

«Ні, все ще в мене мало їх,
І це мені серце крає.
Солдатів і зброї досить було,
А коней не вистачає!

Я ремонтерів розіслав
По всіх краях купувати
Для мене кращих жеребців,
Багато їх треба мати.

Діждуся коней і — тремти,
Напасників люта зграє,—
Звільню вітчизну і народ,
Що вірно мене чекає!»

Так мовив гетьман, а я гукнув:
«Та це ж нестачі звичайні!
Коли в тебе коней не повний комплект,
Бери ослів зі стайні!»

А гетьман мені сміючись відповів:
«Навіщо нам поспішати?
Рим не збудуєш протягом дня,
Для діла час треба мати.

XV

Я знову по залах з ним блукав
Під тінню громохких зводів,
А він зо мною про се й про те
Розмови довгі заводив.

Йому розказав я, як руські прийшли,
А потім, як прийшли німці,
Як били ми щораз слабаків,
Не гладили їх по голівці.

Ми все коло сильного, віра в нас
То грецька, то католицька,
То ми атеїсти, а то православні,
Хапаємо грубшу ми цицьку.

Ах ти, нахабо,— відкіль принесла
Тебе нечиста сила?

Зажди, хлоп'я, підріжу я
Твої зухвалі крила!

Замовкни! Жовч вивертає в мені
Твоя страшна бравада.
Ти бунтівник, і подих твій —
Страшна державна зрада».

З такою люттю мене він кляв
І так проклинав без міри,
Що й я не стримавсь і виклав свій
Таємний символ віри:

«Гей, гетьмане, годі байок,
Що втратили принаду!
Лягай та спи, без тебе ми
Самі дамо собі раду!

Нас ліберали піднімуть на сміх,
Коли нас очолювать буде
Така коронована мара,—
Вони дотепні люди.

Найкраще буде лишитись тобі
У тій горі, у себе,
Бо, правду кажучи, давно
Нам гетьмана не треба!»

XVI

Отак посварився з гетьманом я,
Та тільки вві сні – зрозуміло,
Не сміємо ми говорити наяву
З сильними світу так сміло.

У сні лише, в ідеальному сні
Може хлоп відкривати
Рагульські погляди, що звук
У вірнім серці ховати.

Верхами похитували дуби,
Ялиці, сповнені болю,
Схилялись сумно, і я гукнув:
«Прости мені, мій королю!

Пробач мені лайливі слова!

Що ти мудріший, знаю,
Але мені увірвався терпець,—
Приходь, гетьмане, чекаю!

А гріх содомський не до душі —
Добре! Роби по-свому
Паскудників можеш карати мечем
І вішать міщан по-старому..

Або ж навпаки — підсмикуй дворян,
Креакли з селянами згодні,
Щоб голови кат відтинав їм мечем;
Всі ми створіння Господні.

Страхітний грішникам Божий суд
Не бійся поновити,
На церкви, чи там на віри, народ
Знов можеш поділити.

Священну Римську імперію знов
В наш вік поверни криваву,
Верни разом з тим огидним дрантям
Її ганебну славу.

Середньовіччя маячню,
Усю його гнилизну
Стерпів би я, – лише нас звільни
Від гермафродитизму

Одвічного лицарства, що в нім
Змішали в безформну масу
Хатині жах і нову маячню,
Воно ж — ні риба ні м'ясо.

Закрий цей балаган, розжени
Комедіантів зграю,
Що грається в старовину,
А сам приходь — чекаю!»

XVI

Ох! Привиди підхопили мене,
І я опинився в пустелі,
І тут мене прикували вони
До прямовисної скелі.

Жахлива орлиця, страшенно брудна,
На мене налетіла —
Була то сама Фаріонша чумна,
І в неї кігті і крила!

Вона обернулась фашистським орлом!
Він кігтями вп'явсь мені в тіло!
Він серденько рвав з грудей моїх,
Кричав я й стогнав безсило.

Я довго стогнав — закричали півні,
Мій сон розвіявсь марою.
Лежу я в ліжку, і вже не орел,
Реальність сумна наді мною.

XVI

Прибув я до неньки — від щастя вона
Злякалась до нестями,
Гукнула: «Сину любий мій!»
І аж сплеснула руками.

«Мій сину, ти тринадцять літ
Себе примусив ждати
І, мабуть, дуже зголоднів —
Чим тебе годувати?

Є риба, ковбаси, є коровай
Є кабачки з грибами...». —
«Дай ковбаси та діставай
Свою панчошу з грошима».

І поки я з апетитом їв,
Сміялась від радості мати,
А потім про се, а там і про те
Мене заходилась питати:

«Чи маєш догляд, сину мій,
На чужині хоч трохи?
Чи добре латає дружина твоя
Твої сорочки й панчохи?»

«Чудова вечеря, матінко,
Та слід її мовчки з'їдати —
Буває, що в горлі застрягне кусок;
Краще давай мовчати».

«Скажи, мій сину, в них чи у нас
Краще живеться людині?
Кому перевагу ти віддаєш,
Мій синку, якій країні?»

«Певно, що там, – там духовність,
Там розмаїття ідей,
Там люди ніколи не плачуть,
Без мук родять жінки дітей.

Зате у нас добра ковбаска,
Вгодованих більше гусей,
Матінко! Як ваша ласка,
Подайте печених курей.

А матінка знов почала
Цікавитись, питати;
Такі запитання гострі були —
Не знав я, що їй сказати.

«Ти й досі політиці вірний чи вже
Давно розпрощався з нею?
До котрої партії тепер
Належиш ти душею?»

«Чудовий, матінко, помаранч!
Ти бачиш — я радо ковтаю
Солодкий, пахучий сік, але
Лушпиння геть викидаю».

XVII

Пішов я, оглянув своє село:
Село моє оживає,
А он пасовище, де пастушок
Дівок за литки хапає.

А ось наш клуб, де я колись
З хлопцями сильно побився,
Ось і кафешка, де перший раз
Горілкою я отруївся.

Церква наша гарненька стоїть,
Пройшла крізь часу призму,
Чи православна тепер, чи ні?
Там був музей атеїзму.

Її християни щирі гуртом
Грошима порядкували,
Одні заробляли своїм горбом,
А другі з бюджету крали.

XVIII

Змінилось містечко, та більш значні
В народі знайшов я зміни.
Блукають розбиті й похмурі всі,
Немов живі руїни.

Кошавий ще більше схуд, товстий
Давно нагадує льóху.
Постаршали діти, а хто старий —
Здитинюється потроху.

Кого телям я покинув колись —
Биком реве тепера,
Гусята вийшли в гусаки,
Убрались в пишні пера.

Сусідку стару я також зустрів,
Поглянув – Боже Всевишній!
Придбала собі нові цицьки
І зуби білосніжні.

Залишився пива продавець,
Колишній мій друг, до речі,—
Здалеку не відрізнити його
Від Іоанна Предтечі.

Ще і дільничного зустрів,
Що все мені вішав кайдани,
Було за що, не гніваюсь я,
В дуже лихому він стані.

Ми привітались. В старого з очей
Скотилась холодна сльозина.
Він вельми радий, що бачить мене!
Дуже химерна картина.

Не всіх я бачив. Лютий час
Веде нас у домовину,
Секретаря райкому, либонь,

Тут більше не зустріну.

З атеїстичної душі
Упали земні закови,
Тепер він плаває, як серафим,
Перед престолом Єгови.

Містяни тут зроду-віку живуть
Хрещені та нехрещені.
Однаково пильно дбають вони
Про справи своєї кишені.

Хрещені порядні всі, як один,
Садиби у них чудові,
Ану позич в них пару рублів —
Побачиш, які гонорові...

Серед євреїв знову розкол,
Дві протилежні програми:
Старі не кидають синагог,
Нові відвідують храми.

Нові євреї свининки шматочок
Готові тепер ковтнути.
Старі – кошерні, але також
Добрі баламути.

Люблю і старих я, люблю й нових,
Клянуся Господом цноти,
Та значно більше я рибку люблю,
Що зветься — «Ріжськіє шпроти».

XIX

Надвечір по вулицях сновигать
Виносить мене зі світлиці,
Живої душі шукає душа,
Бажано — в білій спідниці.

В подібні хвилини всю душу мою
Сповняє чуття блаженне,
Тепер не поет я, я – ловелас,
Жінки всі – прекрасні Єлени.

Поруч із кнайпою бачу я
Величну жінку, — не всюди

Побачить можна і не завжди
Такі величні груди.

Було в неї повне і свіже лице,
В очах розцвітали блавати,
Трояндові щоки, як вишні — уста,
От тільки ніс — сизуватий.

Туніка біла на литки
Звисала в тієї матрони.
Литки! У неї ноги були
Мов дві дорійські колони.

Натури людської вона,
Здавалось мені, достоту,
І тільки її надприродний зад
Виказував вищу істоту.

Вона до мене підійшла,
З приїздом привітала:
«Тринадцять літ ти в нас не був,
А бачу — змінився мало.

Ти, мабуть, шукаєш створіння ті,
Що в цих місцях з тобою
Колись блукали ночами без сну
Мрійливою юрбою.

Давно вже поглинуло їх життя,
Страхітна гідра стоглава,—
Ні подруг давніх, ні давніх днів
Не знайдеш ти, от в чім справа.

Не знайдеш тих гордих квітів, яким
Душа твоя гімн співала.
Вони тут цвіли, та давно одцвіли,
Давно їх буря зламала.

Обірвано, збито, розтоптано їх
Судьби важкою стопою,—
Мій друже, такий кінець на землі
Всього, що зветься красою!»

«Та хто ж ти? — гукнув я.— Чи не тебе
Я бачив у сні старому?

Де ти живеш? Чи можна мені
Тебе провести додому?»

«Ти помилився, друже мій,—
Вона засміялася дзвінко.—
Я зовсім не те, що думаєш ти,
Я дуже порядна жінка.

Але, я бачу, тремтить душа
Твоя, співець, благородна.
Ти проведеш мене й тепер?
Ну що ж, ходім — я згодна!»

І сміючись я відповів:
«Не битиму одбою —
Іди вперед, а я піду
Хоч в пекло за тобою!»

XX

Не знаю, як опинився я
У неї перед дверима.
По сходах, мабуть, мене підняла
Могутня сила незрима.

В кімнатці цієї богині для нас
Чудова мить настала.
Богиня призналась, що давно
До мене симпатію мала:

«Кохала тебе, і ще дотепер
Портрет твій над ліжком у мене.
Вінчас свіжий бузковий вінок
Обличчя твоє натхненне.

Даремно тільки наших синів,—
Кажу тобі щиро, як мати,—
Своїм бичем шмагаєш ти...
Треба вже з цим кінчати.

Я сподіваюсь, що життя
Чогось таки навчило
І толерантнішим тебе
Навіть до дурнів зробило».

«Моя богине,— я їй відповів,—

Одне лиш для мене ясно:
Зустрілись ми із тобою тоді,
Так, як і зараз, – невчасно.

Еге ж, в мене діти? Та можеш ти
Мене коньяком підсвіжити,—
І, правду сказати, добре було б
У склянку пива підлити».

Вночі зітхав я і сумував
За Голгофою суму й любові,
Де ніс свого юнацтва хрест
І мій вінок терновий.

Хотів я ридати там, де колись
Доводилося ридати,
Совість з'їдала мене цілком,
Ото почуття дурнувате!

По суті — це хворість; і ми на цім
Довго спинятись не будем.
Забудемо й заспіваємо гімн:
«Най буде все, як буде!»

XXI

Богиня заварила чай,
Ром влила для звичаю,
Але сама той ром пила,
Як водиться, без чаю.

Чоло схилила на плече
Вона мені, холщову
При цьому зім'явши корону свою,
І так почала розмову:

«Не їдь нікуди, лишайсь у нас,
Забудь спокуси нечисті,
Ти знайдеш безліч тихих розваг
У нашому товаристві.

Лишайся у нас, тут тобі
Краще тепер буде жити;
Ми йдемо вперед, ти, певно, й сам
Значний прогрес помітив.

Свободу думки маси у нас
Безмежну і повну мають,
Обмежень зазнають лиш ті,
Що руку даючу кусають.

Сваволя? Її не знали ми!
Без постанови влади
Ми й демагога не зняли б
З державної посади.

Не все так погано в нашому домі,
Трапляються дрібниці,
А з голоду ще ніхто не вмирав
Не всі сидять у в'язниці.

XXII

Майбутнє наше можеш ти
Спокійно лицезріти,
Візьми пульта від ящика,
Доки не повернулись діти».

Що бачив там — я не скажу,
Хоч як би кому не кортіло,
Сказати можу лиш одне —
Боже, як там смерділо!

Тяжко, признаюсь, було мені
Канали перемикати,
Та сам я собі присягнув:
«Мовчати, мовчати, мовчати!»

Насильство, що ніби зогнило
І лиш історично смерділо,
Вколело безліч своїх отрут
В нове державницьке тіло.

Смердів навіть привид пресвятий,
Той труп у вічній обнові,
Що з безлічі людей і держав
Висмоктав досить крові,

Смерділи ведучі і глядачі,
Якісь політичні експерти.
Хто так смердить за життя, то як
Смердітиме після смерті?

Смерділо мопсом, таксою, псом,
Що плазом на пузі, мов гади,
Поперед троном та олтарем
Лизали блювотину влади.

Я втратив свідомість, а пробудивсь —
Сидів, як раніш, під боком
В богині, й лежала моя голова
На бюсті її широкім.

«Лишайсь у мене, тебе я люблю,
Ми їсти і пити будем
Сучасності устриці і вино,
А темне майбутнє забудем».

Твої славні діти там, за вікном,
Колони струнко шикують.
З факельним маршем, співом, вином,
Голодомор святкують.

Кружляє, гасає, вирує народ —
Танцює танок смолоскипів.
Буде промова, а потім парад
Партій і логотипів.

Приходить великомудрий мер,
Старшина сивочола,
Відкашлюється котрийсь радикал,
Про москалів буде мова.

Прийшло духівництво всіх мастей,
Всі як один – богослови.
О боже, і рабин прийшов,
Ударник Перебудови.

Старих лицемірів слухаю я,
І душить безсила злоба,
Але дарма — зведе їх в труну
Брехні гнила хвороба.

XXIII

Нове покоління, що вироста,
Не піде стежками старими!
Я — з вільними духом новими людьми,
Усі мої помисли — з ними.

Квітує вже молодь, яка збагне
Поетову честь і гідність,
Зігріється в сонці його душі,
Свою з ним відчувши рідність.

Мов полум'я, чиста душа моя
І повна світла і віри;
Безсмертні богині краси натягли
Струни моєї ліри.

Пораду дам о, владо, тобі:
Вшановуй якнайвище
Мертвих поетів і спокій дай
Поетам, що живі ще.

Живих поетів не зневажай,
Є полум'я в них і стріли,
Страшніші Зевсових блискавиць,
Те, що поети створили.

Богів зневажай старих і нових
І всю олімпійську зграю,
Найвищого Єгову ганьби,
Одного поета — до раю!

Безжалісні боги наших гріхів
Не звикли нам дарувати,
У пеклі лютий вогонь горить —
І треба в ньому палати!

Та все-таки є святі, що з вогню
Врятують нас при потребі
За свічку чи за спомін душі,
Бо є ще протекція в небі.

Непорушні пекельні ворота Христос
Зламає в день Страшного Суду,
Та навіть від праведного судії
Чимало врятується люду.

Але є пекло — потрапиш туди,
Ніщо вже не допоможе,
Ні меси, ні молитви, ні свічки,
Ані заступництво Боже.

Чи чув ти про Дантове «Пекло» колись,
Про грізні його терцини?
Кого засудить туди поет,
Той вже там і загине.

Новітній вельможа, поетів спів,
Дійде хай до серця твого,
А будеш комизитись, ми зашлемо
В те пекло й тебе самого!

Переспівав поему Г. Гайне «Німеччина. Зимова казка» Микола Сміливий, за допомогою Леоніда Первомайського

Iris Murdoch. Something Special

‘Why wouldn’t you take him now?’ said Mrs Gears. She was setting the evening papers to rights on the counter.

Yvonne sat a stride across the middle of the shop. She had it tilting precariously and was rubbing her small head against the wood of the back, while her long legs were braced to prevent herself from toppling over. In answer to the question she said nothing.

‘She’s cross again,’ said her uncle, who was standing at the door of the inner room.

‘Who’s she? She’s the cat!’ said Yvonne. She began to rock the chair violently to and fro.

‘Don’t be breaking down that chair,’ said her mother. ‘It’s the last we have of the decent ones till the cane man is back. Why wouldn’t you take him is what I asked.’

Close outside the shop the tram for Dublin came rattling by, darkening the scene for a moment and making little objects on the higher shelves jump and tinkle. It was a hot evening and the doors stood wide open to the dust of the street.

‘Oh leave off, leave off!’ said Yvonne. ‘I don’t want him, I don’t want to marry. He’s nothing special.’

‘Nothing special is it?’ said her uncle. ‘He’s a nice young man in a steady job and he wants to wed you and you no longer so young. Or would you be living all your life on your ma?’

‘If you won’t wed him you shouldn’t be leading him up the garden,’ said her mother, ‘and leave breaking that chair.’

‘Can’t I be ordinary friends with a boy,’ said Yvonne, ‘without the pair of you being at me? I’m twenty-four and I know what I’m about.’

back. Why wouldn’t you take him is what I asked.’

Close outside the shop the tram for Dublin came rattling by, darkening the scene for a moment and making little objects on the higher shelves jump and tinkle. It was a hot evening and the doors stood wide open to the dust of the street.

‘Oh leave off, leave off!’ said Yvonne. ‘I don’t *want* him, I don’t *want* to marry. He’s nothing special.’

‘Nothing special is it?’ said her uncle. ‘He’s a nice young man in a steady job and he wants to wed you and you no longer so young. Or would you be living all your life on your ma?’

‘If you won’t wed him you shouldn’t be leading him up the garden,’ said her mother, ‘and leave breaking that chair.’

‘Can’t I be ordinary friends with a boy,’ said Yvonne, ‘without the pair of you being at me? I’m twenty-four and I know what I’m about.’

‘You’re twenty-four indeed,’ said her mother, ‘and there’s Betty Nolan and Maureen Burke are married these three years and they in a lower form than you at school.’

‘I’m not the like of those two,’ said Yvonne.

‘True for you!’ said her mother.

‘It’s the women’s magazines,’ said her uncle, ‘and the little novels she’s for ever reading that are putting ideas in her head until she won’t marry except it’s the Sheik of Araby.’

‘It’s little enough she finds to do with her time,’ said her mother, ‘so that she’s always in there in the little dark room, flat on her turn with her nose inside a novel till it’s a wonder her two eyes aren’t worn away in her head.’

‘Can’t I live my life as I please,’ said Yvonne, ‘since it’s the only thing I have? It’s that I can’t see him as something special and I won’t marry him if I can’t.’

‘He’s one of the Chosen People,’ said her uncle. ‘Isn’t that special enough?’

‘Don’t start on that thing again,’ said her mother. ‘Sam’s a nice young fellow, and not like the run of the Jew-boys at all. He’d bring the children up Church of Ireland.’

‘At that,’ said her uncle, ‘it’s better than the other lot with the little priest after the m the whole time and bobbing their hats at the chapel doors so you can’t even have a peaceful ride on the tram. I’ve nothing against the Jews.’

‘Our Lord was a Jew,’ said Yvonne. ‘Don’t be saying bold things like that!’ said her mother.

‘Our Lord was the Son of God,’ said her uncle, ‘and that’s neither Jew nor Greek.’

‘Is it this evening the Christmas card man is coming?’ said Yvonne.

‘It is,’ said her mother, ‘though why they want to be bothering us with Christmas cards in the middle of summer I’m at a loss to know.’

‘I’ll wait by and see him,’ said Yvonne. ‘You always pick the dull ones.’

‘I pick the ones that sell,’ said her mother, ‘and don’t you be after hanging around acting the maggot when Sam comes, there’s little enough room in there.’

‘If you were married at least you’d be out of this,’ said her uncle, ‘and it isn’t your ma you’d be sharing a bed with then, and you always complaining about the poky hole this place is.’

‘It is a poky hole,’ said Yvonne, ‘but then I’d be in another poky hole some other place.’ ‘I’m tired telling you,’ said her mother, ‘you could get one of those new little houses off the Drumcondra Road. The man in Macmullan’s shop knows the man that keeps the list.’

‘I don’t want a new little house,’ said Yvonne. ‘I tell you I don’t see him right and that’s that!’

‘If you wait till you marry for love,’ said her uncle, ‘you’ll wait ten years and then make a foolish match. You’re not Greta Garbo and you’re lucky there’s a young fellow after you at all. Sensible people marry because they want to be in the married state and not because of feelings they have in their breasts.’

‘She’s still stuck on the English lad,’ said her mother, ‘the tall fellow, Tony Thingummy was his name.’

‘I am not!’ said Yvonne. ‘Good riddance to bad rubbish!’

‘I could not abide his voice,’ said her uncle. ‘He had his mouth all prissed up when he talked, like a man was acting in a play.’ ‘Isn’t it the like of the bloody English to win the Sweep again this year?’ said her mother.

‘He brought pie flowers,’ said Yvonne. ‘Flowers is it!’ said her uncle. ‘And singing little songs to you you said once!’

‘He was a jaunty boy,’ said her mother, ‘and a fine slim thing with some pretty ways to him, but he’s gone now. And you wait till you see what Sam’ll bring you one of these days.’

‘Ah, you’re potty with that diamond ring story,’ said her uncle. ‘You’ll turn the child’s head on her. That fellow’s as poor as we are.’

‘There’s nobody is as poor as we are,’ said Yvonne.

‘He’s a hired man,’ said her uncle. ‘I don’t deny he may get to have his own tailoring shop one day and be his own master. I can see that in him, that he’s not a Jew for nothing. But he’s no fancy worker now and he’s poorly off.’

‘Those ones are never poor,’ said her mother. ‘They just pretend to be so their own people won’t be taking their bits of money off them.’ ‘It’s near his time to come,’ said Yvonne. ‘Don’t be talking about him when he comes in, it’s not manners.’

‘Listen who’s mentioning manners!’ said her uncle.

‘You recall the time,’ said her mother, ‘we met him at poor Mr Stacey’s sale and we went to Sullavan’s bar after and he paid for two rounds?’

‘He was for catching Yvonne’s eye,’ said her uncle, ‘with flashing his wad around. I’ll lay he had to walk home.’

‘You’re a fine one,’ said her mother, ‘and you telling me to encourage the child!’

‘Did I ever say she should marry him for his money?’ said her uncle.

‘Well, you’ll see,’ said her mother. ‘It’s the custom of those ones. When they want to be engaged to a girl they suddenly bring the diamond ring out and the girl says yes.’

‘If they do it’s on hire from the pop shop,’ said her uncle, ‘and it’s back in the window directly.’

‘What’s Julia Batey’s ring the n?’ said her mother, ‘and what’s her name, young Polly’s sister, who married Jews the pair of them, and it happened that way with both. One evening quite suddenly “I want to show you something” says he, and there was the ring and they were engaged from then. I tell you it’s a custom.’

‘Well, I hope you’re right I’m sure,’ said her uncle. ‘It might be just the thing that would make up the grand young lady’s mind. A diamond ring now, that would be something special, wouldn’t it?’

‘A diamond ring,’ said Yvonne, ‘would be a change at least.’

‘Perhaps he’ll have it with him this very night!’ said her mother.

‘I *don’t* think!’ said Yvonne.

‘Where are you off to anyway?’ said her mother.

‘I haven’t the faintest,’ said Yvonne. ‘Into town, I suppose.’

‘You might go down the pier,’ said her uncle, ‘and see the mail boat out. That would be better for you than sitting in those stuffy bars or walking along the Liffey breathing the foul airs of the river, and coming home smelling of Guinness.’

‘Besides, you know Sam likes the sea,’ said her mother. ‘He’s been all day long dying of suffocation in that steamy room with the clothes press.’

‘It’s more fun in town,’ said Yvonne. ‘They’ve the decorations up for Ireland At Home. And I’ve been all day long dying of boredom in Kingstown.’

‘It’s well for you,’ said her uncle, ‘that it’s Sam that pays!’

‘And I don’t like your going into those low places,’ said her mother. ‘That’s not Sam’s idea, I know, it’s you. Sam’s not a one for sitting dreaming in a bar. That’s another thing I like about him.’

‘Kimball’s have got a new saloon lounge,’ said Yvonne, ‘like a real drawing-room done up with flowers and those crystal lights. Maybe we’ll go there.’

‘You’ll pay extra!’ said her uncle.

‘Let Sam worry about that!’ said her mother. ‘It’s a relief they have those saloon lounges in the pubs nowadays where you can get away from the smell of porter and a lady can sit there without being taken for something else.’

‘Here’s the Christmas card man!’ said Yvonne, and jumped up from her chair.

‘Why, Mr Lynch,’ said Mrs Geary, ‘it’s a pleasure to see you again, who’d think a whole year had gone by, it seems like yesterday you were here before.’

‘Good evening, Mrs Geary,’ said Mr Lynch, ‘it’s a blessing to see you looking so well, and Miss Geary and Mr O’Brien still with you. Change and decay in all around we see. I’m told poor Mrs Taylor at the place in Monkstown has passed on since now a year ago.’

‘Yes, the poor old faggot,’ said Mrs Geary, ‘but after seventy years you can’t complain, can you? The good Lord’s lending it to you after that.’

‘Our time is always on loan, Mrs Geary,’ said Mr Lynch, ‘and who knows when the great Creditor will call? We are as grass which to-day flourisheth and to-morrow it is cast into the oven.’

‘We’ll go through,’ said Mrs Geary, ‘and Mr O’Brien will mind the shop.’

Yvonne and her mother went into the inner room, followed by Mr Lynch. The inner room was very dark, lit only on the far side by a window of frosted glass that gave onto the kitchen. It had a bedroom smell of ancient fabrics and perspiration and dust. Mrs Geary turned on the light. The mountainous double bed with its great white quilt and brass knobs and rails, wherein she and her daughter slept, took up half the room. A shiny horsehair sofa took up most of the other half, leaving space for a small velvet-topped table and three black chairs which stood in a row in front of the towering mantelshelf where photographs and brass animals rose in tiers to the ceiling. Mr Lynch opened his suitcase and began to spread out the Christmas cards on the faded red velvet.

‘The robin and the snow go well,’ said Mrs Geary, ‘and the stage-coach is popular and the church lit up at night.’

‘The traditional themes of Christmas-tide,’ said Mr Lynch, ‘have a universal appeal.’

‘Oh look,’ said Yvonne, ‘that’s the nicest one I’ve *ever* seen! Now that’s really special.’ She held it aloft. A frame of glossy golden cardboard enclosed a little square of white silk on which some roses were embroidered.

‘That’s a novelty,’ said Mr Lynch, ‘and comes a bit more expensive.’

‘It’s not like a true Christmas card, the fancy thing,’ said Mrs Geary. ‘I always think a nice picture and a nice verse is what you want. The sentiment is all.’

‘Here’s Sam,’ said Mr O’Brien from the shop.

Sam came and stood in the doorway from the shop, frowning in the electric light. He was a short man, ‘portly’ Mr O’Brien called him, and he could hardly count as handsome. He had a pale moon-face and fugitive hands, but his eyes were dark, and his dark bushy head of hair was like the brave plume of a bird. He had his best suit on, which was a midnight blue with a grey stripe, and his tie was of light yellow silk.

‘Come on in, Sam,’ said Mrs Geary. ‘Yvonne’s been ready this long time. Mr Lynch, this is Mr Goldman.’

‘How do you do?’ they said.

‘You’re mighty smart to -night, Sam,’ said Mrs Geary. ‘Going to have a special evening?’

‘We’re choosing the Christmas cards,’ said Yvonne. ‘Have you got any with the ox and the ass on, Mr Lynch?’

‘Here,’ said Mr Lynch, ‘we have the ox and the ass, and here we see our Lord lying in the manger, and His Mother by, and here the three Maji with their costly gifts, and here the angels coming to the poor shepherds by night, and here the star of glory that led them on. When Jesus was born in Bethlehem of Judaea in the days of Herod the King-’

‘I still like this one best,’ said Yvonne. ‘Look, Sam, isn’t that pretty?’ She held up the card with the golden frame.

‘You two be off now,’ said Mrs Geary, ‘and leave troubling Sam with these Christian things.’

‘I don’t mind,’ said Sam. ‘I always observe Christmas just as you do, Mrs Geary. I take it as a sort of emblem.’

‘That’s right,’ said Mr Lynch. ‘What after all divides us one from another? In My Father’s house are many mansions. If it were not so I would have told you.’

‘I’ll just get my coat,’ said Yvonne. ‘Don’t keep her out late, Sam,’ said Mrs Geary, ‘Good-bye now, and mind you have a really nice evening.’

‘Abyssinia,’ said Yvonne.

They left the cool musty air of the shop and emerged into the big warm perfumed summer dusk. Yvonne threw her head back, and pranced along in her high-heeled shoes, wearing the look of peuliant intensity which she always affected for the benefit of Sam. She would not take his arm, and they went a little aimlessly down the street.

‘Where shall we go?’ said Sam.

‘I don’t mind,’ she said.

‘We might walk a bit by the sea,’ said Sam, ‘and sit on the rocks beyond the Baths.’

‘It’s too windy down there and I can’t go on the rocks in these shoes.’

‘Well, let’s go into town.’

At that moment from the seaward side came a sonorous booming sound, very deep and sad. It came again, was sustained in a melancholy roar, and died slowly away.

‘Ah, the mail boat!’ said Sam. ‘Let’s just see it out, it’s ages since I saw it out.’

They walked briskly as far as the Mariners’ Church and turned along the front into the racing breeze. In the evening light the scene before them glowed like a coloured postcard.

The mail boat had its lights on already, making pale, shifting reflections in the water which was still glossy with daylight. As they came nearer the boat began to move very slowly, and drew away from the big brown wooden quay revealing upon it the rows and rows of people left behind agitating their white handkerchiefs in the darkening air. The scene was utterly silent. A curly plume of black smoke gathered upon the metallic water, hid the ship for a moment, and then lifted to show it gliding away between the two lighthouses, whose beams were kindled at that very time, and into the open sea. Beyond it a large pale moon was rising over Howth Head.

‘The moon hath raised her lamp above,’ said Sam.

‘I’ve seen the mail boat out a hundred times,’ said Yvonne, ‘and one day I’ll be on it.’

‘Would you like to go to England then?’ said Sam.

Yvonne gave him a look of exaggerated scorn. ‘Doesn’t every Irish person with a soul in them want to go to England?’ she said.

They walked more slowly back now, past the golden windows of Ross’s Hotel to take the Dublin tram. By the time they had climbed the hill the ship was half-way toward the horizon, its trail of smoke taken up into the gathering night, and

by the time they got off the tram at Nelson's Pillar the daylight was gone entirely.

'Now where would you like to go?' said Sam.

'Don't be eternally asking me that question!' she said. 'Just go somewhere yourself and I'll probably follow!'

Sam took her arm, which she let him hold this time, and walked her back toward O'Connell Bridge and along onto the quays. The Liffey flowed past them, oily and glistening, as black as Guinness, bound for Dublin Bay. It had not far to go now. Along the parapet at intervals, and hanging suspended from the iron tracery, of the street lamps, were metal baskets full of flowers, while a banner hanging on the bridge announced in English and in Irish that Ireland was At Home to visitors. There was a mingled smell of garbage and pollen.

Sam turned her toward the river, and was for lingering there in a sentimental way, his arm creeping about her waist. The moon was risen now over the top of the houses. But Yvonne said firmly, 'You'll get your death with the smell of the drains here. Let's go to Kimball's place and try the new saloon lounge.'

They turned up the side street that led to Kimball's. It was a dirty, dark little street, but a blaze of light and a good deal of hubbub at the far end of it declared the whereabouts of that hostelry. The ordinary bar, which had formerly been the only one, was in the basement, while on the street level was Kimball's grocery store, and above this the saloon lounge before mentioned. From the well of the stairs below came an odour of men and drink and the tinkling of a piano and an uproar of male voices.

Sam and Yvonne turned aside and mounted a brightly lit carpeted stairway, which smelt strongly of new paint, and emerged into the lounge. The door shut itself quietly behind them. Here everything was still. Yvonne walked across the heavy carpet and sat down on a fat chintz sofa and arranged her dress. In the gilded mirror behind the bar she could see the reflection of Sam's face as he ordered a gin and lime for her and a draught Guinness for himself. For an instant she concentrated the glow of her imagination upon him; but could only notice that he leaned forward in an apologetic way to the barman, and how absurdly his small feet turned out as he stood there. He gave the order in a low voice, as if he were asking for something not quite nice at the chemist's. A few couples sat scattered about the room, huddled under the shaded lights, murmuring to each other.

When Sam came back with the drinks Yvonne said loudly, 'You'd think you were in a church here, not in a public-house!'

'Sssh!' said Sam. One or two people stared. Sam sat down close beside her on the sofa, trying to make himself shrink. He edged nearer still, but curling into himself like a hedgehog so as to be as near as possible without giving offence. He put down his glass on the table and began laboriously in his mind the long search for words, for the simple words that would lead on to the more important ones. His pale stumpy hand caressed Yvonne's bony brown hand. Hers lay there listlessly in a way that was familiar to him. He squeezed it a little and tried to draw her back towards him, deeper into the sofa. So they sat there awhile in

silence, Sam searching and holding, and Yvonne stiff. The upholstered stillness around them was not good for their talk. The barman chinked a glass and everyone in the room jumped.

‘This place gives me heart disease,’ said Yvonne. ‘It’s like a lot of dead people giving a party. Let’s go and see what it’s like downstairs. I’ve never been downstairs here.’

‘It’s not nice,’ said Sam. ‘Ladies don’t go downstairs. Why not let’s go back to Henry Street? There’s the little coffee bar you liked once.’

‘That was a silly place!’ said Yvonne. ‘I’m going downstairs anyway. You can do as you like.’ She said this in a loud voice, and then got up and walked firmly toward the door. Sam, red with embarrassment, jumped up too, took a hasty pull at his drink, and followed her out. They descended into the street and took the iron staircase that led to the basement. The noise and the smell were stronger than before.

Yvonne hesitated half-way down. ‘You’d better lead,’ she said. Sam stumbled past her and pushed at the blackened door of the bar. He had never been down those stairs either.

They came out into a very big low-roofed room with white tiled walls and blazing unshaded lights. The floor was slimy with spilt drink and beery sawdust and the atmosphere was thick. The pounding repetitive beat of a piano, its melody absorbed into the continuous din of voices, was felt rather than heard. A great many men who were adhering to a circular bar in the centre, turned to stare at Yvonne as she entered. It looked at first as if no women were present, but as the haze shifted here and there it was possible to discern one or two lurking in the darkened alcoves.

‘There *are* women here!’ called Yvonne triumphantly.

‘Not nice ones,’ said Sam. ‘What’s your drink?’ He hated being looked at.

‘Whisky,’ said Yvonne. She refused to sit down, but stood there swaying slightly and holding onto one of the ironwork pillars that circled the bar. The men nearby studied her with insolent appreciation and made remarks. She coloured a little, but stared straight in front of her, bright-eyed.

It was not easy for poor Sam to get at the bar. The clients who were standing in his way were in no hurry to move, though they looked at him amiably enough. The bartender, an infernal version of his upstairs colleague, pointedly served two later-comers first, and then with ironic politeness handed Sam the drinks.

‘Isn’t this better than up there?’ Yvonne shouted, seizing her glass from him as he got back to her side.

‘That’s the stuff’ll put the red neck on you!’ observed a man with a penetrating voice, who was standing close to Yvonne.

‘Your mother something or other,’ Sam shouted back, propelling Yvonne fussily into a space in the middle of the floor, where he stood holding tightly onto her arm.

She stopped trying to hear his voice and gave herself up to the pleasure of being part of such a noisy crowded drunken scene. By the time she had sipped

the half of her whisky she was perceptibly enjoying • herself very much indeed. Upon the confused flood of noise and movement she was now afloat.

After a short while there was something quite particular to watch: a little scene which seemed to be developing on the near side of the bar. Someone was waving his arms and shouting in an angry voice. Whereon the publican in even higher tones was heard to cry, 'Just raise your hand again, mister, and you're out in the street! Patsy, put that gentleman out in the street!'

People crowded quickly forward from the alcoves to see the fun. The piano stopped abruptly and the sound of voices became suddenly jagged and harsh. A woman with a red carnation in her hair and an overwhelming perfume came and stood beside Yvonne, her bare arm touching the girl's sleeve. Yvonne could see at once that she was not a nice sort of woman at all, and she removed herself from the contact. The woman gave her a provoking stare.

'Time for us to make tracks,' said Sam to Yvonne.

'Ah shut up!' she said, looking past him with glowing eyes to where the drama was unfolding.

A tall thin young fellow, the prey designate of Patsy, was swaying to and fro, still flourishing his fist, and trying to make a statement, intended no doubt as insult or vindication, but whose complexity was such that he began it several times over without succeeding in making himself clear. His antagonist, a thick man with a Cork accent, who accompanied the se attempts with a continual sneering noise, suddenly gave him a violent jab in the stomach. The young man oscillated, and lurched back amid laughter, with a look of extreme surprise. To keep his balance he twisted dexterously about on his heel and found himself face to face with Yvonne.

'Ah!' said the young man. He stood there poised, frozen in the gesture of turning, with one hand outstretched ballet-wise, and slowly allowed a look of imbecile delight to transfigure his features. Another laugh went up.

'Ah!' said the young man. 'I thought the flowers were all falling, but here is a rose in the bud!' He seemed to have found his tongue.

The woman with the red carnation clapped Yvonne on the shoulder. 'Come along the little pet,' she cried, 'and give the kind gentleman a good answer!'

The thin young man turned upon her. 'You leave the young lady alone,' he shouted, 'she isn't your like!' And with that he darted out his hand and plucked the red carnation from the woman's hair and thrust it with another lurch into the bosom of Yvonne's frock. There was a roar of applause.

Yvonne sprang away. The woman turned quick as a flash and slapped the young man in the face. But quicker still the woman's escort, a brown man with an arm like an ape, had snatched the flower back from where it hung at Yvonne's breast and given her a push which sent her flying back against the wall. There was a momentary delighted silence. People by now had climbed on chairs to get a better view, and tiers of grinning unshaven faces peered down through the haze. Yvonne was crimson. For a moment she leaned there rigid, as if pinned to the tiles. Then Sam had taken her by the hand and was leading her quickly out of the bar.

Before the heavy doors were shut again they heard the yell which followed them up into the street. 'It's safer upstairs, mister!' screamed a woman's voice.

When Yvonne got out onto the pavement she wrenched her hand away from Sam and began to run. She ran like a hare down the dark and ill-smelling street toward the open lamplight of the quays, and here Sam caught her up, leaning against the parapet of the river and drooping her head down and panting.

'Oh my dear darling, didn't I -' Sam began to say; but he was interrupted. Out of the hazy darkness beyond the street lamps a third figure had emerged. It was the thin young man, also at a run. He gripped Sam by the arm.

'No offence, mister,' said the young man, 'no offence! It was a tribute, a sincere tribute, from one of Ireland's poets — a true poet, mister —' He stood there, still holding onto Sam with one hand, and staring wide-eyed at Yvonne, while the other hand fumbled in his coat pocket.

'That's all right,' said Sam. 'It wasn't your fault surely. We've just got to go now.' He began gently but vigorously to detach the clutching fingers from his arm.

The young man held on tight. 'If I could only find me bloody poem,' he said, 'a sincere tribute, a humble and sincere tribute, to one of the wonders of Nature, a beautiful woman is one of the wonders of Nature, a flower —'

'Yes, yes, all right,' said Sam. 'We don't mind, we've just got to go now to get our tram.'

'— fitting homage,' said the young man. 'Sweets to the sweet!' He let go abruptly of Sam and struck a graceful attitude. The pose proving too difficult to maintain, he heeled over slowly against the edge of the quay and came into violent contact with one of the metal flower baskets.

'Did I mention flowers?' he cried. 'And here they are! Flowers for her, for a gift, for a tribute —' He plunged his fingers into the basket and brought out a handful of geraniums together with a great quantity of earth, all of which fell to the ground in a heap, partly engulfing Yvonne's shoes.

'Come on!' said Sam. But Yvonne had already turned and was walking away very fast, swinging her arms, and shaking her feet as she walked in order to get some of the earth out. Sam followed quickly after her, and the young man followed after Sam, still talking.

'What is her name?' he was crying in an aggrieved tone. 'What is her name, who makes rose petals rain from heaven, and with oh such eyes and lips, this was something that I spoke about in a poem —' And as they walked on, the three of them, in Indian file and with quickening pace in the direction of O'Connell Street, the young man plucked the flowers from the baskets and drew their stems through his fingers to gather tight handfuls of petals which he cast high over Sam's head so that they should rain down upon Yvonne.

'Now then, young fellow,' said the policeman, who suddenly materialized as the little procession neared O'Connell Bridge. 'Let me remind you it's public money is spent on those flowers you are defiling in a way renders you liable for prosecution.'

'Nature intended —' the young man began.

‘That may well be,’ said the policeman, ‘and I intend to have you up for wilful and malicious damages.’ The two figures converged. Sam and Yvonne drew away.

As they were passing Hannah’s bookshop Sam caught up with her. Her face was stony. He began to ask her was she all right.

At first she would say nothing, but turned savagely away over the bridge in the direction of Westmoreland Street. Then she cried in a weary voice, ‘Oh be silent, I’ve enough of y this, just come to the tram.’

Sam raised his hands and then spread them out, opening the palms. For a while he trotted behind her in silence, his plume of black hair bobbing over his eyes. ‘Yvonne,’ he said then, ‘don’t go away yet. Let me just make you forget those things. You’ll never pardon me if you go away with those things between us.’ Yvonne slowed her step and looked round at him sullenly. ‘It isn’t that anything matters,’ she said, ‘or that I’m surprised at all. It’s that I thought it might be - a specially nice evening. More fool me and that’s all!’

Sam’s hands clasped themselves in front of him and then spread wide once more. He made her stop now and face him. They were well up the street. ‘It can be still,’ he said urgently, ‘a special evening. Don’t spoil it now by being cross. Wait a bit. It’s not the last tram yet.’

Yvonne hesitated, and let Sam pull her limp arm through his. ‘But where can we put ourselves at this hour?’

‘Never you mind!’ said Sam with a sudden confidence. ‘You come along with me, and if you’re a good girl there’s something special I’ve got to show you.’

‘Something — to show me?’ said Yvonne. She let him lead her along in the direction of Grafton Street. As they turned the corner Sam boldly locked his fingers through hers and kneaded her thin hand in the palm of his own. She welcomed him with a very little pressure. So they walked the length of the street linked in a precarious and conscious hold. The dark mass of Stephen’s Green was appearing now in front of them and they crossed the road towards it. A few people were gathered still in the golden glow outside the Shelbourne, but on the farther side of the square there was no one. Sam began to draw her along, slinking close beside the railings.

‘I’m destroyed walking in these shoes,’ said Yvonne. ‘Where is the place you are going to?’

‘Here it is,’ said Sam. He stopped and pointed suddenly to a gap in the railings. ‘There’s a rail out and we can go through inside the garden.’

‘It’s not allowed,’ said Yvonne, ‘it’s shut to the public now.’

‘We’re not the public, you and me,’ said Sam. He put his feet boldly through the hole and ducked to the other side. Then with authority he pulled the girl in after him.

She gave a little cry, finding herself in a tangle of damp undergrowth. ‘It’s horrid in here, my stockings are tearing!’

‘Give me your hands back,’ said Sam. He took both her hands and half-lifted her out onto a dark lawn of grass. She took a few steps across its moist spongy surface and then felt the hard grit of the path underneath her feet. They emerged

into bright moonlight beside the water. The big moon looked up at them from the lake, clear-cut and almost full, intensely bright.

‘Oh dear!’ said Yvonne, silenced for a moment by the ghosdy radiance. They stood hand in hand looking into the black mirror of the lake, their long moon-shadows stretched out behind them.

Yvonne began to peer nervously about her. ‘Sam,’ she said in a whisper, ‘I don’t like this being here, someone’ll find us, please let us go back—’

‘I won’t hurt you,’ said Sam, whispering to o in a caressing exultant tender whisper, ‘I’ll look after you, I’ll always look a fter you. I just wanted to sho w you something nice.’ ‘Well - ?’ said Yvonne. She followed him a few steps as he moved, and looked up into his face.

‘Here it is,’ said Sam.

‘Where?’

‘Here, look -’ He reached his hand towards a dark shape.

Yvonne recoiled from him violently. What seemed a monster was there in the darkness. Then she made out that there was a fallen tree lying right across the path beside the lake, its topmost branches just touching the water. ‘What is it?’ she said with revulsion.

‘A fallen tree,’ said Sam. ‘I don’t know what kind.’

Yvonne looked at him. She sa w his t wo eyes gle am a lmost c at-like i n the darkness in the light of the reflected moon, but they were not looking at her.

‘But you were going to show me something.’

‘Yes, this, the poor tree.’

Yvonne was dumb for a moment. Then she came choking into s peech. ‘This was it then you stopped me from the tram for and made me walk a mile for and tear my stockings, just a dirty rotten maggoty old tree!’ Her voice rose higher and she hit out wildly with her hand, whipping a flurry of foliage across Sam’s round moonlit face.

‘But no,’ said Sam, quite calmly now beside her, ‘only see it, Yvonne, be quiet for a minute and see it. It’s so beautiful, though indeed it’s a sad thing for a tree to lie like this, all fresh with its green leaves on the ground, like a flower that’s been picked. I know it’s a sad thing. But come to me now and we’ll be a pair of birds up in the branches.’ He took her against her will and drew her to him among the rustling leaves which lay in a tall fan across the path. He kissed the girl very gently on the cheek.

Yvonne got free of his grasp and stumbled back, beating away the leafy twigs from her neck. ‘Was this all?’ she said with violence. ‘Was this a ll that you wanted me to see? It’s nothing, and I hate it. I hate your beastly tree and its dirt and the worms and beetles falling down inside my dress.’ She began to cry.

Sam came out of the leaves and stood ruefully beside her, trying to get hold of her hand. ‘I only wanted to please you,’ he said. ‘It’s a sad thing to show you, I know, and not very exciting, but I thought it was beautiful, and—’

‘I *hate* it,’ said Yvonne, and began to run a way from him across the grass, blubbering as she ran. She was before him at the hole in the railings, and he had

to run after her as she hurried along the pavement, trailing a sort of bramble behind her from her skirt.

Now Sam's confidence was all gone. 'Yvonne,' he called, 'don't be holding it against me, Yvonne. I didn't mean—'

'Oh shut up!' said Yvonne.

'Don't be holding it against me.'

'Oh stop whingeing!' she said.

The tram for Dun Laoghaire came lurching into sight as Sam still followed after Yvonne, pausing at her arm and asking her to forgive him. Yvonne got onto the tram and without looking back at him climbed the stairs quickly to the top. Sam stood still on the pavement and was left behind, his two hands raised in the air in a gesture of dereliction.

Once upon the tram Yvonne shed no more tears. When she got back to Upper George's Street she fumbled in her bag for the latchkey, which she had not had for long, and let herself into the shop. It was very still in the shop. The familiar smell of wood and old paper made itself quietly known. Behind her the last cars and trams were rumbling by, and in the dark space in front of her was to be heard the heavy breathing of her mother, already sleeping in the inner room. But in the shop it was very silent and all the objects upon the shelves were alert and quiet like little listening animals. Yvonne stood quite still there for ten minutes, for nearly fifteen minutes. She had never stood still for so long in her whole life. Then she went through into the inner room on tiptoe and began to undress in the dark.

Her mother had taken up the deep centre of the bed as usual. When Yvonne put her knee upon the edge in order to get in, the whole structure groaned and rocked. Her mother woke up.

'It's you, is it?' said Yvonne's mother. 'I didn't hear you come in. Well, how did the evening go off? What did you do with yourselves?'

'Oh, nothing special,' said Yvonne. She thrust her long legs down under the clothes and reclined stiffly upon the high cold edge of the bed.

'You always say that,' said her mother, 'but you must have done something.'

'Nothing, I say,' said Yvonne.

'What did Sam have to show you?' 'Nothing, nothing,' she said.

'Don't keep repeating that word at me,' said her mother. 'Say something else, or has the cat got your tongue?'

'Did you get the Christmas cards with the roses on?' said Yvonne.

'I did not,' said her mother, 'at tenpence the piece! Have you anything to say at all about your evening, or shall we go to sleep now?'

'Yes,' said Yvonne, 'I'm going to marry Sam.' 'Glory be to God!' said her mother. 'So he got you convinced.'

'He did not convince me,' said Yvonne, 'but I'm going to marry him now, I've decided.'

'You've decided, have you?' said her mother. 'Well, I'm glad of it. And why, may I ask, did your Majesty decide it just to-night?' 'For nothing,' said

Yvonne, 'for nothing, for nothing.' She snuggled her head under the sheet and began to slide her hips down toward the centre of the bed.

'You make me tired!' said her mother. 'Can you not tell me why at all?'

'No,' said Yvonne. 'It's a sad thing,' she added, 'oh, it's a sad thing!' She was silent then and would say no more.

All was quiet at last in the inner room and in the shop. There would be no more trams passing now until the following day. Yvonne Geary buried her face deep in the pillow, so deep that her mother should not be able to hear that she was just starting to cry. The long night was ahead.

Айрис Мердок. Что-то особенное

– Почему бы не прибрать его к рукам сейчас? – поинтересовалась миссис Гири. Она приводила в порядок газеты на прилавке.

Ивон оседлала стул посреди магазина. Наклонив его и едва не падая, зацепив ногу за ногу, чтобы не опрокинуться, она, как зверушка, терлась головой о деревянную спинку. В ответ Ивон ничего не сказала.

– Опять она сердится, – заметил дядя, стоявший в дверях задней комнаты.

– Кто это она? Она – это кошка, – проговорила Ивон и принялась яростно раскачиваться на стуле.

– Да не ломай ты его, – возмутилась мать. – Это последний приличный стул, а нового не предвидится, пока не появится тот парень, что делает плетеную мебель. Почему ты не приберешь его к рукам сейчас, я у тебя, кажется, спросила.

Совсем близко, за окном магазина протарахтел Дублинский трамвай, и в комнате на мгновение потемнело, а безделушки на верхних полках запрыгали и зазвенели. Вечер был жаркий, дверь распахнули настежь, и пыль залетала с улицы.

– Ну, отстань же ты от меня! Он мне *не нужен*, я *не хочу* замуж. В нем нет ничего особенного.

– Ах, ничего особенного, – не выдержал дядя. – Он славный молодой человек, у него стабильная работа, он хочет взять тебя в жены, а ты уже не первой свежести. Или ты собираешься всю жизнь на шее у матери просидеть?

– Не собираешься за него замуж, так нечего было его приваживать, – вставила мать, – и хватит стул ломать!

– Я, что, не могу просто дружить с молодым человеком, – ответила Ивон, – чтобы вы оба ко мне не привязывались? Мне уже 24 и я знаю, что делаю.

– То-то и оно, что тебе 24, – сказала мать, а вот Бетти Нолан и Морин Берк уже три года, как замужем, а ведь учились в школе на год позже тебя.

– Я не такая, как эта парочка.

- Вот именно!
- Это всё бабские журналы, – сказал дядя, – да романчики, которые она постоянно читает, вбили ей в голову всякие идеи, так что она ни за кого не пойдет, если он не арабский шейх.
- Слишком уж у нее много свободного времени, – добавила мать. – Вот и торчит целыми днями в темной комнатке, уляжется на живот, уткнется носом в свой роман, удивительно, как у нее еще глаза целы.
- Да неужели же я не могу прожить жизнь, как мне хочется? Моя жизнь – это все, что у меня есть, – возмутилась Ивон. – Просто не могу разглядеть в нем ничего особенного. А я не выйду за него замуж, если так и не разгляжу.
- Он принадлежит к Избранному Народу, – сказал дядя – в этом тебе мало особенного?
- Хватит об этом, – разнервничалась мать. – Сэм славный парень и совсем не такой, как все евреи. Он воспитал бы детей в лоне Ирландской Церкви.
- Да уж, – заметил дядя, – в этом он получше, чем все остальные, ребя их крошечный все за ними по пятам ходит, а они знай плят себе на макушку свои шапочки, прежде чем в церковь войти, да и в трамвае спокойно из-за них не проедешь. А вообще-то я против евреев ничего не имею.
- Наш Бог был евреем, – сказала Ивон.
- Перестань дерзить! – вспыхнула мать.
- Наш Бог был сыном Божьим, а это значит ни греком, ни евреем, – сказал дядя.
- Продавец Рождественских открыток сегодня придет? – спросила Ивон.
- Да, хотя я понять не могу, зачем их нести в середине лета.
- Я его подожду и сама отберу открытки. Ты всегда выбираешь такие скучные.
- Я выбираю те, что хорошо продаются, – возразила мать, – и не мозоль тут глаза, когда Сэм придет, здесь и так места едва хватает.
- Будь ты замужем, ты бы избавилась от всего этого, по крайней мере, в постель бы ложилась не с матерью, и вообще, ты всегда жалуешься, что это убогая дыра, – добавил дядя.
- Но это *и так* убогая дыра, а, будь я замужем, я была бы ещё в какой-нибудь убогой дыре, просто в другом месте.
- Сколько можно тебе говорить, – сказала мать, – вы могли бы купить новенький домик, из тех, что на Драмкондра Роуд. Парень из магазина Макмаллана знает того, кто всё устроит.
- Не нужен мне новенький домик, – вздохнула устало Ивон. – Говорю тебе, он мне не подходит в мужья, и всё тут!
- Пока будешь ждать, что выйдешь замуж по любви, – сказал дядя, – пройдет десять лет, а по любви ничего путевого ты не выберешь. Ты, к тому же, не Грета Гарбо, и тебе повезло, что хоть один молодой человек на тебя польстился. Разумные люди женятся потому, что хотят завести семью, а не из-за каких-то там чувств.
- Она все не может выбросить из головы того дылду – англичанина, Тони Тингамми его звали.
- Неправда! Избавь меня от этой ерунды, мама.

– Меня до ужаса бесил его голос, – сказал дядя. – Он так губки поджимал, как будто со сцены говорил.

– Или мне кажется, или чертовы англичане опять в этом году обставили нас в гребле? – рассеянно заметила мать.

– Он дарил мне цветы.

– Цветы, ты посмотри! – съязвил дядя. – И песенки тебе пел, ты как-то раз говорила!

– Он был бойкий парень, – вспоминала мать, – стройный такой, с приятными манерами. Ну и где он теперь – след простыл? А ты подожди, и посмотришь, что Сэм тебе на днях принесет.

– Да ты повернулась на этой истории с бриллиантовым кольцом! – возмутился дядя. – Ты и ребенку голову забьешь. Парень такой же бедный, как и мы.

– Беднее нас уже никого нет, – проронила Ивон.

– Конечно, он на хозяина работает, – размышлял дядя. – Но, кто знает, в один прекрасный день у него может быть свое ателье, и он будет сам себе господин. По нему это видно, недаром же он еврей. Но сейчас, ясное дело, он просто работник, и бедненький.

– Бедных евреев не бывает, – заметила мать. – Они только бедными притворяются, чтобы свои же у них последний кусок не оттяпали.

– Он вот-вот придет, – сказала Ивон. – И не вздумайте обсуждать его, когда он войдет, это дурная манера.

– Смотрите, кто у нас тут заговорил о манерах! – дядя всё язвил.

– Вспомни тот раз, когда мы его встретили на распродаже бедного мистера Стейси и потом пошли в бар Саллавана, и он дважды купил нам всем выпить?

– Это он хотел Ивон пыль в глаза пустить, – сказал дядя, – швыряясь деньгами. Готов поспорить, ему пришлось домой пешком идти.

– Послушай, что ты говоришь, тоже хорош! – вспылила мать. – И ты еще хочешь, чтоб я убедила ребенка!

– А я что, когда-то говорил, что она должна выйти за него из-за денег? – возразил дядя.

– Ну, понимаешь, – сказала мать. – У этих такой обычай. Они когда хотят, чтоб девушка за них вышла, приносят ей вдруг кольцо с бриллиантом, и девушка тут же соглашается.

– Если так, то они берут кольцо напрокат в дешевом магазинчике, – сказал дядя – а потом оно возвращается прямо на витрину.

– А что ты скажешь о кольце Джулии Бейти? – ответила мать с торжеством, – и, как там ее, сестры этой молоденькой Полли. Они за евреев вышли, обе, и с обеими так и получилось. Однажды вечером, ни с того, ни с сего: «Я тебе кое-что покажу», говорит он, и тут кольцо достает, и с той же минуты они обручены. Говорю тебе, обычай такой.

– Ну, надеюсь, ты права, уверен даже. Может, как раз это заставит нашу великолепную юную леди поразмыслить. Кольцо с бриллиантом, это уже что-то особенное, да?

– По крайней мере, оно даст ему шанс, – сказала Ивон.

– А, может, оно окажется у него с собой прямо сегодня вечером? – предположила мать.

– Я так *вовсе* не думаю! – сказала Ивон.

– Так куда вы все-таки собираетесь? – спросила мать.

– Понятия не имею, думаю, в город.

– Можете спуститься на пирс, – сказал дядя, – и посмотреть, как почтовый катер отчаливает. Всё лучше, чем сидеть в душном баре или прогуливаться вдоль Лиффи, речной гнилью дышать, и чтобы от тебя несло пивом, когда вернешься.

– Кстати, ты знаешь, что Сэм любит море, – напомнила мать. – Он ведь целый день задыхается в этой парилке, в комнатке с гладильным прессом.

– В городе веселее, – сказала Ивон. – Мы играем с Англией на нашем поле, и город уже украсили. А я целый день умирала от скуки в Кингстауне.

– Тебе везет, – сказал дядя, – что Сэм за тебя платит.

– А мне не нравится, что ты ходишь в эти сомнительные заведения, – высказалась мать. – Ясно, что это идеи не Сэма, а твои. Уж я знаю, Сэм не из тех, кто будет сидеть и мечтать в баре. Вот этим он мне тоже нравится.

– В Кимболе открыли новый лаунж-бар, – сказала Ивон, – как настоящая гостиная, хрустальные люстры, цветы. Может, мы туда пойдем.

– Придется вам платить лишнее, – заметил дядя.

– Это забота Сэма, – сказала мать. – Слава богу, в пабах теперь делают эти лаунж-бары, там можно не дышать портером, а порядочная девушка сидит там спокойно, и ее не примут неизвестно за кого.

– А вот и разносчик открыток! – воскликнула Ивон и спрыгнула со стула.

– Мистер Линч, как мы вам рады, – приветствовала его миссис Гири, – подумать только, год назад виделись, а будто вчера было.

– Добрый вечер, миссис Гири, – ответил мистер Линч. – Истинная радость видеть вас в добром здравии, равно как и мисс Гири и мистера О'Брайена. Все меняется к худшему, повсюду мерзость запустения. Мне говорили, бедная миссис Тейлор из Монкстауна уже год как отошла в мир иной.

– Да, бедняга, – но в семьдесят, к чему жаловаться, правда? Все под Богом ходим.

– Живот наш в руке Божией, миссис Гири, и кто знает, когда Всевышний призовет нас? Мы словно трава, что ныне зеленеет, а уже завтра червь могильный рыхлит землю, где она росла.

– Давайте-ка поглядим на открытки, а мистер О'Брайен присмотрит за магазином.

Ивон с матерью и мистер Линч следом за ними пошли в заднюю комнату. Она была очень темная, свет проникал только через матовое стекло окна в торце, выходящего в кухню. В комнате застоялся дух спальни – старых тряпок, пота и пыли. Миссис Гири включила свет. Двухспальная кровать, где она спала с дочкой, как гора, покрытая белым лоскутным одеялом, с медными шишечками на медном же изголовье, занимала половину комнаты. Большую часть второй половины занимал вытертый до блеска, набитый конским волосом диван, и места едва хватало для крытого бархатом столика и трех стульев,

выстроившихся в ряд перед каминной полкой, на которой ярусами высились фотографии и медные статуэтки зверушек. Мистер Линч открыл чемодан и стал раскладывать рождественские открытки на выцветшем красном бархате.

– Зарянка на снегу хорошо идет, – сказала миссис Гири, – и дилижанс раскупается, и церковь в огнях на фоне ночного неба.

– Традиционные рождественские темы, – заметил мистер Линч – равно привлекательны во всем мире.

– Ой, смотрите, – сказала Ивон, – в жизни ничего красивее не видела. Вот это действительно что-то особенное. – Она держала открытку на вытянутой руке. Розы, вышитые по белому шелку, в блестящей позолоченной картонной рамке.

– Это новая, – заметил мистер Линч. – И она несколько дороже.

– Это как будто не настоящая Рождественская открытка, странная она, – засомневалась миссис Гири. – Я думаю так, хорошая картинка и славные стихи – вот что нужно покупателю. Главное – чтобы было трогательно.

– А вот и Сэм, – крикнул мистер О'Брайен из магазина.

Сэм вошел и встал в дверях между комнатой и магазином, жмурясь от электрического света. Он был невысокого роста, «крепыш», как говорил о нем мистер О'Брайен, и едва ли мог считаться красавцем. Руки его постоянно мельтешили, лицо бледное, как блин луны, но глаза при этом темные, а копна темных волос напоминала гордо торчащие птичьи перья. На нем был лучший костюм, густого темно-синего цвета в серую полоску, и бледно-желтый шелковый галстук.

– Входи, Сэм, – пригласила миссис Гири. – Ивон давным-давно готова. Мистер Линч, это мистер Гольдман.

– Приветствую Вас, – сказали оба хором.

– Какой ты нынче нарядный, Сэм, – сказала миссис Гири – Планируешь особый вечер?

– Мы тут выбираем рождественские открытки, – бросила Ивон. – У вас есть что-нибудь с волком и осликом, мистер Линч?

– Вот, – нашел мистер Линч, – и вол, и ослик, а вот и Господь наш лежит в яслях, а рядом с ним Матерь Божия, здесь три волхва с их многоценными дарами, а тут ангелы сходят в ночи к бедным пастухам, а вот и та славная звезда, путь указующая. Когда Иисус родился в Вифлееме, в Иудее, в дни царя Ирода...

– Все равно эта мне нравится больше всего, – прервала его Ивон. – Взгляни, Сэм, правда, замечательная? – Она протянула ему открытку в позолоченной рамке.

– Вам обоим пора уходить, – напомнила мать, – и прекрати приставать к Сэму с этими открытками.

– Ничего страшного, – сказал Сэм. – Для меня Рождество значит то же, что и для вас, миссис Гири. Я его воспринимаю как символ.

– И это верно, – вставил мистер Линч. – Что, в конце концов, отличает нас, одного от другого? В доме Отца моего обителей много. Верно замечено, а будь это иначе, уж я бы вам сказал.

– Пойду, возьму пальто, – сказала Ивон.

– Не задерживайтесь допоздна, Сэм, – попросила миссис Гири. – А теперь счастливо, и, правда, удачного вам вечера.

– Прямо домострой какой–то, – пробормотала Ивон.

После прохладного затхлого духа магазина они попали прямо в теплые ароматные летние сумерки. Ивон откинула голову и важно зацокала каблучками, с выражением резкого недовольства, которое всегда появлялось у нее на лице в присутствии Сэма. Она не стала брать его за руку, и они бесцельно побрели по улице.

– Куда пойдём? – спросил Сэм.

– Мне все равно.

– Давай немного прогуляемся у моря и посидим на скалах возле купален.

– Внизу у воды очень ветрено, и не могу же я карабкаться по скалам в таких туфлях.

– Ну, пойдём тогда в город.

Как раз в эту минуту с моря послышалось звучное гудение, глубокое и печальное. Звук долетел снова, завис задумчивым ревом и тихо растаял.

– Ой, почтовый катер! – вскрикнул Сэм. – Пойдём, посмотрим, как он отчаливает, сто лет его не видел.

Они быстро дошли до Церкви Моряков и, обогнув ее, попали прямо во встречный поток рвущегося ветра. В вечернем свете пейзаж перед ними блеснул, как глянцевая цветная открытка. Почтовый катер уже зажег огни, и их бледные, неверные отражения плавали в светящейся от последних бликов дневного солнца воде. Как только они подошли ближе, катер начал медленно отчаливать от огромной, темной деревянной пристани, и стали видны толпы людей, машущих в сумерках белыми платочками. Все стояли в полном молчании. Кудрявая шапка темного дыма повисла над отливающей металлом водой, скрыла катер на минуту и поплыла вверх, и тут он снова появился, скользя меж двух разгоравшихся маяков прямо в открытое море. Позади катера, над мысом Хаут Хед, всходила огромная бледная луна.

– Луна воздела свой светильник[†], – проговорил Сэм.

– Много раз я провожала почтовый катер, и однажды я на нем уеду.

– Ты что, хочешь уехать в Англию?

Ивон взглянула на него с преувеличенным презрением.

– А разве не хочет любой ирландец, у которого есть душа, уехать в Англию? – заметила она.

И они медленно пошли назад, мимо золоченых окон отеля Росс, чтобы сесть на дублинский трамвай. Пока они взбирались на холм, катер наполовину скрылся за горизонтом, и дым его растворился в сгущающейся ночи, а когда они вышли из трамвая на Нельсон Пиллар, дневной свет пропал окончательно.

– Ну, и куда ты теперь хочешь пойти? – спросил Сэм.

– Перестань мне вечно задавать этот вопрос! – раздраженно ответила она. – Выбери, куда идти, сам, а я, может быть, пойду с тобой!

[†] Первая строка наиболее известной арии из популярной ирландской оперы Джулиуса Бенедикта «Лилия из Килларни» – прим. перев.

Сэм взял ее за руку, но на этот раз она ее не отдернула, и повел ее к мосту О'Коннел, а потом через мост к пристани. Лиффы текла, маслянистая и блестящая, темная, как Гиннесс, к дублинской бухте. Теперь идти было недалеко. Вдоль парапета с кованых переплетов уличных фонарей свисали металлические корзины с цветами, а плакат на мосту извещал на английском и ирландском, что Ирландия на своем поле готова принять гостей. В воздухе стоял смешанный запах мусора и цветочной пыли.

Сэм повернул её лицом к реке, и было видно, что он настроен сентиментально, не прочь постоять там немного, рука его подкрадывалась к талии Ивон. Луна уже вошла над домами. Но она сказала резко: – От запаха стоков здесь умереть можно. Пойдем в Кимболл, посмотрим, что у них за лаунж-бар.

Они свернули в проулок, который вел к Кимболл. Он был темный, маленький, грязный, но вспышки света и оживление в конце проулка подсказывали, где находится паб. Обычный бар, раньше единственный, располагался в цокольном этаже, вровень с улицей – бакалея Кимболл, а этажом выше – тот самый лаунж-бар. Из колодца лестницы понесло выпивкой, мужским потом, слышен был гул голосов, треньканье пианино.

Сэм с Ивон свернули и поднялись по ярко освещенной, застеленной ковром лестнице, от которой пахло свежей краской, и вошли в бар. Дверь за ними бесшумно закрылась. Всё здесь было неподвижно. Ивон прошла по толстому ковру, уселась на пухлый обитый тканью диван и расправила платье. В позолоченном зеркале за барной стойкой отражалось лицо Сэма, пока он заказывал джин с лаймом ей и бочковой Гиннес себе. На какое-то мгновение она попыталась сконцентрировать на нем всю силу своего воображения, но увидела лишь, как он с извиняющимся видом наклонился к бармену и как глупо он на ходу выворачивает наружу носки своих маленьких ножек. Он делал заказ так тихо, будто просил в аптеке нечто не совсем пристойное. В зале тут и там несколько пар сидело под приглушенным светом, бормоча что-то друг другу.

Когда Сэм вернулся с напитками, она громко сказала: – Можно подумать, ты в церкви, а не в пабе! «Гс-с-с!»), – зашикал на нее Сэм. Некоторые стали на них оглядываться.

Сэм сел рядом с ней на диван, весь сжавшись. Он придвинулся к ней ещё ближе, сворачиваясь при этом, как ёжик. Он боялся обидеть её, но при этом хотел её касаться. Сэм поставил стакан на стол и принялся тщательно и долго подбирать в уме слова, простые слова, которые привели бы к более важным. Он гладил худую смуглую руку Ивон бледной рукой с короткими и толстыми пальцами. Ее рука просто лежала расслабленно, но он успел к этому привыкнуть. Он сжал ей руку и попробовал привлечь Ивон к себе. Так они и сидели молча, Сэм удерживал её, поглаживая, Ивон словно застыла. Неподвижность затянутой в обивку комнаты не особенно располагала к тому, чтобы поболтать. Бармен звякнул стаканом и все в зале подскочили.

– У меня от этого заведения сердечный приступ будет, – сказала Ивон. – Как будто куча мертвецов вечеринку устраивают. Пойдем посмотрим, что у них внизу. Я там никогда не была.

– Там не очень приятно, – робко возразил Сэм. – Приличные девушки туда не ходят. Давай лучше вернемся на Генри-стрит. Помнишь, там кофейня, которая тебе как-то понравилась.

– То идиотское место! Я все равно пойду вниз. А ты как хочешь. – Она сказала это довольно громко и демонстративно направилась к выходу. Сэм, красный от неловкости, подскочил, на ходу сделав большой глоток из своего стакана, и выскочил следом за ней. Они вышли на улицу и спустились по железной лестнице, которая вела в полуподвал. Шум и запах стали еще резче.

На полпути Ивон занервничала.

– Иди-ка лучше ты вперед.

Сэм, спотыкаясь, обогнал ее и толкнул потемневшую дверь паба. Он тут тоже никогда не бывал прежде.

Они оказались в большой комнате с низким потолком, выложенной белым кафелем, со слепящими лампами без абажуров. Скользкий от пролитых напитков пол посыпан пропитавшимися пивом опилками, воздух тяжелый. Назойливое громыхание пианино, тонувшее в ровном гуле голосов, скорее не слышалось, а ощущалось. Несколько мужчин, сгрудившихся у барной стойки, обернулись и уставились на Ивон, стоило ей войти. Поначалу казалось, что там вообще нет женщин, но дымка рассеялась, и можно было разглядеть пару особ женского пола, жавшихся в альковах.

– Тут все–таки *есть* женщины! – победно заявила Ивон.

– Не лучшего свойства, – ответил Сэм. – Что ты будешь пить? – Ему было противно, что на него смотрят.

– Виски. – Она отказалась садиться, а стояла, слегка раскачиваясь, держась за один из кованых столбов по периметру бара. Мужчины вокруг смотрели на нее беззастенчиво оценивающими взглядами, и отпускали комментарии. Она слегка покраснела, но смотрела прямо перед собой горящими глазами.

Бедному Сэму было нелегко пробраться к бару. Посетители, стоящие у него на дороге, не спешили подвинуться, хотя и смотрели на него в меру дружелюбно. Бармен, inferнальный вариант своего коллеги с верхнего этажа, принципиально обслуживал двух клиентов, пришедших позже, и лишь после этого, с подчеркнуто ироничной вежливостью, подал Сэму напитки.

– Правда, тут лучше, чем наверху, – закричала Ивон, выхватывая у подошедшего Сэма стакан.

– Эта штука тебе быстро ударит в голову, – пронзительным голосом заметил стоящий рядом с Ивон мужчина.

– Да пошел ты к такой–то матери! – заорал Сэм в ответ и суетливо подтолкнул Ивон на середину зала, а там стал, цепко держа ее за руку

Она остановилась, пытаясь расслышать его голос и получая явное удовольствие от того, что стала частью этой шумной, пьяненькой толпы. Когда же выхлебала полстакана виски, пришла от всего в полный восторг. И теперь уж она поплыла в этом сомнительном потоке шума и суеты.

А через какое–то время уже было на что посмотреть: любопытный сюжет в ближайшей к ним части бара. Кто–то размахивал руками и злобно кричал. При этом слышно было, что хозяин бара орет еще громче:

– Еще раз поднимете руку, мистер, и вылетите отсюда! Пэтси, выставь-ка этого джентльмена на улицу!

Народ тут же посыпал из всех закутков, полюбоваться на это зрелище. Пианино внезапно смолкло, и голоса вдруг стали резкими и грубыми. Женщина с красной гвоздикой в волосах, надушенная чем-то убийственным, пристроилась рядом с Ивон, касаясь голым плечом ее рукава. Ивон сразу поняла, что это женщина дурного пошиба, и отодвинулась подальше. Та окинула ее провоцирующим взглядом.

– Пора бы нам убираться отсюда, – заметил Сэм.

– Да заткнись ты, – ответила Ивон, глядя горящими глазами на разворачивающуюся драму.

Высокий худощавый юноша, добыча, предназначенная Пэтси, раскачивался туда-сюда, все еще размахивая кулаком и пытаясь сделать заявление, явно или оскорбительного, или, напротив, оправдательного свойства, но, даже после нескольких попыток он не сумел справиться с этой сложной задачей. Его оппонент, толстый мужичонка, из Корка, судя поговору, сопровождал эти попытки презрительным хмыканьем, и вдруг с размаху двинул его в живот. Молодой человек закачался и, с видом величайшего удивления, накренился назад, под хохот толпы. Пытаясь не упасть, он ловко извернулся на каблуках и оказался лицом к лицу с Ивон.

– О! – все, что он смог изречь. Он пытался удержать равновесие, замерев вполоборота, протянув руку, словно в балетном па, и медленно вползавшая на его лицо улыбка с оттенком тихого идиотизма искажала его черты. Снова послышался смех.

– О! – снова произнес он. – Я думал, что уж все цветы увяли, но предо мною розовый бутон! – Он, казалось, снова обрел дар речи.

Женщина с гвоздикой хлопнула Ивон по плечу и вскрикнула:

– Давай, детка, ответь-ка этому славному джентльмену получше!

Тощий юноша глянул на нее:

– Не тронь эту юную леди! Она ведь тебе не чета. – И он метнул руку к ее прическе, выдернул гвоздику, дернулся еще раз и воткнул цветок в вырез платья Ивон. Заревели аплодисменты.

Ивон отскочила. Женщина развернулась с завидной быстротой и вlepила молодому человеку пощечину. Но еще бойче оказался ее спутник, смуглый мужчина с обезьяньими лапами, он выхватил цветок у Ивон из декольте и толкнул ее, да так хорошенько, что она влетела в стену. Народ на минуту смолк в восторге. Они взобрались на стулья, чтобы лучше все видеть, и теперь ряды ухмыляющихся, небритых лиц вглядывались сквозь мутный воздух. Лицо у Ивон стало пунцовым. Какое-то мгновение она стояла, неподвижно опершись на стену, будто приклеенная к кафелю. Тут Сэм взял ее за руку и поскорее вывел из бара.

Прежде, чем за ними захлопнулась тяжелая дверь, до них донесся вопль, слышный даже на улице: «Наверху безопаснее, мистер!» – то кричала женщина с гвоздикой.

Едва ступив на тротуар, Ивон вырвала руку у Сэма и бросилась бежать. Она унеслась по темной, вонючей улице вниз, туда, к огням бухты, но Сэм догнал ее, когда она остановилась, опершись на парапет у реки, опустив голову и тяжело дыша.

– Милая, милая, разве я тебе не... – начал было он, но договорить ему не дали. Из темноты появился некто третий. Это был все тот же тощий юноша, тоже бегом. Он схватил Сэма за руку, приговаривая:

– Не обижайтесь, мистер, без обид! Ведь то была лишь искренняя дань, дань скромного ирландского поэта – но настоящего поэта, мистер.

Он все еще держался за Сэма и во все глаза смотрел на Ивон, другой рукой пытаясь что-то нащупать в кармане пальто.

– Все в порядке, – ответил Сэм. – Уверен, что Вы не виноваты. А теперь нам пора, – и принялся мягко, но энергично разгибать сжавшие руку пальцы.

Но юноша вцепился крепко.

– Куда же мог я подевать его, треклятое мое стихотворенье, ...искренняя дань...скромная и искренняя дань чуду Природы... красивая женщина – она ведь чудо Природы, цветок...

– Да, да, все хорошо, – повторил Сэм. – Мы не в обиде, нам просто пора идти, чтобы успеть на трамвай.

– ...подобающее почтение, сладость сладчайшей! – тут поэт резко отцепился от Сэма и решил изобразить грациозную позу. Но, как оказалось, удержаться в таком положении было слишком сложно, он снова проехал на каблуках к краю пристани, но по дороге вступил в очень жесткий контакт с металлической цветочной корзиной.

– Не я ли говорил вам о цветах? – вскричал он. – Вот и они! Цветы как дар, как дань.

Он запустил руку в корзину и вытащил пучок герани с изрядным количеством земли, которая тут же кучкой рухнула на тротуар, отчасти, правда, Ивон в туфли.

– Ну же, – начал Сэм, но Ивон уже спешно уходила, болтая руками, постукивая то и дело ногами, чтобы вытряхнуть землю из туфель. Сэм кинулся за ней, а молодой человек – следом, не умолкая.

– Как звать её? – взывал он расстроено. – Как ту зовут, что вызывает дождь из райских лепестков чудесной розы! О! а глаза, а губы! – Как раз об этом я говорю в стихотворении.

И пока они так шли, змейкой, всё ускоряя шаг, по направлению к О'Коннел-стрит, молодой человек вырывал цветы из корзины, пропускал стебельки сквозь пальцы, дергал их и набирал полные пригоршни лепестков, потом перебрасывал их высоко над головой Сэма, чтобы они осыпали дождем Ивон.

– Ну-ка, молодой человек, – сказал внезапно материализовавшийся полицейский, когда процессия достигла моста О'Коннел. – Позвольте напомнить Вам, что на цветы, Вами оскверняемые, потрачены общественные деньги, и Вы можете быть подвергнуты преследованию по закону.

– Природа намеревалась... – начал было юноша.

– Вполне возможно. А я намереваюсь задержать Вас за нанесение злого преднамеренного ущерба. – Две фигуры слились в одно целое. Сэм и Ивон поспешно ушли.

Когда они поравнялись с книжным магазином Ханны, Сэм подошёл к ней поближе. Лицо у Ивон было каменным. Он принялся расспрашивать, как она.

Вначале она ничего не ответила, лишь яростно отвернулась от него, глядя на мост в направлении Вестморленд-стрит. Потом захныкала уставшим голосом:

– Ах, помолчи, с меня довольно, просто иди к трамваю.

Сэм всплеснул руками. Какое-то время он семенил позади нее, плюмаж черных волос лез в глаза. Наконец он позвал ее:

– Ивон, не уходи пока. Мне хочется, чтобы ты забыла об этом. Ты меня никогда не простишь, если ты уйдешь, и все это останется между нами.

Ивон замедлила шаг и угрюмо оглянулась.

– Не то, чтобы это имело значение, или чтобы я была чем-то особо удивлена. Я так и думала, именно этим всё обернется – такой особенный, славный вечер. Тем глупее с моей стороны, хватит!

Сэм сцепил руки, снова всплеснул ими. Ему удалось заставить ее остановиться и посмотреть на него. Они уже прошли вверх по улице приличное расстояние. Он быстро проговорил:

– Вечер все еще может стать особенным. Не порти его ссорой. Подожди немного. Это еще не последний трамвай.

Она поколебалась и не стала возражать, когда Сэм взял ее обмякшую руку.

– Но куда мы можем пойти в это время?

– Не переживай, – сказал Сэм с внезапной уверенностью. – Пойдем со мной, и, если ты будешь хорошей девочкой, я тебе покажу что-то особенное.

– Что-то – мне покажешь?

Она пошла за Сэмом к Грэфтон-стрит. Как только они повернули за угол, он смело переплел её пальцы со своими и сдвинул её худенькую ладошку в своей руке. Легким пожатием она показала, что не против. Так они шли долго, осторожно, непрочно держась друг за друга. Перед ними вырос темный силуэт парка Стивенс Грин, и они направились через дорогу к нему. Несколько человек еще стояли в золотом свете возле отеля Шелбурн, но на дальней стороне площади уже никого не было. Сэм потащил ее дальше, почти вплотную к ограде парка.

– У меня больше сил нет идти в этих туфлях, – пожаловалась Ивон. – Где то, что ты мне хочешь показать?

– Здесь, – он остановился и вдруг указал на дыру в ограде. – Здесь дыра, мы можем пролезть в сад.

– Нельзя, посетителей уже не пускают.

– Мы не посетители, мы – я и ты, – ответил Сэм. Он решительно поставил ногу в дырку и нырнул вглубь. Потом властно потащил ее за собой.

Она чуть вскрикнула, почувствовав под ногами сырой подлесок.

– Тут ужасно, у меня чулки рвутся!

– Дай мне руку.

Он поднял ее за руки и приземлил на темную лужайку. Пройдя несколько шагов по пружинистой траве, она почувствовала под ногами жесткий гравий дорожки. Они вышли к воде, под яркий свет луны. Луна глядела на них и из озера, почти полная, очень яркая, с четкими очертаниями.

– О, Господи! – только и сказала Ивон, на минуту умолкнув от призрачного сияния. Они стояли, держась за руки и глядя в темное зеркало озера, за ними тянулись их длинные лунные тени.

Ивон начала нервно озираться.

– Сэм, – прошептала она, – мне тут не нравится, нас увидят, пожалуйста, пойдем!

– Я тебя не обижу, – Сэм тоже шептал, ласково, с преувеличенной нежностью.

– Я о тебе позабочусь, я о тебе всегда буду заботиться. Я просто хотел тебе кое-что показать.

– Ну – ? – она прошла за ним несколько шагов и заглянула ему в лицо.

– Вот оно, – сказал Сэм.

– Где?

– Вот. Смотри, – он показывал на что-то темное впереди.

Ивон отпрянула от него яростно, с омерзением. Там, в темноте было что-то ужасное, будто чудовище. Потом она разглядела, что это упавшее дерево, лежащее поперек тропинки у озера. Ветки его почти касались воды.

– Что это? – спросила она с отвращением.

– Упавшее дерево. Не знаю, какое именно.

Она посмотрела на Сэма. Глаза у него блестели в темноте, отражая свет луны, почти как у кошки, но смотрел он мимо неё.

– Но ты ведь хотел мне что-то показать.

– Да, вот это бедное дерево.

На какое-то мгновение она просто онемела. А потом заговорила, захлебываясь:

– Так из-за этого ты не дал мне сесть на трамвай, заставил меня пройти почти мило, из-за этого я порвала чулки, из-за этого гнилого, червивого, старого дерева! – Она почти визжала, размахивала руками, и листья заколыхались перед круглым лицом Сэма, освещенным луной.

– Да нет же, – Сэм говорил очень спокойно, – ты только посмотри, Ивон, успокойся и просто посмотри. Оно такое красивое, а ведь дереву очень грустно лежать вот так, еще свежим, с зелеными листьями, точно сорванный цветок. Я знаю, это очень грустно. Но ты иди сюда, и мы будем словно пара птиц в ветвях.

Против ее воли он притянул ее к себе, протащил по листьям, толстым слоем лежащим на дорожке и очень нежно поцеловал ее в щеку.

Но Ивон высвободилась и, спотыкаясь, пошла к выходу, отводя перед собой ветки.

– И это все? – шипела она в бешенстве, – всё, что ты хотел мне показать? Оно – ничто, и я ненавижу его. Я ненавижу твое чертово дерево, грязь, и червей с жуками, которые падают мне за шиворот. – Она расплакалась.

Сэм вышел из-за дерева и стал рядом с ней с покаянным видом, пытаясь схватить ее за руку.

– Я просто хотел, чтобы тебе было в радость. На это грустно смотреть, я понимаю, но я подумал, это так красиво, и...

– Я его ненавижу, – процедила Ивон и бросилась бежать по траве, всхлипывая. Она первой добежала к дыре в заборе, и ему пришлось догонять ее; уже когда она бежала по тротуару, к ее юбке прицепилась плеть ежевики и тянулась за ней следом.

Теперь уверенность Сэма испарилась.

– Ивон, не злись на меня, я не хотел...

– Да заткнись ты!

– Не злись на меня!

– Перестань ныть!

Качаясь, появился трамвай в сторону Дун–Лэаре; Сэм все еще бежал вслед за Ивон, хватая ее за руку и умоляя простить его. Она вошла в трамвай и, не оглядываясь на Сэма, быстро поднялась до самой верхней ступеньки. Сэм застыл на тротуаре, да так и остался стоять, покинутый, протягивая руки.

В трамвае Ивон не плакала. Когда она вернулась на Аппер Джордж-стрит, она порылась в сумочке, поискала ключ – свой собственный появился у нее не так давно – и вошла в магазин. Там было очень тихо, стоял знакомый, едва уловимый запах дерева и старой бумаги. За спиной у нее гремели запоздалые трамваи и машины, в темноте слышалось, как тяжело дышит во сне мать в задней комнате. Но в магазине было тихо-тихо, и безделушки на полке были настроже, и молчали, как прислушивающиеся зверьки. Ивон стояла без движения минут десять, может, пятнадцать. Никогда в жизни она не проводила столько времени подряд неподвижно. Потом на цыпочках прошла в заднюю комнату и начала в темноте раздеваться.

Как обычно, мать легла прямо посередине. Кровать застонала и закачалась, а когда Ивон стала коленом на край кровати, чтобы взобраться на неё, сооружение заскрипело и покачнулось. Мать проснулась.

– Это что, ты? А я не слышала, как ты пришла. Ну, как прошел вечер? Чем вы занимались?

– Ничем особенным, – ответила Ивон. Она вытянула длинные ноги под покрывалом и неловко опустилась на холодный край постели.

– Всегда ты так говоришь, – проворчала мать. – Но ты же наверняка что-то делала.

– Говорю же, ничего.

– Сэм тебе что-нибудь показал?

– Ничего, ничего.

– Перестань повторять это слово. Скажи что-нибудь, тебе что, корова язык отжевала?

– Ты взяла открытки с розами?

– Нет, они стоят целых десять пенсов! Тебе что, совсем нечего рассказать – тогда давай ложись.

– Да, – сказала Ивон, – я выйду замуж за Сэма.

– Слава тебе, Господи! Так он убедил тебя!

– Он меня не убедил, но я теперь выйду за него замуж, я решила.

– Ты решила, да? Я очень рада. А отчего бы ее величество вдруг решили именно сегодня вечером?

– Ни от чего, – говорила Ивон. – Ни от чего, ни от чего.

Она примостилась с головой под простыню и отодвинулась от края кровати.

– Я от тебя устала. Неужели ты не можешь мне сказать, почему?

– Нет, – ответила Ивон. И добавила:

– Это очень грустно, ах, это так грустно! – тут она замолчала и не сказала больше ни единого слова.

Наконец и в задней комнате, и в магазине все стихло. До завтрашнего утра не прозвенит ни один трамвай. Ивон Гири зарылась головой в подушку, так глубоко, чтобы мать не услышала, что она заплакала. Впереди была долгая ночь.

Перевод Анны Совы, выпускницы филологического факультета ДонНУ 1997 г., преподавателя кафедры английской филологии ФИЯ ДонНУ в 2000-2001 гг.

Содержание

От составителя/Від укладача	3
Переводы с английского	5
G.G.N. Byron. She walks in beauty – Дж.Г.Н. Байрон. Она идет как ночь прекрасна... Перевод М. Златиной	6
John Keats. On The Sea – Джон Китс. Море. Перевод К. Козлитина	7
W.H. Davies. Leisure – У.Г. Дейвис. Досуг. Перевод П. Батрак	7
E.A.Poe. Eldorado – Э.А. По. Эльдorado. Перевод А. Бессмертной	8
Rudyard Kipling. The Oldest Song. For before Eve was Lilith. Old Tale. – Р. Киплинг. Старая песня. Ибо прежде Евы была Лилит. Вольный перевод П. Липановой	9
Р. Кіплінг. Прадавня пісня. Адже перед Євою була Ліліт. Стара легенда. Переклад О.В. Матвієнко	
Mary Elizabeth Frye. "Do Not Stand at My Grave and Weep" (1932) – Мэри Элизабет Фрай. «Не стой над могилой моей и не плачь...» Перевод И. Образцовой	9
Robert Frost (1874 – 1963). The Road Not Taken – Роберт Фрост (1874 – 1963). Нехоженый путь. Перевод К. Козлитина	10
Sylvia Plath. WINTER LANDSCAPE, WITH ROOKS – Сильвия Плат. Зимний пейзаж с грачами. Переводы О. Чувановой, В. Чоботовой, О.В. Матвиенко. Зимний этюд с грачами. Перевод В. Долгополовой	11
Alan S illitoe. Love in t he e nvirons of V oronezh – Любовь в окрестностях Воронежа. Перевод С.Н. Филюшкиной	13
Поэтический турнир. Из материалов конкурса художественного перевода.	15
W.E. Hawkins. Ask me, why I love you – У. Э. Хокинс. Спроси, за что люблю тебя. Переводы Е. Якушевой, Т. Чуприны, Д. Володиной, Е. Рындюк, А. Айдыновой, К. Зоговой, Ю. Маркевич, М. Иванова, А. Генералова, А. Селезнёвой. Вольный перевод Е. Федоровой	15
L.Kuster. A Wintry Night	17
Переводы В. Кривченко, С. Кропивы, Е. Карпуниной, А. Чебановой, Е. Ходюш, В. Шавшиной, Д. Шастовой, А. Генералова, В. Колено, В. Зрожевской, И. Иванченко, Л. Горловой, К. Кулешовой, В. Прысь, М. Олейника, К. Голубенко, Д. Губановой, К. Романенко, А. Логвиновой, Е. Еременко, О. Власовой, А. Кадькаленко, А. Писачук, Б. Семенчука, Е. Яковлевой, В. Ктитаровой. Вольный перевод В. Осташевской, Е. Верзиловой, А. Коваль, А. Ефименко, В. Хоменко	
Роджер МакГаф. Первый день в школе	23
Переводы Ю. Гращенковой, А. Ковалевой, К. Козлитина, А. Шигирт, В. Долгополовой, Д. Кошелева, О. Алмазовой, А. Звягинцевой, С. Галак, А. Дворецковой, Н. Сидоровой	
Jenny Joseph.*** – Дженни Джозеф. *** Перевод А. Малой.	32
Вольный перевод А. Коваль	
John Ga lsworthy. THE BR OKEN B OOT (1 923) – Джон Голсуорси. Рванный башмак (1923). Перевод А. Ковывчак	34
COMPTON MACKENZIE. THE PASSIONATE ELOPEMENT Chapter t he F irst. THE TOI LET – Комптон Макензи. Бегство с	40

возлюбленным. Глава 1. Утренний туалет. Перевод А. Андреевой	
Комптон Маккензи. Бегство влюбленных. Глава 1. Утренний туалет.	
Перевод Е. Коваленко	
Bruce Holland Rogers. Estranged	42
Чужие. Перевод А. Дворецковой. Слишком поздно. Перевод Н. Дятловой	
Бывшие. Перевод В. Будяковой. Чужие. Перевод Д. Сухаревской	
Разведенные. Перевод Е. Слюсаренко. В разрыве. Перевод Е. Петрушовой	
Отчужденные. Перевод Т. Эсенбек-кызы. Ставшая чужой. Перевод Е. Осиповой. Разведённые. Перевод В. Макаровой. В разные стороны.	
Перевод Д. Потраховой. Не вместе. Перевод А. Андреевой. Я остался один	
Перевод А. Шигирт. Потерянный. Перевод Д. Кошелева. Разведённые.	
Перевод Д. Моисеева	
Переводы с немецкого	66
Wilhelm Müller. Der Leiermann – Вильгельм Мюллер. Шарманщик.	67
Переводы К. Зоговой, Т. Чуприны, А. Веретельной	
Hilde Domin. Linguistik	68
Хильда Домин. Лингвистика. Переклады Є. Штольц, М. Сімакової	
Хильда Домин. Лингвистика. Переводы Н. Пащук, С. Слепканёвой	
Kurt Tucholsky. Augen in der Großstadt – Курт Тухольский. Глаза в	69
большом городе. Перевод С. Заборовской	
Brigitte Werner. an der Ampel	71
Бригитта Вернер. У светофора. Переводы Н. Кузьминой, И. Курбатовой, Е. Ишуткиной	
Бриджит Вернер. Встреча на светофоре. Перевод К. Максимовой	
Бригитта Вернер. На светофоре. Вольный перевод Е. Перфильевой	
Christian Fuchs. Der Herbst – Кристиан Фукс. Осень.	74
Переводы Е. Штольц, Н. Пащук, С. Слепканёвой	
E.T.A. Hoffmann DE RS ANDMANN (EIN FRAGMENT) –	77
Э.Т.А. Гофман. ПЕСОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК (ФРАГМЕНТ).	
Перевод В. Хайтул	
Peter Bichsel. Der Milchmann – Петер Биксель. Молочник.	79
Переводы Е. Дорош, С. Заборовской, Л. Васильевой, А. Савиновой, Е. Ли, А. Ларченко, А.В. Юшиной-Кюршнер	
Переводы с французского	87
Paul Verlaine. Voeu – Поль Верлен. Обітниця. Переклад К. Кобець	88
Stephane Mallarme. Salut – Stephane Mallarme. Salut (Привітання)	89
Переклад В. Чоботової	
Виктор Гюго. Назавтра поутру. Перевод О. Чувановой	89
В. Гюго. Когда начнет светать... Перевод О.В. Матвиенко	
В. Гюго. Завтра, на світанку. Переклад О.В. Матвієнко	
Paul Eluard. La nuit n'est jamais complète	90
Поль Элюар. Нам не хватает ночей никогда. Вольный перевод Д. Чуприны. Не бывает ночи без просвета Перевод Д. Скачека. Ночь никогда не бывает безрассветной. Перевод К. Сиротиной. Ночь полной не бывает. Перевод А. Чебановой. Поль Элюар. Ночь никогда не бывает полной. Перевод Е. Хайтул	

Marcel Mouloudji. Le Mal de Paris – Марсель Мулуджи. Я болею, Париж...	92
Перевод Е. Слепцовой	
René-Guy CADOU. *** – Рене-Ги Каду. ***	92
Переводы К. Кочетовой, Е. Петрушовой, М.А. Токмачевой	
Jules Verne. Voyages et aventures du capitaine Hatteras – Жюль Верн. Путешествия и приключения капитана Гаттераса.	95
Перевод Н. Астаховой	
Hervé LE TELLIER. Sonates de bar. A short-life in Vietnam	97
Эрве Ле Телье. Вьетнамский Шорт Лайф. Перевод К. Кочетовой	
Короткая жизнь во Вьетнаме. Перевод А. Нехамкиной	
Переводы с белорусского	100
Вольга Іпатава * * * – Ольга Ипатова. * * *	101
Жыве ў Светлагорску Жэнька. – Живет в Светлогорске Женька. Не маці ў інстытут праводзіла мяне. – Не мама в институт отправила меня. РАЊЦА 22 ЧЭРВЕНЯ –УТРО 22 ІЮНЯ. ЗА АКНОМ ЗАЦВІТАЮЦЬ ВЯРГІНІ... – ЗА ОКНОМ ЗАЦВЕЛИ ГЕОРГІНЫ... Як ты колешся, слова «сіротка!» – Как ты колешся, слово «сиротка!»	
Перевод А. Овчаренко	
Из Кастальского источника	104
«Мені п'ятнадцятий минало...» М. Мирза	105
«Между обидой и виной я выбрала вину...», «Сон» А. Чернова	105
Из стихотворений Екатерины Коваленко, студентки 3 курса специальности «перевод (английский, немецкий язык)» ФИЯ ДонНУ	107
В переводческой мастерской	119
Переводы Екатерины Перфильевой, студентки 3 курса специальности «Преподаватель английского и немецкого языков» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых	120
Галицька казка. Писано не в січні 1844 року і не Генріхом Гейне. Прощання з Мрією. Переспівав поему Г. Гайне «Німеччина. Зимова казка» Микола Сміливий, за допомогою Леоніда Первомайського	124
Iris Murdoch. Something Special – Айрис Мердок. Что–то особенное	161
Перевод А. Совы	
Содержание	188

Литературно-художественное издание
 Отражения. Выпуск 6-7.
 Первые опыты художественного перевода
 Ответственный редактор и составитель: О.В. Матвиенко
 Иллюстрации: В.В. Бондаренко